

К О Н Н ИГГУАЛЬДЕН

Кости холмов / Империя серебра

«ВСЕГДА
НАЙДУТСЯ ЛЮДИ,
АЛЧУЩИЕ ОТНЯТЬ ТО,
ЧТО ТЫ СОЗДАЛ».

• ЧИНГИСХАН • ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ •

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Кости холмов. Империя серебра

«Азбука-Аттикус»

2009, 2010

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Кости холмов. Империя серебра / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус», 2009, 2010 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-21896-3

Чингисхан прошел великий путь от изгоя до могущественного правителя, объединившего под своей властью прежде враждовавшие племена. Лишь сильной руке под силу удержать бескрайнее ханское царство, преодолев смуты и раздоры, сломив яростное сопротивление несогласных. Кажется, одному лишь ему, великому Чингисхану, по плечу такая задача. Но течет неумолимое время, и могущественному правителю приходит срок выбрать наследника... Великий хан обрел вечный покой, а его огромная империя, выкованная благодаря его чистому мужеству, тактическому мастерству и неукротимой силе, висит на волоске. Сыновья великого хана вступили в противоборство, каждый видит себя преемником отца и ведет собственную игру. Непокойно и в осиротевшем царстве: свирепые монгольские племена, за которыми не следит более всевидящее око Чингисхана, вновь готовы встать на путь раздора. Но вот Угэдэй, сын великого завоевателя, принимает власть над империей почившего отца, и кажется, нет в мире такой силы, что могла бы остановить ее возвышение. Но история все рассудит по-своему.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21896-3

© Иггульден К., 2009, 2010

© Азбука-Аттикус, 2009, 2010

Содержание

Кости холмов	7
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Конн Иггульден

Кости холмов; Империя серебра

Conn Iggulden

BONES OF THE HILLS

Copyright © 2009 by Conn Iggulden

EMPIRE OF SILVER

Copyright © 2010 by Conn Iggulden

All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© С. Р. Шабашов, перевод, 2011

© А. С. Шабрин, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

«Это настоящий мужской роман – такой, каким он должен быть...
Чрезвычайно познавательная книга о времени, давно канувшем в историю и
окутанном легендами».

The Wall Street Journal

«Иггульден, как всегда, мастерски создал великолепный образчик
бурлящей и захватывающей исторической прозы».

Publishers Weekly

Кости холмов

Моему сыну Артуру посвящается

Пролог

Клокотало пламя костра. Вокруг мелькали тени темных фигур с изогнутыми клинками в руках. Быстро кружились их широкополые одеяния; все громче становились завывания и улюлюканье. Чуть дальше сидели музыканты с инструментами на коленях. Перебирая пальцами струны, они извлекали ритмичные звуки и отстукивали ногами в такт музыке.

Перед костром тянулась вереница монгольских воинов – их поставили на колени, связали за спиной руки и обнажили грудь. Холодные и бесстрастные лица пленников были обращены в сторону ликующих победителей. Монгольский военачальник Курхаск получил сильные увечья во время битвы. Кровь запеклась на губах; правый глаз распух и закрылся. Что ж, бывало и хуже. Курхаск восхищался мужеством соплеменников, на чьих лицах не было ни малейшего признака страха. Исполненный гордости за своих, монгол наблюдал за тем, как голоса, обращаясь к звездам, темнокожие воины пустыни и размахивают кривыми саблями, обгабренными кровью тех, кого он знал с давних пор и кто только что расстался с жизнью. Племя темнокожих воинов представлялось Курхаску таким необычным. Такими странными казались ему и головные уборы в виде полоски ткани, многократно обернутой вокруг головы, и похожие на платья просторные рубахи поверх широких штанов. Большинство темнокожих мужчин носили бороду – до того густую и пышную, что рот, скрытый в гуще черных волос, алел, будто кровоточащая рана. Эти люди в основном были выше и мускулистее даже самых высоких и крепких монгольских богатырей. От жителей пустынь сильно пахло диковинными пряностями. Многие жевали какие-то темные корешки, то и дело сплевывая себе под ноги сгустки коричневой

слюны. Стараясь не выдать презрения к темнокожим воинам, Курхаск молча наблюдал, как они доводят себя до безумства, дергаясь и крича в головокружительном танце.

Монгольский военачальник понуро опустил голову. Теперь он понимал, что действовал слишком самонадеянно. Двадцать человек, которых отправил вместе с ним Тэмуге, были лишь наемными воинами и не имели должной подготовки. Защищая повозки с товарами, они действовали медленно и неумело и попали в плен. Вернувшись в мыслях на несколько месяцев назад, Курхаск понял, что порученная ему мирная миссия усыпила его бдительность. Оказавшись в краю высоких горных перевалов и приносящих скудные урожаи долин, монголы вели торговлю незатейливыми вещами с местными земледельцами, бедность которых поражала даже суровых монгольских воинов. Впрочем, дичь водилась в этих местах в изобилии, а однажды пришельцы изловили и поджарили на костре жирного оленя. Возможно, это и стало их роковой ошибкой. Крестьяне пытались предупредить Курхаска, показывая на горы, но он ничего не понял. И хотя монголы не ссорились с горными племенами, горцы напали. Под покровом ночи они внезапно вышли из тьмы и с дикими воплями, рубя кривыми саблями, налетели на спящих. Вспоминая кровавую резню, он зажмурился. Только восемь мужчин остались в живых. Правда, Курхаску ничего не было известно о судьбе его старшего сына. Его отправили разведывать путь, и монгол надеялся, что юноша выжил и сможет доставить хану печальную весть. Лишь одна эта мысль теперь утешала его.

Горцы разграбили повозки, забрали серебро и нефрит. Глядя исподлобья, Курхаск заметил, что кое-кто из врагов даже облачился в монгольские дээлы, забрызганные темной спекшейся кровью.

Свою монотонную песнь горцы исполняли неистово и исступленно, пока в уголках губ не скопилась белая пена. Когда глава племени обнажил клинок и с криком ринулся к пленникам, Курхаск гордо выпрямил спину и обменялся взглядом с товарищами.

– Еще не кончится ночь, а мы уже отойдем в мир духов и увидим родные холмы, – сказал он соратникам. – Хан обо всем узнает и обратит эту страну в пыль.

Негромкая речь, казалось, лишь усилила бешенство горца. По гневному лицу мусульманина быстро забежала тень клинка, которым он размахивал над головой монгольского воина. Курхаск невозмутимо наблюдал. Чувствуя дыхание неотвратимой гибели, он нашел в себе силы отбросить страх и встретить ее спокойно. По крайней мере, это давало ему некоторое удовлетворение. Он надеялся, что жены будут долго оплакивать его смерть.

– Не теряй мужества, брат, – добавил он.

Кривая сабля отсекла голову воина раньше, чем тот успел дать ответ. Хлынула кровь, горцы закричали и затопали ногами в знак одобрения. Воин ухмыльнулся и обнажил зубы. В обрамлении черной как смоль бороды и смуглой кожи они казались ослепительно-белыми. Сабля вновь опустилась, и еще один монгол рухнул на пыльную землю. Курхаск едва мог дышать. Гнев и злоба сдавили горло. Он умирал в далекой стране озер и чистых горных ручьев, в двух тысячах миль от Яныцзина. Местное население испытывало благоговейный трепет перед необычными чужеземцами и вело себя дружелюбно. В то самое утро, когда Курхаск собирался в дорогу, крестьяне пожелали ему доброго пути и на прощание дали тягучих сладостей, от которых слипались зубы. Он скакал под ясно-голубым небом, не подозревая о том, что горцы следят за ним. Он так и не понял, почему они напали. Разве что позарились на чужое добро. В поисках сына Курхаск украдкой осматривал окружающие холмы, надеясь, что тот станет свидетелем смерти отца. Допуская, что мальчик видит его, Курхаск не мог позволить себе умереть недостойно. Его мужественная смерть стала бы последним подарком сыну.

Мусульманину понадобилось три удара, чтобы отсечь третью голову. И когда она наконец скатилась на землю, он поднял ее за волосы и предъявил соплеменникам, смеясь и что-то бормоча на своем странном языке. Монгол уже начинал разбирать некоторые пуштунские слова,

но понять поток речи ему было не по силам. В хмуром молчании он наблюдал за кровавой расправой до тех пор, пока не остался последним живым пленником.

Курхаск поднял голову и бесстрашно посмотрел вдаль. Чувство облегчения овладело им, когда он приметил, что там, куда не проникал свет костра, что-то зашевелилось. Светлое пятнышко двигалось в темной мгле. Курхаск улыбнулся. Это он, его сын, подавал ему знаки. Монгол склонил голову прежде, чем мальчик скрылся из виду. Далекое светлое пятнышко исчезло во тьме, но Курхаск был спокоен, волнения и тревоги покинули его. Хан обо всем узнает.

Монгольский военачальник снова поднял глаза, когда мусульманин занес окровавленный клинок над его головой.

– Ты еще встретишься с нашими, – сказал Курхаск.

Не поняв слов, мусульманин замешкался.

– Пусть песок закроет твой рот, неверный! – вдруг прокричал он, но монгол тоже не понял его. Лишь утомленно пожал плечами.

– Ты не знаешь, что делаешь, – промолвил он, прежде чем окровавленный клинок опустился.

Часть первая

Глава 1

Порыв ветра налетел на хребет высоких холмов. В небе проплывали хмурые тучи, волоча по земле ленты серых теней. В утренней тишине земля казалась пустой и безлюдной, когда двое всадников двигались во главе узкой колонны – джагуна из ста молодых воинов. Монголы, возможно, проскакали уже тысячу миль, не встретив никого на пути, и только скрип кожи да фыркание малорослых лошадей нарушали царившее вокруг безмолвие. Временами они останавливались и напрягали слух, и тогда тишина словно накатывала на них со всех сторон.

О том, что Субудай – важный военачальник на службе у хана, можно было судить лишь по его манерам и выправке. Доспехи из нашитых на кожаную основу железных пластин порядочно износились, во многих местах виднелись дыры и ржавчина. Зарубки на шлеме свидетельствовали о том, что тот не раз спасал жизнь своему владельцу. Но хотя доспехи обветшали, этот человек по-прежнему оставался таким же крепким и безжалостным, как скованная морозом земля. За три года набегов на северные земли он проиграл всего одну мелкую стычку, но уже на следующий день вернулся и разгромил непокорное племя, не позволив недоброй вести о его неудаче разлететься по свету. Субудай явил образец военного мастерства в далекой стране, где воздух делался холоднее с каждой милей вглубь безлюдных пространств. У Субудая не было карт, и только молва указывала ему путь к далеким большим городам, стоявшим на реках, которые зимой сковывал такой прочный лед, что на нем можно было зажарить быка.

Справа от Субудая скакал Джучи – старший сын самого хана. Юноше едва исполнилось семнадцать лет, но, возможно, именно ему предстояло унаследовать власть над народом. Возможно, когда-нибудь он во время войны даже будет отдавать приказы Субудая. Но пока у Джучи были такие же доспехи из засаленной кожи и железных пластин, те же седельные мешки, то же оружие, что и у всех остальных воинов. Субудай хорошо знал, что Джучи не брезгует питательной смесью из сушеной крови и молока, разведенных небольшим количеством воды. Ибо эта земля не прощала беспечного отношения к вопросам выживания. И оба уже усвоили уроки зимы.

Джучи чувствовал пытливый взгляд военачальника и не терял бдительности. С ним он провел больше времени, чем с отцом, но старые привычки трудно преодолеть. Джучи не доверял никому, даже Субудая, несмотря на безграничное уважение к этому человеку. Командир Волчат был создан для войны, хотя и отрицал это. Субудай превыше всего ценил разведку, военную выучку, тактику, лук и стрелы, но те, кто шел за ним на войну, верили в то, что он победит при любом раскладе. Другие могли придумать новую конструкцию меча или седла, а вот Субудай создавал новые армии, и Джучи знал, что иметь такого наставника – особая честь. Юноша надеялся, что на востоке дела его брата Чагатая продвигались так же успешно. Как же легко было теперь, скача по холмам, пометать и представить, как онемеют от удивления отец и братья, когда увидят, как Джучи повзрослел и окреп.

– Какая самая важная вещь лежит у тебя в мешках? – вдруг спросил его Субудай.

Джучи на мгновение поднял глаза на сгущающиеся облака. Субудай любил проверять его знания.

– Мясо, командир. Без мяса я не смогу воевать.

– Разве лук не важнее? – переспросил Субудай. – Кто ты без лука?

– Никто, командир. Но без мяса я ослабну и не смогу стрелять.

Услышав, что юноша повторяет его же слова, Субудай проворчал:

– Когда мясо закончится, сколько ты протянешь на сушеной крови и молоке?

– Шестнадцать дней – самое большое. Если не умру от ран.

Джучи отвечал не задумываясь. С тех пор как вместе с Субудаем они покинули цзиньскую столицу, юноша хорошо выучил ответы.

– Какое расстояние ты сможешь покрыть за это время? – продолжал Субудай.

– Чуть больше полутора тысяч миль, если буду менять лошадей. И еще половину этого расстояния, если буду спать и есть в седле, – пожал плечами Джучи.

Заметив, что юноша отвечает, почти не задумываясь, Субудай сменил тактику.

– Чем опасны холмы впереди нас? – резко спросил он.

Джучи растерянно поднял голову:

– Я...

– Быстро! Люди ждут от тебя решения. Их жизнь зависит от твоего слова.

Джучи сглотнул. Субудай давно стал для него учителем.

– Солнце у нас за спиной, значит когда мы поднимемся на вершину холма, то будем видны как на ладони с расстояния нескольких миль, – ответил Джучи. Субудай начал было кивать, но юноша продолжил: – Земля сухая. Когда перевалим за гребень гряды, в воздухе за нами останется облако пыли.

– Хороший ответ, Джучи, – похвалил Субудай.

С этими словами он ударил пятками лошадь и помчался вперед к гребню холма. Как и предсказывал Джучи, отряд из ста всадников поднял ввысь целый столб красноватой пыли и мелкого песка. Кто-нибудь мог легко их заметить и сообщить об их местонахождении.

Достигнув вершины, Субудай не остановился и проскакал чуть дальше. Джучи последовал за ним, и через мгновение глоток пыли заставил его прокашляться в руку. Субудай остановил лошадь в пятидесяти шагах от гребня. Дальше начинался крутой спуск в долину. Без всякой команды монголы окружили своего полководца широким двойным полукольцом надобие натянутого лука. Тактика поставленного над ними военачальника давно была им знакома.

Насупив брови, Субудай уставился вдаль. Внизу, зажата холмами, тянулась плоская равнина. По равнине бежала река, полноводная после весенних дождей. Вдоль берега реки медленно продвигалась колонна, пестреющая хоругвями и знаменами. От волнения Джучи почувствовал, как внутри что-то сжалось, но все равно испытал восторг от увиденного – зрелище и в самом деле было восхитительным. Десять или одиннадцать тысяч русских конных витязей шествовали впереди под развевающимися красно-золотыми стягами. Позади конного войска тянулся длинный обоз из телег и запасных лошадей. На повозках и рядом с ними двигались несколько тысяч женщин, детей и слуг. Как раз в этот момент солнце выглянуло из-за серых туч и позолотило долину гигантским лучом. Доспехи витязей весело заиграли на солнце.

Их лошади, массивные и косматые, были почти вдвое крупнее монгольских низкорослых скакунов. Да и сами всадники в глазах Джучи тоже выглядели необычно. Закованные в кольчугу с головы до колен, они казались тяжелыми и грузными, точно изваянными из камня. Лишь голубые глаза да кисти рук оставались незащищенными. Облаченные в доспехи всадники подготовились к битве, в руках они держали длинные копья. Направленные стальным наконечником к небу, копья были вставлены торцом в кожаную чашку на стремях. Еще Джучи разглядел секиры и мечи, висящие на пояском ремне. К седлу каждого воина был прикреплен листообразный щит. Над головами колыхались узкие треугольные флаги. В игре солнечного света и тени зрелище было весьма впечатляющим.

– Они должны нас заметить, – пробурчал Джучи, подняв глаза на облако пыли вверх.

Субудай услышал его и повернулся в седле:

– Это не люди степей, Джучи. Их глаза не приспособлены видеть на таком расстоянии. Ты испугался? Их воины – настоящие великаны. Я бы испугался.

На мгновение Джучи овладела злость. Если бы эти слова сказал его отец, их можно было бы принять за насмешку. Но Субудай говорил с огоньком в глазах. Ему было немного за двадцать, слишком мало, чтобы командовать даже сотней. В нем не было страха, и Джучи знал, что его командира не пугают ни мощные боевые кони русских, ни грозные всадники. Он верит только в скорость и стрелы своих Волчат.

Джагун делился на десять арбанов, каждый с десятником во главе. Только десятники, по приказу Субудая, имели тяжелое вооружение. Остальные носили кожаные туники, поддетые под дээлы. Джучи знал, что Чингис предпочитал тяжелую конницу легкой, но воины Субудая, кажется, научились воевать с минимальными потерями. В бою они могли действовать проворнее и быстрее русских тяжеловесов, и к тому же монголы не ведали страха. Вместе со своим полководцем они жадно смотрели вниз и ждали, когда их заметят.

– Ты знаешь, что твой отец прислал гонца с приказом возвращаться домой? – спросил Субудай.

– Об этом все знают, – кивнул Джучи.

– Я намеревался идти дальше на север, но я слуга твоего отца. Он велит – я подчиняюсь. Тебе это понятно?

Джучи пристально посмотрел на своего командира, позабыв на время о русских витязях в долине.

– Понятно, – ответил он с бесстрастным видом.

Субудай тоже посмотрел на своего воспитанника довольным взглядом:

– Надеюсь, что это так, Джучи. За твоим отцом можно идти хоть на край земли. Хотелось бы услышать, что он скажет, когда увидит, как сильно ты возмужал.

Джучи едва справился с приступом гнева, на миг исказившим его лицо, но тотчас взял себя в руки и сделал глубокий вдох. Во многих отношениях Субудай заменил ему отца, но юноша не забывал и о том, что этот человек – преданный слуга хана. Достаточно одного слова Чингиса – и Субудай убьет его собственными руками. Глядя на Субудая, Джучи подумал, что, наверное, в его сердце останется немного места для сожалений, но слишком мало для того, чтобы сохранить юноше жизнь.

– Отцу понадобятся преданные люди, Субудай, – произнес Джучи. – Он не позвал бы нас, чтобы строить или отдыхать. Снова отыщет новые земли для разорения. Он как волк – вечно голоден и будет насыщать брюхо, пока не лопнет.

Нелестные слова в адрес хана заставили Субудая сердито нахмурить брови. За три года походов он ни разу не слышал, чтобы Джучи говорил об отце с любовью и теплотой. Правда, в его словах время от времени звучала тоска, но и та проявлялась все меньше с течением лет. Покинув дом мальчиком, Джучи вернется к отцу мужчиной. В этом Субудай давно перестал сомневаться. Несмотря на свою несдержанность, в бою Джучи действовал хладнокровно, и солдаты глядели на него с уважением.

– У меня есть еще один вопрос для тебя, Джучи, – сказал Субудай.

– У тебя всегда есть вопрос наготове, командир, – усмехнулся Джучи.

– Мы водили этих железных витязей за собой многие мили, чтобы измотать их лошадей. Перехватывали и допрашивали их разведчиков. И все же я так и не узнал, что за Иерусалим они ищут и кто такой этот белый Христос. – Субудай пожал плечами. – Может быть, настанет день, когда я с ним сражусь, но мир велик, а я не могу разорваться на части.

Говоря с Джучи, Субудай не отрывал глаз от вооруженных всадников в долине и длинного обоза позади них.

– Так вот мой вопрос, Джучи. Эти всадники для меня ничего не значат. Твой отец велел мне возвращаться, и я готов отправиться в путь прямо сейчас, пока на летних пастбищах довольно корма для лошадей. Тогда что мы тут делаем? Ждем, когда враг вызовет нас на бой?

– Отец назвал бы это именно так. Он сказал бы, что для мужчины нет ничего лучше, чем провести жизнь, воюя с врагами. А еще он, наверное, сказал бы, что тебе нравится это занятие, командир, и это единственная причина, по которой ты это делаешь, – ответил Джучи с холодным блеском в глазах.

Субудай ничуть не смутился.

– Может, он так и сказал бы. Только ты прячешься за его словами. Зачем мы здесь, Джучи? Их тяжеловесные кони нам не нужны даже на мясо. Зачем мне рисковать жизнью своих воинов только ради того, чтобы разгромить эту колонну?

– Если не ради этого, тогда не знаю, – нервно пожал плечами Джучи.

– Ради тебя, Джучи, – серьезно ответил Субудай. – Когда ты вернешься к отцу, тебе будут известны все виды боя в любое время года. Вместе с тобой мы брали большие и малые города, прошли через пустыни и дремучие, непроходимые леса. Чингис не найдет в тебе слабости. – Глядя в окаменевшее лицо Джучи, Субудай улыбнулся. – Я буду испытывать гордость, когда люди скажут, что ты постигал военную науку под началом Субудая Храброго.

Джучи не мог не ухмыльнуться, услышав прозвище Субудая от него самого. В военных лагерях не было секретов.

– Ну вот, – буркнул Субудай, указывая вдаль на дозорного, мчавшегося в начало колонны. – Командир, ведущий наших врагов, впереди. Большой храбрец.

Джучи представил внезапный страх, который смешает ряды неприятелей, как только они посмотрят в сторону холмов и увидят монголов. Субудай лишь тихонько посмеивался, когда от колонны отделилась большая группа всадников и начала двигаться вверх по склону холма, держа копья наизготове. Когда же пространство, разделявшее оба войска, достаточно сузилось, Субудай дерзко обнажил зубы. Русские выступали, самонадеянно поднимаясь по холму, и он страстно желал преподнести им урок.

– Джучи, где твоя пайцза? Покажи мне.

Джучи протянул руку за спину, где на седле висели колчан и лук. Подняв сумку из грубой кожи, юноша вынул оттуда дощечку из чистого золота с печатью в виде волчьей головы на ней. Вещица весила около двадцати унций и была тяжела, но невелика по размерам, чтобы удобно было держать в руке.

Субудай не обращал внимания на всадников, упрямо скачущих вверх по склону, чтобы встретиться с перворожденным сыном самого Чингиса.

– Твоя пайцза, Джучи, дает тебе право командовать тысячей под моим началом. Пайцза сотника из простого серебра, такая как эта. – Субудай протянул дощечку из светлого металла, чуть больше той, что была у Джучи. – Разница в том, что серебряную пайцзу дают командиру, которого выбрали начальники арбанов.

– Знаю, – ответил Джучи.

Субудай бросил взгляд на русских всадников. Они подступали все ближе.

– Десятники этого джагуна просили, чтобы в бой их вел ты, Джучи. Я тут ни при чем.

Субудай протянул серебряную пайцзу, и Джучи с радостью принял ее, отдав золотую дощечку военачальнику. Выражение лица Субудая было торжественным, нарочито сдержанным, хотя глаза горели ярким огнем.

– Когда вернешься к отцу, Джучи, ты будешь знать все звания и должности, – продолжил он. Затем сделал несколько уверенных взмахов рукой. – Правое крыло. Левое крыло. Центр.

Субудай направил взгляд поверх голов русских витязей, чьи кони легким галопом старательно взбирались по склону. Как только на дальнем утесе блеснула яркая точка, он уверенно кивнул:

– Пора. Ты знаешь, что делать, Джучи. Командуй.

Субудай молча похлопал юношу по плечу и скрылся за гребнем холма, оставив джагун под командой только одного военачальника.

Чувствуя на своей спине взгляды сотни воинов, Джучи постарался не выдать овладевшего им приятного возбуждения. Командиры арбанов избирались воинами. Затем десятники выбирали одного командира, за которым вся сотня шла на войну. Быть избранным таким образом означало удостоиться большой чести. Внутренний голос шептал Джучи, что все эти люди чтят только его отца, но, отмахнувшись от этих мыслей, юноша отбросил сомнения. Он заслужил это право. Вера в себя придала ему сил.

– Готовь луки! – скомандовал Джучи, и монгольские всадники разомкнули строй, оставив больше свободного места для удобства стрельбы.

Чтобы снять напряжение, Джучи крепче взялся за поводья. Он обернулся через плечо, но Субудай на самом деле исчез из виду, оставив его одного. Воины не сводили с Джучи глаз, и он принял невозмутимое выражение лица, зная, что они надолго запомнят его бесстрашие. Готовые к бою луки поднялись в ожидании сигнала, и Джучи вытянул вверх сжатую в кулак руку, чувствуя, как в груди сильно забилося сердце.

Когда противник оказался на расстоянии четырехсот шагов, рука Джучи опустилась, и воздух рассекли стрелы. Было слишком далеко, и те из них, что долетели до русских, ударились о щиты и упали наземь. Приподнятые и выставленные вперед, длинные щиты русских всадников служили им надежной защитой, закрывая тела воинов почти целиком. Монгольские стрелы вновь взмыли в воздух, но и вторая атака не дала результата. Русские не потеряли ни одного воина.

Мощные лошади русских скакали не слишком быстро, но расстояние между противниками сокращалось. Джучи наблюдал. Когда между ними осталось двести шагов, он вновь поднял руку, и монгольские луки снова были готовы пустить стрелы. Но Джучи не знал, пробьют ли стрелы вражеские доспехи с этого расстояния.

– Стреляйте так, как будто впервые взяли лук в руки! – закричал он.

Его люди ухмыльнулись, но выполнили приказ. Джучи невольно поморщился, видя, как стрелы пролетели точно над головами врагов, словно пущенные напуганными новичками. Совсем немногие стрелы попали в цель, повалив на землю лишь нескольких всадников и лошадей. Неприятель подступал ближе. Уже слышался гул атаки и было видно, как передние шеренги опустили длинные копья в предвосхищении битвы.

Джучи переживал, но внезапная злоба пересилила страх. Теперь хотелось только обнажить меч и направить своего скакуна на врага. Отчаянно покачав головой, Джучи, однако, отдал совсем другой приказ.

– Всем отступать и укрыться за гребнем холма! – прокричал он.

Джучи потянул за поводья, и конь помчался назад. Выкрикивая что-то бессвязное, монголы беспорядочно последовали за командиром. Джучи услышал, как за спиной раздалась глухая возгласы ликования, и желчь подступила к горлу. То ли от страха, то ли от гнева – юноша не знал.

Илья Мажаин сморгнул пот, мешавший глазам видеть позорное отступление монголов. Как и тысячу раз прежде, он ослабил поводья и положил руку на грудь, обратившись с молитвой к святой Софии, чтобы та даровала победу над врагами веры. Под кольчугой к груди прижималось самое ценное – золотой крест-мошечник с крошечным кусочком косточки пальца святой. Новгородские монахи уверяли Илью, что он будет жить, пока с ним крест, и Илья верил, что неуязвим. Покинув вместе с товарищами город святой Софии, он отправился на восток, где долго служил великому князю и даже намеревался идти в Иерусалим, чтобы защищать город от иноверцев. Но набеги монголов нарушили его планы.

– Отдай их мне, Господи, и я сокрошу их кости, уничтожу их поганные идолища, – тихонько молил Илья, подавшись вперед в седле и сгорая от желания сойтись с отступавшим врагом лицом к лицу.

Монголы бешено мчались вниз по дальнему склону, но лошади русских были сильны, и расстояние между противниками неуклонно сокращалось. Илья чувствовал настроение своих витязей, которые ехали рядом, выкрикивали ругательства и громко подбадривали друг друга. Они теряли товарищей в ночных перестрелках. Разведчики бесследно исчезали, или, того хуже, их тела находили позже с такими увечьями, от которых выворачивало желудок. За последний год Илья повидал столько сожженных городов, сколько не видел за всю прежнюю жизнь, и черный дым пепелищ отчаянно взывал к отмщению. Но монголы всегда исчезали раньше, чем он приходил на помощь. Теперь он гнал своего жеребца вперед, несмотря на то что утомленное подъемом животное уже начинало терять силы, хрипело и фыркало белой пеной, сгустки которой прибывало ветром к груди седока.

– Вперед, братья! – кричал Илья.

Он верил, что в этих местах поганные больше никому не причинят зла. Монголы осквернили все, что ему было дорого, – от улиц родного города до величественной простоты храма благословенной святой.

А впереди монголы беспорядочно отступали, едва различимые в облаке поднятой пыли. Илья отдал приказ выстроиться в плотную колонну из пятидесяти шеренг по двадцать человек в каждой. Витязи привязали поводья к луке седла и, управляя лошадьми только ногами, прикрываясь щитом и с копьями наперевес, наклонились вперед через шеи лошадей. Воистину это было великое воинство и оно было готово дать бой!

Путь отступавших монголов лежал мимо невысокого холма, поросшего старыми липами. Когда русские подошли ближе к древнему лесу, Илья заметил, как в зеленоватой дымке что-то зашевелилось. Он едва успел раскрыть рот, чтобы предостеречь остальных, как воздух наполнился свистом сотен стрел. Но даже тогда Илья ни секунды не колебался. Он велел держать строй. Он еще верил, что сквозь засаду можно прорваться.

Внезапно слева, громко заржав, повалилась подбитая лошадь. Повредив русскому военачальнику левую ногу, она чуть не выбила его из седла. Илья взвыл от боли и только изрек проклятие, видя, как вместе с лошадью рухнуло на землю бездыханное тело всадника. Град стрел беспрестанно обрушивался на русских ратников, и Илья с ужасом смотрел на то, как один за другим они валятся под копыта коней. Стрелы проходили сквозь кольца кольчуги, словно сквозь полотно, выбивая кровавые брызги. С яростным криком Илья бил ногами своего измотанного жеребца, понуждая того двигаться вперед. Но вот монгольская конница развернулась и, ведомая в бой своим командиром, начала наступление. Монголы действовали синхронно и быстро. Их приземистые лошадки резво неслись вперед, тогда как седоки ни на секунду не прекращали стрелять из луков. Илья почувствовал острую боль: стрела пронзила ему плечо. Но едва он успел опомниться, как два войска сошлись, и он собрался с силами. Он ударил копьем в грудь врага, но из-за слабости в плече оно выпало из руки так быстро и резко, что Илье на миг показалось, будто он сломал себе пальцы. Онемевшей, почти бесчувственной рукой Илья обнажил меч. Но вокруг с трудом можно было что-нибудь разглядеть. С земли поднялась густая красноватая пыль, и в этой пыли монголы, точно дьяволы, сновали повсюду, хладнокровно стреляя из лука по рядам неприятеля.

Илья прикрылся щитом, но от удара угодившей в щит стрелы его повело назад. Правая нога выскочила из стремени, и Илья зашатался, полностью потеряв равновесие. Не успел он выпрямиться, как другая стрела пронзила ему бедро. Крича от боли, Илья поднял меч и направил коня прямо на лучника.

Монгол этого ждал. Илья заметил лишь бесстрастное выражение его лица и то, что ростом тот был совсем как безбородый отрок. Илья ударил, но монгол проскользнул под мечом, выбив мощным толчком русского из седла. Ошеломленный, Илья грохнулся на землю.

Переносье шлема смялось, разбив Илье несколько передних зубов. Ослепленный следами, он все же поднялся с земли и сплюнул кровь вместе с обломками разбитых зубов. Левая

нога подогнулась, и он снова беспомощно опустился, тщетно пытаясь отыскать меч, который выронил во время падения.

Меч лежал почти рядом на пыльной земле, но, когда Илья наконец заметил его, было поздно. Позади послышался топот копыт. В последний момент Илья нащупал свой золотой оберег и едва успел произнести несколько слов молитвы, как монгольский клинок рассек ему шею. Он так и не увидел кровавой расправы над остатками своего войска – слишком неповоротливого и медлительного, чтобы противостоять воинам Субудая, полководца великого хана.

Отдав приказ десятку своих людей прочесать местность и доложить о передвижениях главной колонны русских, Джучи спешил, чтобы осмотреть убитых. Кольчуги русских не спасли им жизнь. Многие из распластанных на земле тел были буквально утыканы стрелами. Невредимы остались лишь шлемы. Джучи не нашел ни одного с пробитой головой. Подняв шлем, он потер его пальцем в том месте, где на металле осталась только блестящая царапина от удара стрелы. Вещь была сделана на славу.

«Нападение из засады удалось. Все прошло так, как и планировал Субудай», – спокойно подумал Джучи. Полководец будто читал мысли врагов. Джучи глубоко вдохнул, силясь справиться с дрожью, которая овладевала им после каждого боя. Нехорошо, если другие заметят его волнение. Он не знал, что сейчас воины смотрят на него, широко шагающего со сжатыми кулаками, и видят в нем лишь человека, неудовлетворенного достигнутым результатом и все еще жаждущего кровопролития.

В засаде стояли еще три джагуна. Они всю ночь провели в лесу, и теперь их командиры выехали из-за деревьев. После нескольких лет, проведенных в войске Субудая, Джучи знал этих воинов, как своих братьев, – так наказал ему когда-то Чингис. Двое из них – Мехали и Алтан – были крепко сложены, отличались преданностью, но им не хватало воображения. Джучи кивнул им обоим, как только они вывели лошадей на усеянное трупами поле. Третьим сотником был Кара – мускулистый коротышка с лицом, отмеченным шрамом от старой раны. Несмотря на уважительное обращение, Джучи чувствовал неприязнь Кары, причин которой не мог объяснить. Возможно, суровый воин злился на него из-за его отца. Продвижение Джучи у многих вызывало подозрения. Субудай открыто посвящал его во все свои замыслы и учил всем военным хитростям, как когда-то Чингис учил простого юношу-урянкайца, сделав его впоследствии своим полководцем. Субудай смотрел в будущее, тогда как другие, подобно Каре, видели в Джучи только избалованного ханыча, продвигаемого не за боевые заслуги.

Пока Кара подъезжал ближе, хмыкая при виде трупов, Джучи понял, что теперь он с ним на равных. Джучи принял серебро перед боем и до сих пор испытывал благодарность за оказанную ему честь и доверие жизни ста человек. И вместе с тем это означало, что Кара по крайней мере некоторое время не станет осторожничать в присутствии ханского сына. Джучи хватило одного взгляда, чтобы понять, что коротышка уже об этом подумал.

– Чего мы теперь ждем? – вдруг крикнул Кара. – Субудай будет биться, а мы любоваться травкой и сидеть без дела?

Джучи не понравился его слова, однако он отвечал вежливо, словно Кара просто поприветствовал его. Если бы командиром был коротышка, то он немедленно повел бы воинов к Субудая. И вдруг Джучи интуитивно сообразил, что Кара по-прежнему ждет от него приказаний, несмотря на его понижение в чине. Джучи заметил, что Мехали и Алтан тоже наблюдают за ним. Возможно, они делали это просто в силу привычки, но тут у него появилась идея, и он решил воспользоваться моментом.

– Видишь, какие у них доспехи, Кара? – спросил он. – Одна часть свисает со шлема, закрывая все лицо, кроме глаз. Другая часть кольчуги идет до самых колен.

– Кольчуга не защитила их от наших стрел, – возразил Кара, пожимая плечами. – Спешившись, они так медлительны, что становятся легкой мишенью. Думаю, для нас такая вещь бесполезна.

Видя, что Кара сконфужен, Джучи осклабился от удовольствия:

– Еще как полезна, Кара!

Субудай стоял высоко на холмах, окружавших долину. Его лошадь фыркала рядом, пробуя на вкус опавшие сосновые иголки. Чуть поодаль почти пять тысяч воинов отдыхали в полной боевой готовности. Темник дожидался возвращения разведчиков. Двести человек отправились во все концы, и теперь только оставалось получить их донесения, чтобы составить картину местности на многие мили вокруг.

Субудай не сомневался, что организованная Джучи засада принесет успех. Войско противника уменьшилось на целую тысячу, но все же оставалось еще слишком большим. Колонна витязей медленно продвигалась по речной долине в надежде, что ударный отряд вернется с победой. Русские не захватили с собой лучников, и это стало их роковой ошибкой. Но эти воины были такими огромными и сильными, что Субудай не мог рисковать, атакуя в лоб. Он собственными глазами видел, как эти богатыри, даже пораженные стрелой, продолжали бой, унося жизни двух, а то и трех его людей. Это были воины огромной отваги. Однако одного этого мало. Храбрецы идут вперед, когда их атакуют, и Субудай строил планы, исходя из этой закономерности. Он был убежден, что любое войско можно разбить наголову, если навязать свои условия. Но к его войску это, естественно, не относилось.

Двое разведчиков наконец примчались с донесением о последней позиции русских. Субудай велел им спешиться и начертить все палочкой на земле, дабы не возникло недопонимания.

– Сколько они выставили дозорных? – спросил он.

Чертящий схему монгол ответил без промедления:

– Десять сзади, командир, на большом расстоянии. По двадцать спереди и на флангах.

Субудай кивнул. Теперь он знал достаточно, чтобы начать сражение.

– Дозорных убрать, особенно тех, которые в тылу колонны. Снимите их, когда солнце встанет в зенит, и чтоб ни один не остался в живых. Я выступаю, как только увижу сигнал, что дозорные убиты. Знак подадите флагом. Повторить приказ.

Воин быстро повторил все слово в слово, как его научили. На войне Субудай не прощал недоразумений. Несмотря на умелое использование сигнальных флажков на дальних расстояниях, ему еще приходилось полагаться на рассвет, полдень и закат как на единственные временные ориентиры. Субудай задумчиво посмотрел вверх, сквозь ветви деревьев, – солнце скоро должно было достигнуть зенита. Ждать оставалось недолго, и он вновь ощутил, как засосало под ложечкой, что обычно бывало с ним перед битвой. Субудай сказал Джучи, что начинает бой лишь ради того, чтобы дать тому очередной урок. Так оно и было. Однако он не открыл Джучи всей правды. Субудай утаил, что в обозе русских имелись перевозные кузни. А поскольку кузнецы были ценнее всех прочих ремесленников, донесения о дымящихся на ходу железных повозках очень заинтересовали монгольского военачальника.

Субудай молча улыбнулся, сияя от нараставшего возбуждения. Как и Чингис, он не любил завоевывать города. Этим просто приходилось заниматься, потому что, как говорится, не передавив пчел, не отведашь и меду. Субудай жаждал сражений, каждое из которых либо служило лишним доказательством его мастерства, либо позволяло совершенствоваться в военном искусстве. Наивысшее наслаждение ему доставляло угадывать мысли противника, а затем рушить его планы и наносить полное поражение. Субудай не знал, зачем эти русские витязи зашли так далеко от родной земли. Да и какое это имело значение. Чингис не позволил бы вооруженным людям ходить по его земле – а ему принадлежал весь мир.

Носком сапога Субудай затер нарисованный на земле план, а затем повернулся ко второму разведчику, который все это время смиренно ждал, когда ему уделят внимание.

– Отправляйся к Джучи да узнай, что его задержало, – велел Субудай. – В этом бою он должен выступать на правом фланге.

– Слушаюсь, господин, – ответил разведчик.

Он поклонился, вскочил на коня и стремглав понесся вниз, петляя между деревьями. Прищурившись, Субудай взглянул через ветки на солнце. Битва начнется уже совсем скоро.

Под топот копыт и лязг оружия десятитысячного войска Андрей Мажаин то и дело оборачивался и глядел на гребень холма, за которым исчез его младший брат Илья. Куда же тот делся? И хотя Илья превосходил старшего брата и статью, и верой, для Андрея он по-прежнему оставался Илюшей. Андрей тяжело покачал головой. Он обещал матери, что будет присматривать за ним. Андрей был уверен, что брат настигнет врагов. Теперь, когда в этих местах показались монголы, остановить движение колонны Андрей не решался. Разведчики, посланные им во все концы, тоже как будто исчезли. Он снова посмотрел назад, силясь разглядеть вдали стяги тысячного отряда своего брата.

Впереди долина сужалась. Склоны холмов покрывала густая зеленая трава, и вся природа была наполнена красотой и покоем. Андрей полюбил эти места, но теперь думал о них все меньше, не сводя глаз с горизонта. Мажаин полупшепотом обратился к Пресвятой Богородице, когда впереди внезапно появились монголы. Их войско прошло через перевал и теперь двигалось навстречу русским.

Стало быть, разведчики погибли, и опасения Андрея подтвердились. Он выругался, но не смог удержаться, чтобы еще раз не бросить взгляд назад в надежде увидеть Илью. В тот же миг сзади послышались крики, и Андрею уже пришлось полностью развернуться и излить новые ругательства. Темная лавина всадников неожиданно начала стремительную атаку на тылы русского войска. Мажаин не мог понять, каким образом монголам удалось незаметно обойти его. Мысль о том, что враги передвигаются по холмам, точно горные духи, казалась просто невероятной.

Андрей верил, что его войско способно сокрушить монголов в бою. Ратники уже отцепили щиты и приготовились к битве, ожидая только его приказа. Андрей, старший сын знатного новгородского боярина, возглавил войско, поскольку именно его отец дал денег на вооружение, стараясь заслужить благосклонность одного из крупных монастырей, которые начали приобретать на Руси большое влияние.

Мажаин знал, что не может начать сражение, оставив незащищенным обоз. Ничто так не ослабляет войско, как ведение боя на два фронта одновременно. Поэтому сначала Андрей приказал трем командирам сотен прикрыть тылы. Заметив краем глаза движение на дальнем холме, он успокоился и улыбнулся. Вдали, из-за гребня холма, возвращались тяжеловесные кони. Над ними развевались на ветру русские стяги. Оценив расстояние, Андрей принял решение и подозвал гонца:

– Скачи к моему брату и скажи, чтобы шел защищать тыл. Он должен помешать монголам вступить в бой.

Юноша поскакал налегке – без доспехов и без оружия. А Мажаин наконец повернулся вперед. Он был уверен в своей победе. Прикрытый с тыла, он мог схватиться с несущимся навстречу врагом и не сомневался, что сокрушит монголов, раздавит их, словно железный кулак.

– Встать в строй! – прокричал он, направляя копье на врага. – С Богом! Вперед!

Гонец скакал во весь опор по пыльной земле. Сейчас, когда русских атаковали с двух сторон, скорость имела решающее значение. Пригнувшись как можно ниже, он прижался к

лошади. Теперь их головы поднимались и опускались почти вровень. Гонец был молод и полон энергии и уже почти домчался до отряда Ильи Мажаина, когда попытался остановить лошадь, не веря своим глазам. Из-за вершины холма выехало всего четыре сотни всадников, и все они словно прошли через ад. Многие из них были запачканы бурыми пятнами крови, да и в седле они держались как-то странно.

И вдруг юноша понял, в чем дело. Он в панике потянул за поводья, но было уже поздно. Стрела сразила его точно в грудь. Тело безвольно повисло на поводьях, и лошадь понесла.

Скача вниз по склону, ни Джучи, ни его воины даже не взглянули на распростертое на земле тело. Им понадобилось много времени, чтобы стянуть кольчуги с убитых, но хитрость дала результат. Монголов никто не остановил, и ничего не подозревавшие русские оказались атакованы с трех сторон. Как только спуск завершился, Джучи ударил пятками лошадь и вынул огромное копье из кожаной чашки. Копье было тяжелым и громоздким, а потому пришлось постараться, чтобы удержать его прямо и ровно на полном скаку.

Андрей быстро мчался вперед, сосредоточив всю свою мощь на кончике боевого копья. Он видел, как содрогнулись его воины при первой атаке монгольских лучников, пустивших в воздух тучу смертоносных стрел. Противник наступал стремительно, но и колонну на такой скорости уже невозможно было ни остановить, ни развернуть. Лязг щитов и топот копыт оглушали, и все же Андрей услышал раздавшиеся за спиной крики, голова мгновенно прояснилась. Он точно очнулся, но лишь для того, чтобы с ужасом обнаружить, что родной брат Илья атакует с фланга главные силы русского войска.

Однако изумленный Мажаин вскоре заметил, что нападавшие ниже ростом и одеты в окровавленные кольчуги. Некоторые из них потеряли шлемы, обнажив озлобленные монгольские лица. Андрей побледнел, поняв, что брат погиб и атакованный с двух сторон арьергард русских будет смят. Не в состоянии развернуться, он пытался отдать приказ своим и кричал что было сил, но никто не слышал его.

А впереди монголы подпускали русских все ближе, осыпая их градом стрел. Щиты русских пришли в негодность, и колонна зашаталась, словно раненый зверь. Витязи валились сотнями. Точно какой-то великан косил их ряды незримым серпом.

Сзади монголы уже подобрались к обозу, убивая на своем пути всех, кто держал в руках оружие. Андрей силился сосредоточиться, разобраться в происходящем, но враги уже окружили его. Копье вонзилось в шею вражеской лошади, разверзнув огромную рану и окропив его брызгами теплой крови. Вот в воздухе сверкнул меч, и Андрей ощутил удар по голове. Шлем спас его от немедленной смерти, но он едва не лишился сознания. Внезапно он ощутил сильный толчок в грудь, и он уже не смог ни вздохнуть, ни позвать на подмогу. Тщетно пытаясь глотнуть воздуха, он в конце концов ослаб, рухнул на землю и застыл, прежде чем предсмертные конвульсии сотрясли его тело.

В тот же вечер, озаряемый вспышками костров, Субудай объезжал лагерь своей десяти-тысячной армии. С убитых уже сняли все ценное, и полководец немало порадовал подчиненных, отказавшись в их пользу от своей доли добычи. Для тех, кто не получал платы за участие в боевых действиях, окровавленные медальоны, кольца и драгоценные камни стали вожаделенной целью в том новом обществе, которое создавал Чингис. На войне человек мог разбогатеть, хотя свое богатство монголы по-прежнему измеряли числом лошадей. Однако Субудай больше интересовали перевозные кузницы, особенно колеса, снабженные спицами, обитые железом и более удобные для ремонта по сравнению с цельными дисками монголов. Субудай уже велел пленным русским оружейникам продемонстрировать монгольским ремесленникам свое искусство.

Субудай подошел к Джучи, когда тот осматривал переднее копыто своего скакуна. Юноша хотел поклониться, но полководец опередил его и склонил голову сам в знак уважения. Воины джагуна, которым командовал Джучи, засияли от гордости.

Субудай поднял руку и показал Джучи пайцзу, которую взял у него в то утро.

– Ты заставил меня поволноваться, когда русские восстали из мертвых, – произнес он. – Смелое решение. Возьми. Это принадлежит тебе по праву. Ты заслуживаешь большего, чем серебро.

Полководец подкинул золотую дощечку в воздух, и Джучи подхватил ее, стараясь не терять самообладания. Лишь похвала самого Чингиса могла порадовать его больше в эту минуту.

– Завтра отправляемся домой, – объявил Субудай. – Всем быть готовыми к рассвету.

Глава 2

Струйка пота затекла в левую подмышку, и Чагатай сразу почувствовал зуд и жгучее желание сунуть руку под свои лучшие доспехи и почесаться. Но затем все же решил, что, хотя он и второй сын великого хана, прибегнуть к такой крайней мере было бы очень некстати на глазах правителя Корё¹, появления которого ожидали с минуты на минуту.

Чагатай украдкой взглянул на человека, который привел его в далекий, окруженный стеной город Сонгдо. Из-за полуденного зноя в покоях правителя было ужасно душно, однако Джелме, даже облаченный в лакированные латы, похоже, не испытывал ни малейшего неудобства. Он стоял неподвижно и теперь сильно походил на корейских придворных и стражников правителя, точно вырезанных из дерева.

Где-то вдали слышалось журчание бегущей воды, но в такой духоте и гнетущем молчании зала тихий плеск ручейка казался ревом настоящего водопада. Зуд становился невыносимым, и Чагатай старался изо всех сил занять свои мысли чем-то другим. Уставив взор в потолок из белой штукатурки и древних сосновых балок, юноша напомнил себе, что никаких причин для опасений у него нет. При всей своей доблести правители династии Ван не сумели остановить каракитаев, когда те вторглись в их земли и построили крепости. Если бы не армия Джелме, правитель Корё так и сидел бы узником в собственном дворце. Эта мысль пробудила в Чагатае смутное чувство самодовольства. В свои пятнадцать лет он уже обладал полной мерой гордости и высокомерия молодого воина и считал, что в его случае это оправданно. Джелме со своими людьми отправился на восток, чтобы проверить на прочность военную мощь соседей, и впервые в жизни увидел синюю гладь океана. Каракитаи встретили монголов недружелюбно и были изгнаны из Корё как побитые собаки. Хотя Чагатай понимал, что все это было предпринято лишь для того, чтобы получить дань с Корё, и не имело значения, обращался их правитель за помощью или нет.

Обливаясь потом, Чагатай терзал себя воспоминаниями о легком бризе с южного моря. Правда, по мнению юноши, прохладный ветерок – это самое лучшее, что было во всей этой сине-зеленой пустыне. И если Джелме корейские корабли просто очаровали, то Чагатая перспектива путешествия по глади моря совсем не радовала. Раз по нему нельзя скакать на коне, то какая в нем польза? Уже при одном воспоминании о поставленном на якорь и качающемся на волнах корабле у правителя начинало выворачивать желудок.

Во дворе ударил колокол, и эхо разнесло звон по саду, где пчелы трудолюбиво гудели над зонтиками цветущих акаций. Чагатай живо представил себе, как буддистские монахи звонят в огромный колокол, и немедленно выпрямился, снова вспомнив о правилах приличия. Прави-

---

¹ Корё – государство на Корейском полуострове, просуществовавшее с 935 по 1392 год. Современное слово «Корея» происходит от «Корё». – *Примеч. ред.*

тель вот-вот прибудет и положит конец его мучениям. Уже сама мысль о скором избавлении от зуда под мышкой делала его терпимым.

Колокол пробил вновь, и слуги раздвинули черные ширмы, впустив в зал аромат сосен с окружавших холмов. Заметив, что посвежело, Чагатай непроизвольно вздохнул. Толпа вельмож, одолеваемых желанием увидеть правителя, зашевелилась, и, пользуясь всеобщим оживлением, Чагатай все же сунул два пальца под мышку и начал энергично чесать, но, почувствовав на себе взгляд Джелме, снова принял невозмутимый вид. Тем временем правитель Корё наконец прибыл.

«Не такие уж они и высокие, эти корейцы», – подумал Чагатай, когда миниатюрный монарх порхнул в резной проем дверей. Юноша полагал, что правителя зовут Ваном, как и всех его предков, но кому было дело до того, как эти гибкие маленькие человечки называют друг друга? Вместо этого Чагатай обратил внимание на пару служанок из свиты. Девушки с золотистой кожей были куда интереснее человека, которому прислуживали. Юный воин с любопытством разглядывал, как эти девушки суетятся вокруг своего господина, поправляя его платье и помогая сесть.

Правитель, казалось, не обращал никакого внимания на любопытных монголов, дожидаясь, когда служанки закончат работу. Его глаза были почти такого же темно-янтарного цвета, что и глаза Чингиса, но им явно не доставало способности того вселять страх. В сравнении с ханом корейский правитель был просто ягненком.

Наконец служанки сделали свое дело, и взор правителя сосредоточился на монгольском арбане из десяти воинов, которых Джелме привел с собой. Чагатай только дивился тому, как этот кореец может носить столько одежды в такой жаркий день.

Правитель заговорил, однако Чагатай не понимал ни слова и вместе с Джелме был вынужден ждать, когда речь переведут на китайский, которым он так упорно пытался овладеть. Но и тогда он едва улавливал значение слов и поэтому слушал с нарастающим раздражением. Чагатай не любил чужеземные языки. Если человек знает, как на чужом языке будет «лошадь», зачем ему нужны другие слова? Очевидно, Чагатай полагал, что людям из дальних стран просто неизвестен правильный способ общения и им стоило бы лучше заняться его изучением, вместо того чтобы нести всякую тарабарщину.

– Вы сдержали свое обещание, – торжественно произнес переводчик, оборвав размышления Чагатая. – Крепости каракитаев сожжены, и нечестивый народ покинул прекрасную горную страну.

Снова наступило молчание, и Чагатай нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Двор правителя Корё как будто наслаждался неспешностью. Чагатай припомнил, как познакомился с их напитком, который назывался нокча. Джелме рассердился, когда Чагатай залпом опорожнил первую чашку и протянул ее за новой порцией напитка. Видимо, бледно-зеленая жидкость ценилась слишком высоко, чтобы ее пить вместо воды. Неужто одного воина должно заботить то, как ест и пьет другой! Чагатай ел, когда был голоден, и часто забывал являться на придворные застолья. Он никогда не понимал интереса Джелме к бессмысленным ритуалам, но не говорил о своих мыслях вслух. Чагатай поклялся себе, что запретит излишества, когда станет править монгольским народом. Пища не заслуживает того, чтобы ей уделяли столько внимания или изобретали тысячу способов ее приготовления. И совсем не удивительно, что корейцев чуть не завоевали. Им стоило бы пользоваться одним языком и питаться двумя-тремя блюдами, приготовленными быстро и без лишней суеты. Тогда у них оставалось бы больше времени на то, чтобы упражняться во владении оружием и тренировать тело.

Размышления Чагатая оборвались, как только заговорил Джелме, явно предварительно взвесив каждое слово:

– Вам повезло, что каракитайцы напали на мой передовой отряд. И тогда наши желания уничтожить этот жалкий народ совпали. Теперь я говорю от имени великого хана, чье войско спасло вашу страну от страшного врага. Где дань, обещанная твоими министрами?

Когда переводчик закончил, правитель слегка выпрямился на троне. И Чагатай подумал, что, может быть, этот дурак принял слова монгола за оскорбление? Или вспомнил о вражеском лагере на подступах к городу? По первому приказу Джелме его верные воины подожгли бы эти полированные балки, подпиравшие свод над головой корейского властелина. Для Чагатая оставалось загадкой, почему они не сделали этого до сих пор. Разве Чингис отправил их сюда не для того, чтобы оттачивать военное мастерство? Чагатай едва ли принимал во внимание искусство ведения переговоров, которому ему еще предстояло учиться. Джелме пытался объяснить необходимость умения вести дела с иностранными государствами, но юноша не видел в этом никакого смысла. Человек был либо друг, либо враг. И если он враг, то у него можно отнять все, чем он владеет. Придя к такому выводу, Чагатай улыбнулся. Хан не нуждался в друзьях. Ему нужны только слуги.

И снова он погрузился в мечты о том, как будет править своим народом. Племена ни за что не согласились бы признать его брата Джучи, даже если бы тот и был сыном хана. Чагатай самолично распустил слухи о том, что Джучи появился на свет в результате надругательства над его матерью много лет назад. Своей отстраненностью от мальчика Чингис позволил слухам пустить глубокие корни. Воспоминания вызвали улыбку на лице Чагатая, и рука непроизвольно скользнула на рукоять меча. Клинок, видевший рождение нации, отец передал не Джучи, а ему, Чагатаю. И в самой глубине сердца он знал, что никогда не принесет Джучи клятву верности.

Один из корейских советников припал к трону и тихим шепотом обратился к правителю. Шептались они достаточно долго, так что к тому времени, когда советник наконец занял прежнее место, разодетые в дорогие платья придворные заметно упрели и осоловели от духоты. Правитель заговорил снова, и его слова медленно переводили на китайский.

– Почетные союзники могут принять дары в знак новой дружбы, как и было условлено, – сказал правитель. – Сто тысяч листов промасленной бумаги – труд многих месяцев – уже готовы. – (При этих словах в толпе собравшейся корейской знати раздался многоголосый шепот, хотя Чагатай не мог даже представить, чем же так ценна бумага.) – Десять тысяч шелковых платьев и равноценное количество нефрита и серебра. Двести тысяч кынов² железа и столько же бронзы из рудников и железоделательных мастерских. Шестидесят тигровых шкур из моих кладовых завернуты в шелк и готовы к отправке. Наконец, восемьсот возов дуба и бука – от правящей династии в знак победы, дарованной вами народу Корё. Примите наш дар и ступайте с миром и честью и помните, что вы всегда можете рассчитывать на нас как на преданных друзей и союзников.

Когда переводчик закончил, Джелме сухо кивнул:

– Я принимаю твою дань, государь.

Хотя шея Джелме слегка покраснела, Чагатаю показалось, что тот все же намерен проигнорировать попытку правителя сохранить лицо. Дань получали завоеватели, и Джелме еще долго молчал, обдумывая слова правителя. Когда он снова заговорил, его голос звучал твердо:

– Я только прошу добавить к этому шестьсот отроков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. Я обучу их военному искусству моего народа, и они познают многие сражения и великий почет.

Чагатай силился не выказывать явно своего одобрения. Ему хотелось увидеть, как эти болтуны после всех разговоров о дарах и почетных союзниках проглотят такое требование. Заявление Джелме вскрыло подлинную расстановку сил в монарших покоях, и придворные заметно разволновались. Последовала гнетущая тишина, и советник снова склонился к трону.

---

² Кын – старинная корейская мера веса, равная примерно 600 г. – Здесь и далее примеч. перев.

Чагатай с интересом следил за развитием событий, заметив, как побелели костяшки пальцев правителя, вцепившегося в подлокотники трона. Чагатай устал от их позерства. И даже нежно-рукие женщины у ног корейского правителя утратили для него привлекательность. Ему хотелось лишь поскорее вырваться на свежий воздух, может быть, даже поплескаться в реке в лучах еще жаркого солнца.

Однако Джелме стоял недвижимо, а его суровый взгляд как будто заставил понервничать столпившихся вокруг трона придворных. Их колючие глаза то и дело косились на монголов, молчаливо ожидавших ответа. Население Сонгдо составляло менее шестидесяти тысяч жителей, и город располагал не более чем трехтысячным войском. Правитель, конечно, мог важничать сколько угодно, но Чагатай понимал истинное положение дел. Поэтому, когда ответ наконец-то был дан, он не удивил никого.

– Вы окажете нам честь, командир, если примете на службу такое число наших юношей, – произнес правитель Корё.

Выражение монаршего лица было печально, но Джелме ответил переводчику вполне доброжелательно, Чагатай, впрочем, уже не слушал. Его отец велел Джелме возвращаться домой спустя три года походов по восточным землям. Как было бы замечательно вновь увидеть родные холмы, и Чагатай едва сдерживал нетерпение. Джелме, кажется, думал, что эта бумага будет иметь какую-то важность, но Чагатай сомневался, что Чингис оценит ее. Хотя бы в этом отец был предсказуем. Хорошо, что Джелме потребовал шелк и дерево твердых пород. Подобные вещи стоило иметь.

Внезапно во дворе снова раздался удар колокола, возвестив об окончании аудиенции. Служанки помогли своему господину подняться и засеменили за его спиной. Как только обстановка слегка разрядилась, Чагатай вздохнул с облегчением и довольно почесал у себя под мышкой. Домой. Джучи с Субудаем тоже скоро вернутся. И Чагатаю не терпелось увидеть, как изменился его брат за три года. В свои семнадцать он, должно быть, совсем возмужал, а Субудай, несомненно, хорошо его обучил. Предвкушая грядущие опасности, Чагатай принялся разминать шею руками.

В южной части Цзиньской державы воины третьей армии Чингиса предавались разгульному пьянству. За их спиной жители Кайфына, затворившись за его высокими стенами и мощными воротами, оказались в отчаянном положении. Некоторые китайцы прибыли сюда следом за императором, когда тот оставил Яньцзин и бежал на юг три года назад. Они своими глазами видели в северном небе дым сожженной столицы. Какое-то время чудилось, что монголы оставили их в покое, но потом войско Хасара потянулось следом за ними, оставляя на земле обгорелые раны, точно пройдя каленым железом по живой плоти.

Беззаконие и хаос царили на улицах Кайфына. Даже в центре города стало небезопасно. Те, кто располагал вооруженной стражей, могли подняться на городские стены и посмотреть вниз на армию осаждавших. Но то, что они видели там, не давало ни утешения, ни надежды. Для китайцев сама расслабленная атмосфера в войске Хасара, осаждавшем город, была оскорблением.

В тот день брат великого хана устроил ради забавы соревнование по борьбе среди своих воинов. Бесчисленные табуны коней, лишь изредка тревожимые кнутами табунщиков, бесцельно паслись вблизи беспорядочно разбросанных монгольских юрт. Монголы не столько взяли Кайфын в осаду, сколько расположились лагерем у его стен. Китайцам, ненавидящим и боящимся этих кочевников, было больно смотреть, как развлекаются их враги, убивая время играми и борьбой, когда в Кайфыне уже начался голод. Хотя и китайцам не была чужда жестокость, даже они удивлялись безжалостности монголов, которые не проявляли ни малейшего сострадания к тяготам и лишениям горожан и только возмущались, что те так долго не

сдают город. Уже три месяца монголы не снимали осады, проявляя какое-то нечеловеческое, безграничное терпение.

Императорская столица Яньцзин пала под натиском этих варваров-коневодов. Огромная армия цзиньцев не смогла остановить их. Памятуя об этом, в Кайфыне потеряли всякую надежду. Улицами правили свирепые шайки бандитов, и только сильные отваживались высушить нос из дому. Пищу раздавали на главной площади, но иногда раздача не проводилась вовсе. И никто не знал, то ли еда закончилась, то ли ее похитили по пути.

А тем временем в лагере продолжался поединок борцов. И когда борец, известный под именем Баабгай, Медведь, поднял противника над своей головой, Хасар вскочил на ноги и возбужденно заорал на пару с Хо Са. Победленный поначалу пытался сопротивляться, но Баабгай стоял недвижим, светясь лучезарной улыбкой, словно глупый ребенок. Ставки резко пошли на убыль, а потом вовсе прекратились. Победенный был до того изможден, что ему хватало сил только на то, чтобы вяло тянуть Баабгая за квадратные кончики пальцев.

Приметив этого борца среди китайских рекрутов за его рост и силу, Хасар немедленно забрал его себе. И теперь Хасар с нетерпением ждал, когда сможет выставить Баабгая против одного из чемпионов у себя дома. Если он правильно рассчитал шансы, то мог бы за один поединок ободрать сразу нескольких человек, включая брата Тэмуге.

Баабгай невозмутимо ждал приказа Хасара. Мало кто мог столько времени удерживать на вытянутых руках взрослого воина. Порозовевшее лицо Баабгая блестело от пота.

Но Хасар смотрел сейчас куда-то сквозь гиганта-борца, обратив мысли к посланию Чингиса. Гонец, присланный его братом, так и стоял рядом, не сходя с того места, куда поставил его Хасар несколько часов назад. Мухи жадно сосали соль с кожи гонца, но юноша не смел шелохнуться.

Хорошее настроение Хасара вдруг улетучилось, и он раздраженно подал знак своему чемпиону.

– Ломай его! – выкрикнул он.

Резко вдохнув, толпа замерла, а Баабгай вдруг присел на одно колено и опустил своего противника на выставленное бедро другой ноги. Затем в тишине раздался хруст переломанного хребта, все вокруг закричали и принялись делить выигрыш, а Баабгай снова расплылся в беззубой улыбке. Хасар отвернулся, когда покалеченному наконец перерезали горло, милостиво не бросив его на поживу псам и крысам.

Почувствовав, что мысли делаются все мрачнее, Хасар дал сигнал, чтобы начинали следующую схватку и принесли новый бурдюк черного арака: может, хоть это отвлечет от тяжелых дум. Если б он узнал раньше, что Чингис будет созывать войска, то потратил бы отпущенное время с большей пользой, пройдя вглубь китайских земель. Вместе с Хо Са и сыном Чингиса Угэдзем он провел несколько замечательных лет, сжигая города, разоряя их население и неуклонно подступая все ближе к убежищу малолетнего императора. Это было счастливое время.

Не склонный к самоанализу, Хасар все же пришел к выводу, что командовать войсками ему по душе. Для таких людей, как Чингис, это было вполне естественно. Хасар и представить не мог, чтобы Чингис позволил кому-нибудь вести себя в отхожее место, не говоря уже о сражениях. К Хасару это чувство пришло не сразу, но теперь потребность властвовать росла в нем, как мох на болоте. С братьями – Чингисом, Хачиуном и Тэмуге – он не виделся уже долгих три года. Его воины всегда ждали от него приказа, куда идти и что делать. Поначалу Хасар считал это занятие утомительным, понимая, что вожак жив, только пока стоит во главе стаи. Но потом он открыл для себя еще одну истину: править людьми столь же приятно, сколь и опасно. Его ошибки были только его ошибками, но зато и его победы принадлежали только ему одному. Лето пришло на смену весне, затем настала осень, и Хасар изменился. Он не хотел возвращаться домой. Тут, под Кайфыном, он был отцом десяти тысяч сынов.

Хасар окинул взглядом окружавших его людей – тех, кого он увел так далеко от родных юрт. Его правая рука – Самука, – как всегда, был пьян и весело наблюдал за поединком. Угэдэй неистово орал, обливаясь хмельным потом. На фоне широкоплечих богатырей он казался даже меньше, чем был на самом деле. Хасар невольно задержал взгляд на мальчишке, подумав, как тот воспримет известие о возвращении домой. В возрасте Угэдэя все казалось таким новым и интересным, и Хасар решил, что мальчишка обрадуется. Пока Хасар изучал лица своих людей, тоска скрутила его сильнее. Они получали тысячи женщин, а коней, серебра и оружия в таком количестве, что на подсчеты потребовалась бы целая жизнь. Хасар глубоко вздохнул. И все же великим ханом был Чингис. Поднять восстание против старшего брата было так же нереально, как вырастить крылья, чтобы перелететь через стены Кайфына.

Страсти вокруг поединка борцов накалились, толпа шумно ликовала, но Хо Са как будто заметил настроение полководца и предложил ему бурдюк с черным араком. Недовольный Хасар лишь натянуто улыбнулся. Хо Са и Самука слышали, что передал гонец великого хана, и оба знали, что день испорчен безвозвратно.

Когда-то тангутский командир лишь содрогнулся бы при мысли о пьяной пирушке в обществе вшивых кочевников. До появления монголов Хо Са вел простую, суровую жизнь и гордился своим положением в армии своего правителя. Хо Са поднимался с рассветом, после часа гимнастических упражнений шел купаться в холодной воде и начинал день с черного чая и хлеба с медом. Жизнь, которую вел Хо Са, казалась ему идеальной, и порой он тосковал по ней, хотя ее скучное однообразие страшило его.

Теперь, в самые темные ночные часы, когда обнажаются потаенные амбиции мужчины, Хо Са сознавал, что обрел положение, на которое никогда не мог бы надеяться в Си Ся. В войске монголов он стал третьим по званию, и люди, подобные Хасару, доверяли ему свою жизнь. Укусы блох и вшей были ничтожной платой. Следуя взгляду Хасара, Хо Са обратил пьяный взор в сторону Кайфына. Если император способен только на бегство за высокие стены, то это вовсе не император, насколько мог судить об этом Хо Са. Он снова приложился к бурдюку и, сделав глоток, скривился.

Временами тангуту действительно не хватало покоя и размеренности прошлой жизни, однако он знал, что они не потеряны навсегда. И эта мысль приносила ему утешение, когда он уставал или был ранен. К тому же теперь он был очень богат и не испытывал недостатка ни в золоте, ни в серебре. Когда бы Хо Са ни вернулся домой, у него будут жены, рабы и дорогое имущество.

Второй поединок окончился переломом руки, и оба бойца поклонились Хасару прежде, чем тот позволил им уйти залечивать раны. Состязание, возможно, будет стоить ему десятка раненых и нескольких убитых, но затея стоила этих жертв, чтобы укрепить воинственный дух его людей. В конце концов, они воины, а не жеманные девицы.

Хасар сердито смотрел на гонца. Именно Хасар взял те самые одиноко стоящие укрепления, которыми теперь монголы пользовались в качестве почтовых станций. Беспрерывная линия крепостей тянулась до самого Яныцзина, обугленные руины которого остались на севере. Если бы всего на восемнадцать дней раньше Хасар осознал, что созданный им новый торговый путь позволит ханскому гонцу быстро и беспрепятственно доставить ему приказ возвращаться домой, то стер бы эти крепости с лица земли. Разрешит ли брат остаться ему здесь еще на год и дожидаться падения Кайфына? От злости Хасар пнул ногой камень, заставив гонца вздрогнуть. Ответ был очевиден. Чингис ожидал, что брат бросит все и вернется, доставив домой ханского сына Угэдэя. Как же все это было досадно. Хасар гневно смотрел на Кайфын, словно эти могучие стены можно было сокрушить одним только гневом. Третья схватка борцов уже давно началась, и разгоряченная алкоголем толпа ликовала, но Хасар едва ли проявлял интерес к поединку.

– Повтори приказ, – вдруг обратился он к гонцу.

Из-за громкого шума юноше пришлось дважды повторить донесение:

– Возвращайся домой, брат, и испей черного арака с нашим народом. По весне будем пить кровь с молоком.

Потом гонец склонил голову, недоумевая, почему повеление хана вызвало такую реакцию.

– Это все? – буркнул Хасар. – Скажи, как выглядел брат, когда отправлял тебя с донесением?

Гонец нерешительно переступил с ноги на ногу:

– Великий хан обсуждал планы со своими приближенными, господин. У них были карты со свинцовыми гирями, но я не слышал, о чем они говорили до моего прихода.

Тут Хо Са поднял голову и уставился на гонца остекленевшими от пьянки глазами.

– Кровь и молоко означают, что он готовит новую войну, – произнес Хо Са.

При этих словах гул толпы внезапно стих. Угэдэй застыл, напрягая слух. Даже борцы остановились, неуверенные, следует ли им продолжать схватку. Хасар сощурил глаза, потом пожал плечами. Слышали его или нет, ему уже было все равно.

– Раз мой братец разложил свои драгоценные карты, значит так оно и есть, – тихо вздохнув, сказал Хасар.

Если бы Чингис знал, что он стоит под стенами Кайфына, то наверняка подождал бы. Малолетний император ускользнул от них из Яньцзина. Мысль о том, что цзиньский императорский двор увидит отступление монголов, была почти невыносима.

– Брат послал за Субудаем и Джелме? – спросил Хасар.

Под пристальными взорами толпы гонец нервно сглотнул слюну:

– Меня не посылали к ним, господин.

– Но ты ведь знаешь. Гонцы всё знают. Говори, или я вырву тебе язык.

Юноша, отбросив все сомнения, быстро заговорил:

– К ним послали еще двоих гонцов с приказом вернуться к хану. Это все, что я слышал, господин.

– А войска, что остались дома? Готовятся к походу или просто ждут?

– Войскам дан приказ согнать зимний жир, господин.

Заметив ухмылку Самуки, Хасар тихо выругался.

– Тогда это война. Возвращайся и скажи брату: «Я скоро прибуду». Этого достаточно.

– Должен ли я сказать, что ты прибудешь до конца лета, господин? – спросил гонец.

– Да, – ответил Хасар и плюнул на землю, как только гонец скрылся из виду.

Монголы заняли все города на сто миль вокруг Кайфына, взяв императора в кольцо разлухи и голода. И вот, когда Хасар уже почуял дыхание победы, его вынуждают отступить. Увидев, каким воодушевлением пылают глаза Угэдэя, Хасар отвел взгляд.

Но затем он подумал, что снова увидеться с братьями будет все же неплохо. К тому же интересно было сравнить трофеи Джелме и Субудая с тем, что наградил он, разоряя китайские города. Ведь чтобы уложить все это добро на телеги, пришлось вырубать целые леса. Хасар даже набрал рекрутов из китайцев и мог возвращаться домой с войском, которое было теперь на две тысячи человек больше того, что он привел с собой. Хасар тяжело вздохнул. Паче всех прочих трофеев он хотел принести Чингису кости мертвого императора.

Глава 3

Кобыла Чингиса быстро несла его по равнине. Он отпустил поводья и выпрямился, разрезая телом теплый воздух. Длинные черные волосы развеивал степной ветер. Легкая туника без рукавов распахнулась на груди, обнажив густую паутину шрамов. Старые штаны засалились и потемнели, как и мягкие сапоги в стремях. Чингис был без меча, и только лук висел

в кожаной сумке у бедра да небольшой кожаный колчан с ремнем через грудь подскакивал за плечами.

Небо над головой чернело от птиц. Они шумно хлопали крыльями, когда соколы вонзали в них острые когти и несли пойманную добычу хозяину. Вдалеке три тысячи воинов выстроились в кольцо и медленно гнали впереди себя все живое, что попадалось им на пути. Прошло немного времени, и центр кольца уже наполнился сурками, лисами, оленями, крысами, дикими собаками и множеством прочих мелких зверьков. Видя, как земля потемнела от живности, Чингис улыбнулся и обнажил зубы в предвкушении бойни. Заметив оленя, в панике метавшегося в центре круга, Чингис с легкостью сразил его меткой стрелой, вонзившейся глубоко под лопатку. Брыкаясь, олень рухнул, а Чингис обернулся и посмотрел на своего брата Хачиуна в надежде, что тот видел удачный выстрел.

Облавная охота давала мало возможностей для развлечения, зато помогала накормить много народу, когда у племени заканчивалось мясо. И все же Чингис любил ее, выделяя места внутри круга тем, кого хотел уважить и наградить. Как и Хачиун, Арслан, самый преданный хану человек, тоже был там. В свои шестьдесят кузнец был строен точно лезвие ножа и пока еще неплохо сидел в седле. На глазах у Чингиса он сбил голубя, когда тот пролетал над его головой.

Вот перед Чингисом пронесся борец Толуй, свесившись с седла за испуганно мелькнувшим в траве жирным сурком. Но тут из зарослей высокой травы появился волк. Лошадь Толуя резко шарахнулась в сторону, едва не сбросив седока. День удался на славу. Круг все сужался, и в самом его центре сотня наиболее толковых и ценных командиров сновала взад и вперед по кишасей зверьем земле. Животные сбились в такую плотную массу, что скорее погибали под копытами лошадей, чем от стрел. Кольцо сжималось до тех пор, пока воины не сошлись плечом к плечу, а довольные собой охотники не истратили все содержимое своих колчанов.

Приметив в траве еще одного волка, Чингис ударил пятками лошадь и бросился в погоню за удирающим зверем. Чингис уже готов был пустить стрелу, когда увидел Хачиуна. Тот тоже гнался за хищником, но потом развернул коня, уступив выстрел брату, и довольный Чингис завершил дело. Братьям было около сорока, оба крепки и в прекрасной форме. После сбора войск они возглавят поход в новые земли, и Чингис уже предвкушал победу.

Из цзиньской столицы он вернулся усталым и разбитым болезнью. Почти год ушел на поправку здоровья и восстановление сил, но теперь прежняя слабость стала только воспоминанием. К концу лета Чингис уже почувствовал былую силу, а вместе с ней и желание сокрушить тех, кто дерзнул лишить жизни его людей. Лишь бы враг оказался смелым и сильным, предоставил ему возможность до конца насладиться местью.

Чингис протянул руку за новой стрелой, но колчан опустел. Чингис вздохнул. Скоро сюда прибегут юноши и девушки с молотками и ножами в руках, чтобы довершить охоту и начать готовить туши животных для великого пира.

Хану доложили, что войска Хасара и Субудая в двух днях пути. Как только они вернутся, их будут чествовать рисовой водкой и черным араком. Еще Чингису не терпелось увидеть, как выросли и повзрослели его сыновья за годы разлуки. Такой сладостной казалась сейчас мысль о военных походах и завоевании новых земель вместе с Чагатаем и Угэдэем, чтобы и они смогли стать настоящими ханами. Чингис знал, что Джучи тоже вернется, но воспоминания о нем бередили старую рану, и ему не хотелось думать об этом. Он был вполне счастлив в годы мирной жизни с женами и подрастающими детьми, но он верил, что Отец-небо создал его для некой цели, и уж точно не для тихой жизни в сонном мире.

Чингис подъехал к Хачиуну в тот момент, когда брат похлопывал Арслана по плечу. Земля между ними была залита кровью и завалена мехом, и мальчишки крутились под самыми копытами лошадей, перекрикиваясь и подзывая друг друга восторженными голосами.

– Видели, какого волка я завалил? – сказал обоим Чингис. – Две стрелы ушли только на то, чтобы его остановить.

– Отличный выстрел, – ответил Хачиун, с лоснящимся от пота лицом.

В это мгновение тощий мальчонка оказался так близко от стремени Хачиуна, что тот наклонился, чтобы шлепнуть его по спине, но мальчик упал и распластался на земле, вызвав всеобщий смех.

Арслан улыбнулся, когда мальчик, встав на ноги, злобно взглянул на ханского брата и пустился бежать.

– Совсем еще дети, это новое поколение, – сказал он. – Я почти не помню, каким был в его годы.

Чингис кивнул. Детям племен больше неведом страх преследования, который познал он и его братья. Слушая их смех и звонкие голоса, он только дивился тому, чего достиг. Лишь немногие пастухи водили еще стада в долинах и на холмах его родной земли. Всех остальных он собрал в единый народ под началом одного человека и Отца-неба. Возможно, поэтому и был он достоин вызова, брошенного ему племенами пустыни. Мужчина без врагов становится мягкотелым и быстро жиреет. Народ вырождается. При этой мысли Чингис улыбнулся. Врагов по всему миру хватало, и он благодарил небо за то, что их были миллионы. Лучшего способа прожить жизнь он не представлял, а впереди его ждали счастливые годы.

Арслан заговорил снова, но голос его стал серьезнее:

– Уже многие месяцы, повелитель, я думаю оставить ратные дела. Пришло мое время. Я слишком стар для нового зимнего похода и, возможно, стал чересчур осторожен. Войскам нужен кто-нибудь помоложе и посмелее.

– Тебе еще жить да жить, – так же серьезно возразил Хачиун.

Арслан покачал головой и взглянул на Чингиса, ожидая его ответа.

– Я дождусь, пока вернется мой сын Джелме, но больше не хочу покидать родные края. Я верен тебе, Чингис, и не нарушу клятвы. Если скажешь, я сяду в седло и буду скакать, пока не упаду. – Арслан замолчал. Он говорил о смерти. Ни один воин не мог упасть с лошади, пока был жив. Лишь убедившись, что хан не сомневается в его преданности, он заговорил снова: – Никто не может скакать по степям вечно. Мои ноги и плечи болят, руки немеют при первом дуновении холода. Может быть, годы работы с металлом не прошли даром. Кто знает?

Поджав губы, Чингис медленно подвел свою кобылу ближе к старому командиру, чтобы крепко пожать его плечо.

– Ты был со мной с первого дня, – сочувственно сказал он. – Никто не служил мне лучше тебя. Если хочешь прожить остаток лет в покое, я освобождаю тебя от твоей клятвы.

С видимым облегчением Арслан склонил голову.

– Благодарю тебя, мой повелитель, – ответил он. Видно было, что его переполняют эмоции. – Наши пути пересеклись, когда ты был одинок и враги преследовали тебя. Я увидел в тебе силу и посвятил тебе жизнь. Я знал, что этот день придет, и подготовил себе замену. Решать тебе. Но я советую назначить Зургадая командиром тумена вместо меня.

– Никто не сможет заменить тебя, – решительно возразил Чингис. – Но я уважаю твой выбор и мудрость. Я знаю этого Зургадая. Его прозвали Джебе, или Стрела.

– Это так, – подтвердил Арслан, слегка скривившись. – В первый раз ты встретил его много лет назад, когда мы воевали с племенем бесуд. Он убил твою лошадь.

– Я вспомнил его! – неожиданно воскликнул Чингис. – Клянусь, он ловко стрелял. Кажется, с трехсот шагов? Помню, я чуть было не расшиб себе голову.

– Он слегка сдал, господин, но не намного. Он хранит тебе верность с тех самых пор, как ты пощадил его.

– Передай ему свою пайцзу и пригласи в мою юрту для совещаний, – кивнул Чингис. – Мы устроим праздник в твою честь. Сказители сложат о тебе песню и исполнят ее Отцу-небу,

и все воины услышат, что великий человек покидает свой пост. – Чингис задумался на мгновение, и Арслан покрылся гордым багрянцем. – Ты получишь тысячу коней из моего табуна и двенадцать женщин, чтобы прислуживали твоей жене. Я пришлю троих молодцов охранять твою старость. Ты не останешься в одиночестве. Я дам столько овец и коз, что ты сможешь запастись жиром на сто лет вперед.

Арслан слез с коня и прикоснулся лбом к сапогу Чингиса:

– Это большая честь для меня, повелитель. Но мне надо совсем немного. С твоего позволения, я возьму жену и малое стадо коз и лошадей для разведения. Вместе мы найдем себе тихое место возле реки. На холмах больше не осталось воров, но если кто-то объявится, мои лук и меч могут еще поговорить с ним вместо меня. – Арслан с улыбкой взглянул на человека, который у него на глазах превратился из мальчика в завоевателя государств. – Может, я еще построю маленькую кузницу и выкую свой последний меч, который унесу с собой в могилу. В моих ушах по-прежнему стучит молот, и теперь я спокоен.

Глядя на человека, который стал для него вторым отцом, Чингис почувствовал, как слезы навернулись на глаза. Он тоже соскочил с лошади и быстро обнял Арслана, заставив замолчать шумевших вокруг детей.

– Чудесная мечта, старик.

Земли в долине Орхона казались самыми зелеными на всем белом свете. Сама же река была широка и прозрачна. Субудай и Хасар наконец вернулись, и теперь надо было содержать двести тысяч мужчин и женщин да еще вдвое большее число лошадей. Под правящей дланью хана население росло, и где-нибудь обязательно слышался детский крик. После возвращения из Китая Чингис кочевал на Орхоне почти постоянно, отказавшись от Авраги. Конечно, Аврага навсегда осталась священным местом рождения нации, однако ее земли были засушливыми и плоскими. Здесь же, на Орхоне, водопад вспенивал и разбивал воду белыми брызгами, вдоволь снабжая влагой табуны лошадей и стада овец. Поправляя здоровье и набираясь сил, Чингис не раз плавал в его глубоких заводях.

Первым вернулся Хасар. По прибытии он немедленно встретился с братьями, чтобы обнять их всех: Чингиса, Хачиуна и даже Тэмуге, который больше не участвовал в походах, а занимался внутренними делами и улаживал споры между родами. Вместе с Хасаром вернулся и Угэдэй. Мальчику исполнилось только тринадцать лет, но он вырос мускулистым и длинноногим, и можно было надеяться, что ростом мальчик пошел в отца. В резких чертах лица Угэдэя братья находили сходство с мальчишкой, благодаря которому они, изгнанные и покинутые всеми, остались в живых, избежав голодной смерти. Слегка подталкивая Угэдэя в затылок, Хасар с гордым видом подвел его к отцу.

– А он неплохо обращается с луком и мечом, братец, – сказал Хасар, подняв бурдюк черного арака, и направил струю крепкого напитка себе в рот.

Радостный крик жены Чингиса Бортэ донесся из ханской юрты, и стало ясно, что Угэдэй сейчас будет окружен женщинами.

– Ты вырос, Угэдэй, – смущенно сказал Чингис. – Вечером расскажешь о своих странствиях.

Стараясь не выдать своего возбуждения, Угэдэй учтиво поклонился отцу. Три года вдали от дома – большой срок, но Чингис радовался тому, что юный воин вернулся. У него были такие же желтые глаза, как у отца, и Чингис оценил его твердость и невозмутимость. Хан не обнял сына, чтобы проверить крепость и силу его тела, решив не делать этого на виду у многочисленных воинов. Ведь день, когда Угэдэй поведет их за собой в бой, когда-нибудь обязательно наступит.

– Ты достаточно взрослый и, наверное, уже познакомился с араком? – спросил Чингис, приподняв в руке бурдюк.

Когда мальчик кивнул, отец бросил ему бурдюк, и Угэдэй ловко поймал его под громкие возгласы и веселые взгляды толпы. Когда в шатер вошла мать и обвила ребенка руками, он сохранял твердость, стараясь показать отцу, что он уже не маленький мальчик и не растает в объятиях матери. Но Бортэ едва ли обращала на это внимание. Лаская лицо сына обеими ладонями, она рыдала по случаю его благополучного возвращения.

– Оставь его, Бортэ, – пробурчал Чингис жене, стоя у нее за плечом. – Он достаточно взрослый, чтобы воевать вместе с отцом.

Но женщина пропустила его слова мимо ушей, и Чингис только тихо вздохнул и немного смягчился.

Когда великий хан увидел Субудая, едущего прямо к нему через многолюдную толпу на равнине, в груди больно заныло. Вместе с полководцем вернулся Джучи. Оба мужчины спешили, и вместе с Субудаем Джучи направился к хану уверенным шагом прирожденного воина. Чингис обратил на это внимание. Как заметил и то, что сын был уже на дюйм выше отца. И только карие глаза по-прежнему напоминали о том, что отцом Джучи мог быть не он. Чингис не знал, как будет общаться с сыном, потому, игнорируя юношу, инстинктивно обратился к Субудая:

– Надеюсь, ты вернулся с победой?

Субудай ответил с довольной усмешкой:

– Я видел много чудес, мой господин. И продвинулся бы еще дальше на север, если бы не твой приказ возвращаться назад. Значит, война?

Печаль легла на лицо Чингиса, но он лишь покачал головой:

– Об этом потом, Субудай. Врагов на ваш век еще хватит, но мой верный Арслан покидает меня. Как только вернется Джелме, мы устроим пир в честь моего старого друга.

Услышав новость, Субудай выразил сожаление:

– Я многим ему обязан, повелитель. В моем войске есть отличный сказитель. Могу ли я предложить его услуги?

– Десяток моих сказителей, как тигры, сошлись в поединке за честь сложить песнь о кузнеце-полководце. Твой человек тоже может присоединиться к ним, – ухмыльнулся Чингис.

Говоря с Субудаем, хан почувствовал, что Бортэ наблюдает за сыном. Она как будто ждала, пока ее первенцу скажут при всех хотя бы несколько одобрительных слов, прежде чем позвать его в дом. Наступило молчание, и Чингис наконец повернулся к Джучи. Как же трудно было держать себя в руках под пронзительным и дерзким взглядом его карих глаз. В монгольских станах уже давно никто не смел так смотреть на хана. И Чингис слышал, как сильно колотится сердце, словно перед ним стоял сейчас враг.

– Рад видеть тебя в добром здравии, отец, – начал Джучи голосом более низким, чем ожидал хан. – Перед моим уходом ты был еще слаб от яда убийцы.

Чингис заметил, как дрогнула рука Субудая, будто он хотел поднять ее и подать Джучи предупредительный знак. Полководец, казалось, был мудрее своего воспитанника. Однако юноша держался перед отцом уверенно, как если бы был рожден в законном браке и дома его ожидал радушный прием.

– Похоже, я не из тех, кого можно легко убить, – добродушно ответил хан. – Добро пожаловать в мой стан, Джучи.

Юноша не сдвинулся с места, ведь отец поприветствовал его, словно рядового воина, как в насмешку. Чингис не сказал ничего подобного ни Субудая, ни Хасару – друзьям такие слова не нужны.

– Ты оказываешь мне честь, мой господин, – поблагодарил Джучи, склоняя голову, чтобы отец не увидел гнева в его глазах.

Не сводя глаз с молодого человека, Чингис задумчиво кивал. Тем временем Джучи уже взял в ладони руки матери, склонив к ней бледное, напряженное лицо. Хотя глаза Бортэ наполнились слезами радости, с Джучи она вела себя сдержаннее, чем с Угэдэем. В такой обстановке мать не посмела обнять своего высокого юного воина. Прежде чем Чингис успел заговорить снова, Джучи повернулся к младшему брату, и все напряжение моментально улетучилось.

– Вот ты где, молодой человек, – произнес Джучи.

Угэдэй хитро улыбнулся и бросился навстречу Джучи, чтобы отвесить ему тумак в плечо и спровоцировать поединок, который вскоре закончился, как только голова Угэдэя оказалась под мышкой старшего брата. Чингис недовольно следил за происходящим, силясь подобрать какую-нибудь колкость, дабы приструнить Джучи. Тем временем старший брат отвел Угэдэя в сторону, мутузя его, невзирая на глухие протесты. Впрочем, хан еще не отпускал сына, а потому Чингис уже открыл было рот, чтобы позвать его назад, но тут заговорил Субудай:

– Твой сын хорошо усвоил науку, повелитель. Он командовал тысячей в бою, и мужчины уважают его.

Чингис поморщился, поняв, что упустил нужный момент.

– Не слишком ли быстро ты его научил? – поинтересовался он.

Какой-нибудь малодушный сейчас же признал бы правоту хана, но Субудай, преданный юноше, которого пестовал в течение трех долгих лет, возразил:

– Твой сын быстро научился командовать, повелитель. А главное, он научился вселять в людей веру в победу. Мой поэт сложил о Джучи много стихов, да и воины им довольны. Он способен повести за собой. Лучшей похвалы для него мне не найти.

Чингис направил взгляд туда, где развлекались Джучи с Угэдэем. Вместе они казались моложе и больше походили на мальчишек, росших в юрте Чингиса. Он недовольно покачал головой, а когда снова заговорил, надежды Субудая растаяли.

– Дурная кровь может ударить в голову в любую минуту. Он способен на предательство. Будь осторожен и не доверяй ему свою жизнь.

Субудай не смел перечить хану, чтобы не нарваться на грубость, хотя и сгорал от желания возразить против несправедливости. Все-таки он оставил свои возражения при себе и склонил голову.

– Джелме и Чагатай всего в трех днях пути отсюда, – немного повеселев, продолжил Чингис. – Скоро увидишь моего настоящего сына, Субудай, и тогда поймешь, почему я горжусь им. Украсим землю светильниками и будем есть и пить столько, что люди еще долго будут помнить об этом.

– Как прикажешь, повелитель, – ответил Субудай, пряча от хана свое недовольство.

За три года Джучи вырос у него на глазах и стал настоящим мужчиной, таким, который способен вести за собой целые армии. Субудай не видел в нем слабости и знал, что Джучи разбирается в людях. Наблюдая за тем, как хан глядит на старшего сына, Субудай искренне сочувствовал юноше, ощущая боль, которая должна была терзать его. Ведь никому не пожелаешь быть отвергнутым собственным отцом. Если бы хан обращался со всеми своими полководцами так же, как он обращался с Джучи, насмешки отца не причиняли бы тому столько страданий.

Когда Чингис, Хачиун и Хасар отвернулись, Субудай чуть заметно покачал головой и, приняв снова невозмутимый вид, присоединился к ним, чтобы заняться приготовлениями к празднику. Ждать прибытия Джелме и Чагатая осталось недолго, но Субудай совсем не горел желанием увидеть, как Чингис будет восхвалять своего второго сына, открыто отдавая ему предпочтение.

Глава 4

Джелме не спал. Что-то мешало ему уснуть. В крошечной тьме он привстал и внимательно прислушался. Дымовое отверстие юрты было закрыто, и глаза никак не могли привыкнуть к темноте. Лежавшая рядом с ним китаянка шевельнулась, Джелме протянул руку и коснулся ее лица.

– Тихо, – прошептал он.

Джелме хорошо знал звуки ночного лагеря: и ржание лошадей, и смех, и ночную капель, что так навевала сон. Знал во всех мелочах, как сопят и храпят его люди. Но какая-то часть его, как у дикого пса, всегда была начеку. Джелме был достаточно опытен, чтобы не отмахнуться от жгучего чувства опасности, как от дурного сна. Тихонько отбросив меховое покрывало, он, в одних старых штанах и с голой грудью, поднялся с постели.

Хотя едва слышимый звук шел издали, определенно это трубил дозорный. Как только его сигнал стих, Джелме схватил меч, подвешенный к центральному столбу юрты. Натянув сапоги и накинув на плечи халат, полководец выскочил в ночную мглу.

Лагерь уже начал просыпаться. Ворча спросонья и пощелкивая языком своим скакунам, воины садились в седла. До стана Чингиса оставался всего день пути, и Джелме мог только гадать, что за сумасшедший отважился бы скакать ночью, рискуя драгоценными лошадьми. Попадись на пути всего одна норка сурка – и у коня сломана передняя нога. Джелме и представить не мог, чтобы на этих безлюдных равнинах ему повстречались враги. Он не знал никого, кто осмелился бы напасть на него здесь. И все же на всякий случай готовился отразить нападение, не желая оказаться застигнутым врасплох в собственном лагере.

К юрте Джелме подбежал по темной траве Чагатай. Его неровная поступь выдавала количество выпитого накануне арака. Когда вокруг юрты зажглись светильники, ослепленный юноша сощурил глаза, но Джелме не проявил ни малейшего снисхождения. Ведь воин всегда должен быть готов вскочить на коня и скакать, и недоумогание ханского сына мало интересовало сейчас Джелме.

– Возьмешь сотню, Чагатай, – велел он, не скрывая своего недовольства. – Прочешешь местность вокруг: нет ли кого. Кажется, мы тут не одни.

Наследник хана быстро зашагал назад, на ходу свистом собирая своих командиров. Джелме подзывал подчиненных и быстро отдавал приказы. Дозорные дали ему немного времени, и он не тратил попусту ни минуты. Отряды собирались один за другим, никто не сидел без дела. Мужчины готовили оружие к бою, женщины и дети собирали вещи и грузили их на телеги. Ночь быстро наполнилась лязгом металла и человеческими голосами. Тяжеловооруженная стража проезжала парами по лагерю в поисках врагов или воров.

В центре всего этого круговорота и оживления стоял Джелме. Сигнала тревоги пока никто не подал, но он услышал далекий зов рога еще раз. В мерцающем зареве шипящих светильников на бараньем жире слуги подвели к Джелме его жеребца и поднесли полный колчан.

Когда войско было готово, Джелме выступил в ночь. Рядом с ним скакали первые пять тысяч воинов – чистокровных монголов, закаленных в боях. Никто не любил воевать в темноте, ведь если придется вступить в бой, потерь среди людей и лошадей не миновать. Джелме крепко сжал зубы, впервые за ночь ощутив холод.

Чингис мчался во тьму. Он был сильно пьян и едва держался в седле, крепко упираясь в стремя, чтобы не упасть с лошади. Как того требовал старинный обычай, каждый раз, принимаясь за новый бурдюк арака, он окроплял землю несколькими каплями, которые предназначались духам – хранителям его народа. Еще больше лил хан в пламя праздничного костра, кружась и пританцовывая в клубах сладкого дыма. Несмотря на возлияния, изрядное количе-

ство хмельного напитка выливалось Чингису в глотку, и вскоре он потерял счет опорожненным бурдюкам.

Праздник начали справлять два дня назад. Чингис торжественно приветствовал вернувшихся сыновей и военачальников и прилюдно оказал им всяческие почести. И даже вечно печальный и хмурый Джучи повеселел, как только подали большие блюда добытой во время недавней охоты дичи. Хасар и Угэдэй тоже с радостными возгласами накинулись на лучшие куски. За истекшие годы им довелось отведать немало удивительных и необычных блюд, но ни в Корё, ни в Цзинь, где столы ломились от яств, никто не мог принести им хотя бы тарелку кушанья из выкопанной из земли баранины. Это мясо зарыли прошлой зимой и откопали только теперь, специально к возвращению полководцев. На глаза Хасара навернулись слезы, хотя он заявил, что это из-за резкого запаха проквашенного мяса, а вовсе не из-за ностальгии по редкому деликатесу. Конечно, никто ему не поверил, но это не имело значения.

Когда празднество подошло к своей кульминации, повсюду царил шум и пьяный разгул. Самые крепкие воины потащились по чужим юртам в поисках женщин. Женщины племени были в безопасности, но китайские рабыни и русские пленницы стали легкой добычей. Они громко кричали, но их надрывные крики, заглушенные барабанами и гудением рогов, едва ли кто-нибудь слышал.

На сказания не хватило целого дня. Некоторые исполнялись нараспев, как в древние времена, одним певцом как бы двумя голосами. Другие просто читались вслух всем, кто готов был послушать. Когда же первая ночь пиршества подошла к концу и наступил рассвет, возле костров собрались почти все.

Закончился и второй день праздника, но поэты так и не исполнили свои песни о подвигах Арслана, дожидаясь приезда его сына. В ту же ночь Чингис сам наполнил чашу старого кузнеца и сказал:

– Арслан, Чагатай и Джелме всего в дне пути отсюда. Поедешь со мной встречать наших детей?

Тот кивнул и скривил рот в пьяной улыбке.

– Я возьму сказителей, чтобы спели им песни о тебе, старик, – с трудом вымолвил Чингис.

Идея показалась ему грандиозной, и он с радостным чувством кликнул своих полководцев. Субудай и Джучи отправились за лошадьми, а Хасар с Угэдэем, спотыкаясь, поковыляли к хану. Лицо Угэдэя было бледно-зеленым, но Чингис не обратил внимания даже на то, что от сына несло кислым запахом рвоты.

Замечательную серую кобылу хана подвел Хачиун.

– Ты с ума сошел, брат! – задорно кричал он. – Кто устраивает скачки ночью? Кто-нибудь упадет.

Чингис указал в темноту, затем махнул своим товарищам.

– А мы не боимся! – заявил он, и вся компания шумно выразила одобрение. – Со мной моя семья и полководцы. Со мной кузнец Арслан и Субудай Храбрый. Пусть земля боится нас, если мы упадем. Мы разверзнем ее нашими стальными черепами! Готовы?

– Я поеду рядом с тобой, брат, – ответил Хачиун, и оба возглавили небольшую колонну всадников.

Впрочем, колонна росла по мере того, как к ней присоединялись другие. Среди них был и шаман Кокэчу, один из немногих, кто выглядел трезвым. Чингис искал младшего брата Тэмуге, но тот остался стоять на земле, неодобрительно покачивая круглой головой. «Да и черт с ним! – подумал Чингис. – Беспольный слизняк никогда не умел ездить в седле».

Хан огляделся, посмотрел на свою семью, проверяя, чтобы у всех были полные бурдюки арака и рисовой водки. Плохо, если выпивка скоро закончится. Двенадцать певцов тоже присоединились к колонне. Их лица пылали от возбуждения и восторга. Один сказитель не устоял

и уже принялся читать первые строки своей поэмы, вызвав негодование хана, который едва удержался, чтобы не скинуть того с коня и не отправить назад.

В бледном свете звезд Чингис мог видеть своих сыновей, братьев и полководцев. Он пребывал в хорошем расположении духа и даже посмеялся, представив, какая была бы потеха, если б сейчас на пути у этой своры головорезов вдруг оказался бы какой-нибудь незадачливый вор.

– Даю белую кобылу тому, кто доскачет до лагеря Джелме и моего сына Чагатая раньше меня, – объявил хан и затаил дыхание, дожидаясь, когда предложение пройдет по рядам. Ответом его попутчиков стал азартный оскал на их лицах. – Скакать что есть сил, если у вас есть мужество! – прокричал Чингис, дождавшись ответа, потом вонзил пятки в бока любимой кобылы и стремглав понесся по степи.

Остальные помчались за ним. Все, кто оказался рядом с лошадей, покинули лагерь следом за своим ханом. А было их, наверное, тысячи две. Никто не раздумывал и не колебался, хотя земля была твердой и падение запросто могло стоить жизни.

Скачка на бешеной скорости по черной земле слегка отрезвила Чингиса, в области левого глаза больно стучало, отдавая в висок. Он вспомнил, что где-то поблизости текла река. Мысль опустить голову в ледяную воду манила и не давала покоя.

От веселого настроения не осталось и следа, когда Чингис заметил во мгле движение на фланге. Сердце не успело ударить дважды, а в голове уже пронеслась мысль, что, возможно, он сильно рискует жизнью, не взяв с собой ни знамен, ни барабанов, ни всего прочего, что возвещало бы на всю округу о приближении хана. Затем он снова вонзил пятки в бока лошади и с яростным криком направил животное вперед. Должно быть, это люди Джелме окружали его с обеих сторон. Словно умалишенный, Чингис мчался в самый центр линии нападавших, туда, где рассчитывал встретить своего темника.

Хасар и Хачиун скакали чуть позади, а потом Чингис увидел Джучи. Прижавшись всем телом к седлу, он догонял отца, все время подбадривая криками своего скакуна.

Возглавленная самим ханом рваная колонна всадников неслась в направлении передовой линии войска Джелме. Двое упали, когда их лошади споткнулись о невидимое препятствие. Не в силах остановиться, новые всадники налетали и валились на упавших лошадей и людей. Еще трое вылетели из седел, когда их лошади сломали ноги. Некоторые мужчины вскакивали и смеялись как ни в чем не бывало, тогда как другим больше не суждено было подняться. Но Чингис ничего этого не замечал, столь сосредоточен он был в тот момент на опасности, исходившей от войска Джелме, и так увлечен скачкой наперегонки с дерзким сыном.

Джучи не предупредил Джелме, смолчал и Чингис. Если сын решил поиграть на нервах взволнованных воинов с натянутым луком в руках, то отец, едва раскрыв рот, лишь подавил внезапный хмельной озноб. Чингис мог только скакать.

Джелме не спешил отдавать приказ и вглядывался в темноту. Прежде он распорядился обойти с флангов приближавшуюся колонну всадников, и теперь они неслись прямо в приготовленную для них ловушку. Хотя в свете звезд трудно было что-либо разглядеть и все они слились в однообразную черную массу, Джелме достаточно было только скомандовать – и дождь стрел в тот же миг обрушился бы на врага.

Он колебался. Неужто впереди мчался Чингис? Кто еще мог поступать так безрассудно? Хотя никаких предупреждений от него никто не слышал. Джелме понимал, что не позволит врагу вклиниться в передовую линию отборного войска. Противника сначала следовало обстрелять из луков.

Вместо этого полководец напрягал зрение, крутил головой то вправо, то влево, пытаясь разглядеть живые тени. Мог ли это быть хан? Джелме готов был поклясться, что слышал пение

впереди. В той серой массе, что неслась на него, кто-то пел. В темноте лишь одного полководца освещал свет факела – чтобы заметили и разглядели. Джелме поднял руку – и тысячи луков согнулись как один, готовые к выстрелу.

– По моей команде! – прокричал полководец как можно громче.

Ветер охлаждал пот на его лице, но Джелме это не волновало. Не у кого было спросить, и сейчас никто не подсказал бы ему, что делать. Решение мог принять только он сам. Взглянув последний раз на приближающихся черных всадников, он напряженно улыбнулся и нервно закачал головой. Он не знал, как поступить.

– Не стрелять! – вдруг прокричал он. – Подпустить ближе! Разомкнуть строй!

Сотники идесятники повторили приказ отрядам. Джелме ждал, что произойдет дальше. Либо всадники остановятся, либо будут атаковать. И он позволил серой массе приблизиться на сотню шагов, и всадники очутились глубоко между флангами. Осталось только пятьдесят шагов, но тени по-прежнему следовали за тем, кто вел их на верную гибель.

Лишь теперь он заметил, что некоторые из них сбавили темп, а с флангов слышались голоса узнавших друг друга друзей и родных. Джелме наконец отбросил сомнения и поблагодарил Отца-небо за то, что предчувствие не подвело. Но, обернувшись назад к передовой линии войска, он только раскрыл рот от неожиданности. Плотная масса всадников вклинилась в передний отряд с оглушительным шумом. Кони и люди падали друг на друга, воины Джелме вновь натянули луки и взяли за мечи.

– Свет! Принести свет! – крикнул Джелме, и рабы бросились сквозь ряды воинов, чтобы осветить кучу стонущих тел и ржущих, бьющих копытами коней.

Признав посреди всей этой массы Чингиса, Джелме даже чуть побледнел, боясь, что хан оторвет ему голову. Возможно, ему следовало отступить и освободить им путь? Когда хан открыл глаза и выругался, Джелме с облегчением вздохнул. Изрыгая проклятия, Чингис с трудом присел, и Джелме тут же подал знак двум воинам помочь хану встать. Но тот отклонил их помощь.

– Где ты, Джелме? – позвал Чингис, покачивая головой.

Джелме выдвинулся вперед и нервно сглотнул слюну, заметив кровь на лице хана, когда тот провел рукой по подбородку и отошел в сторону.

– Здесь, повелитель, – ответил Джелме, стараясь глядеть прямо.

Он не смел смотреть на других пострадавших, хотя и узнал сердитый голос Хасара, пытавшегося сбросить с себя чье-то бесчувственное тело.

Чингис повернулся к Джелме и наконец удостоил его вниманием:

– Скажи-ка, командир, кто-нибудь доскакал до твоей передовой линии раньше меня?

– Кажется, никто, повелитель, – немного оторопев, ответил темник.

Удовлетворенный ответом, Чингис устало кивнул на тех, кто остался позади него:

– Ночь едва началась, а у меня уже раскалывается голова.

Чингис ухмыльнулся, и Джелме заметил, что у хана не хватает одного зуба с правой стороны. Чингис сплюнул кровавую слюну на траву и строго взглянул на воина рядом с ним, который едва успел отскочить назад.

– Разводи костры, Джелме. Твой отец где-то здесь. Он приехал со мной, хотя скакал не так быстро, как я. Если Арслан еще жив, мы выпьем за его здоровье рисовой водки и арака. Неси все съестное, что у тебя есть.

– Добро пожаловать в мой лагерь, повелитель, – учтиво ответил Джелме.

Поняв, что все прискакавшие навеселе, он расплылся в улыбке. Даже его отец недоверчиво рассмеялся и, стараясь держаться прямо, оперся на своего храброго сына.

– Почему ты не остался? – процедил Джелме уголком рта.

Арслан пожал плечами и покачал головой, сверкая глазами и вспоминая, как все началось.

– А кто бы остался? Он тянет всех нас за собой.

Десятитысячная армия Джелме продолжила пиршество на лоне природы. Даже малолетних детей и тех разбудили и привели посмотреть на великого хана. Чингис вышагивал по лагерю, считая своим долгом погладить малышей по головке, но был взволнован и не находил себе места. Он слышал, как горнисты протрубили отряду Чагатая сигнал возвращаться, и теперь с нетерпением ждал его прибытия. Хан не винил Джелме за проявленную им бдительность, но очень хотел увидеть сына.

Слуги Джелме принесли гостям вина и холодной еды и развели громадные костры, пустив в дело драгоценный корейский лес. Мокрую траву устелили толстыми войлочными покрывалами и одеялами. Чингис, скрестив ноги, занял почетное место и усадил справа от себя старого Арслана. Хачиун, Хасар и Субудай тоже присоединились к ним и присели к костру, передавая друг другу мехи рисовой водки. Джучи занял место справа от Хасара, так, чтобы Угэдэй был следующим. Никто из старших как будто не обратил на это внимания, хотя Джучи показалось, что Хачиун видит все. Шаман Кокэчу возблагодарил Отца-небо за успехи Джелме и те богатства, которые он привез из походов. Шаман шел по кругу, громко взывая к духам и расплескивая капли арака. Капли тут же подхватывал ветер, и Джучи почувствовал, как одна капелька вдруг упала ему на лицо и скатилась по подбородку.

Когда Кокэчу присел к огню, в дело вступили музыканты. Под ритмичный бой барабанов и удары бубна сказители затянули протяжные песни. В зареве костров мужчины и женщины пели, рассказывали предания и танцевали до седьмого пота. И все, кто пришел с Джелме, были счастливы почтить великого хана.

У костра было жарко, и Джучи чувствовал на своем лице этот жар, идущий из самого сердца красно-желтого пекла. Джучи смотрел на полководцев отца, и на мгновение их с Хачиуном взгляды пересеклись. Юноша отвел глаза, но знал, что дядя с интересом следит за ним. Хотя их взгляды встретились лишь на миг, они сказали друг другу о многом. Ведь глаза, как известно, зеркало души.

Чагатай прибыл под аккомпанемент ликующих криков воинов своего джагуна. Джелме был доволен, что хорошая встряска в седле и степной ветер вывели его воспитанника из хмельного ступора. Второй сын Чингиса лихо спрыгнул на землю со своего скакуна. Юноша казался таким сильным, таким полным жизни. Чингис поднялся, чтобы поприветствовать его, и, когда отец взял сына за руку и похлопал его по спине, воины одобрительно зашумели.

– Ты вырос таким большим, мой мальчик, – сказал Чингис.

От пьянки его глаза остекленели, лицо опухло. Чагатай низко поклонился отцу, явив образец послушного сына.

Пожимая руки товарищам отца и похлопывая их по спине, Чагатай проявлял сдержанность и не давал волю чувствам. К нарастающему неудовольствию Джучи, его брат неплохо держался: шагал выпрямив спину и улыбался, сверкая белыми зубами. Гладкая кожа пятнадцатилетнего юноши еще не была изуродована ни многочисленными шрамами, ни болезнью. Чингис глядел на сына с нескрываемой гордостью. Видя, с каким восторгом отец усадил Чагатая возле себя, Джучи благодарил Отца-небо за то, что мог спрятать свой гнев за языками высокого пламени костра. Чагатай поприветствовал Джучи только коротким, холодным взглядом. Несмотря на три года разлуки, он даже не потрудился найти для старшего брата хотя бы несколько теплых слов. Внешне Джучи оставался спокоен, но одному небу было известно, какая лютая злоба пробудилась в нем от этого взгляда. И на миг ему вдруг захотелось просто встать, растолкать этих напившихся дурней да повалить одним ударом Чагатая на землю. Джучи представил себе этот удар и ощутил, как мышцы плеч налились силой и заиграли. Но Субудай научил его терпению. Когда Чингис наполнял чашу Чагатая, Джучи смеялся вместе со всеми, мечтая при этом о братоубийстве.

Глава 5

К рассвету поэт Субудая дошел лишь до середины сказания о битве в Барсучьей Пасти, где Арслан разгромил бесчисленное войско цзиньцев. Под взглядами Чингиса и его полководцев поэт повествовал о подвигах Арслана правдивее, чем обычно. Тогда, на горном перевале на пути к Яньцзину, все сражались героически. И все вспоминали теперь те жестокие дни с гордостью и волнением в крови, смешанной пополам с вином. Никто, кроме этих отважных героев, не смог бы понять, что значит стоять плечом к плечу против армии императора и видеть ее унижение. Битва при Барсучьей Пасти стала для них мостиком в новый мир – мир могущества и опасностей. Они двинулись на восток, и Яньцзин пал.

Первые лучи солнца обагрили силуэты нескольких тысяч всадников, с женщинами и детьми в седле, покинувших длинным потоком ханский лагерь на Орхоне, чтобы послушать предания об Арслане. И когда возшло солнце, поэмы и сказания слышались отовсюду, шаманы и поэты до хрипоты повторяли их вновь и вновь.

Чингис и не подозревал, сколько народу соберется послушать о подвигах минувших дней, но люди все приходили и приходили. Даже те, кто не переставал пить хмельное и набивать рот жирной бараниной и козлятиной, были без остатка поглощены действием. Услышав снова историю о том, как Арслан спас когда-то Чингиса, вызволив его из волчьей ямы, хан припомнил имена тех, о ком не вспоминал уже много лет. Арслан первым принес ему клятву верности, обещав коней, юрты, соль и свою жизнь в ту пору, когда у Чингиса не было никого, кроме несчастной матери, голодной сестры да непослушных братьев. Поступок Арслана стал небывалым актом доверия, и Чингис, расчувствовавшись, вспоминал великие перемены, участником и очевидцем которых был этот старик. И все, кто слышал теперь правдивую повесть о жизни героя, никогда не забудут, что значил для них этот человек и дела его рук.

Наконец сказители замолчали, чтобы передохнуть и к вечеру вновь восстановить голос. К тому времени уже стало ясно, что к ночи здесь соберется весь монгольский народ.

Чингис не планировал чествовать своего первого полководца в этом пустынном месте. Река текла далеко отсюда, почва была сухой и каменистой, и травы для коней не хватало. Но именно отсутствие постоянных поселений и давало повод для утешения. В конце концов, его народу не следовало привыкать к роскоши и удобствам, подумалось хану, когда он мочился на голую землю. Суровые условия делали их сильнее тех, кто жил в городах.

Внезапно размышления хана прервались веселыми и удивленными возгласами. Поблизости, точно гудящий рой пчел, собралась шумная ватага воинов. Приглядевшись, Чингис заметил там Чагатай. Тот влез на телегу, чтобы быть в центре внимания. Потом раздался громкий, душераздирающий рев, от которого бежал мороз по коже, и толпа зевак замерла. Насупив брови, Чингис взялся за рукоять меча и зашагал сквозь толпу. Заметив хана, собравшиеся расступались перед ним, опасаясь лишиться руки или головы.

Монгольские полководцы столпились вокруг железной клетки на телеге, но Чингиса не интересовали ни полководцы, ни Чагатай, который стоял с гордым видом владельца клетки. В тот момент его интересовал только зверь за железными прутьями – кошка небывалых размеров. Чингис лишь изумленно покачивал головой, прищуривая один глаз из-за боли, что причиняли выбитый зуб и похмелье. Чтобы заглушить эту боль, хан распорядился взмахом руки подать арака и промочил горло. Но и после этого он не мог оторвать глаз от зверя, что расхаживал взад и вперед по клетке, злобно рыча и выставя напоказ кривые белые клыки. О полосатом оранжево-черном тигре хан слышал и раньше, но видел его впервые. Огромные челюсти зверя, глухие удары хвоста завораживали, побуждая сердце усиленно биться. В его желтых глазах виделся грозный вызов, внушающий благоговейный трепет.

– Ну чем не подарок для хана? – спросил Чагатай.

Достаточно было одного короткого взгляда Чингиса, чтобы самоуверенность Чагатай убавилась наполовину. Толпа замерла в ожидании реакции хана. Джелме явно почувствовал себя неловко, и Чингис кивнул ему с пониманием:

– В жизни не видал подобного зверя, Джелме. Как тебе удалось его изловить?

– Это дар правителя Корё тебе, повелитель. Его поймали еще детенышем, но приручить так и не смогли. Мне говорили, что он способен догнать человека, даже если тот будет на лошади, а потом убить и лошадь, и всадника.

Чингис приблизился к самой клетке и заглянул тигру в глаза. Их взгляды встретились, и зверь совершенно внезапно рванулся вперед, расшатав клетку своим огромным весом. Слишком пьяный, чтобы успеть отскочить, Чингис почувствовал, как лапа тигра коснулась его предплечья, причинив острую боль. Едва созная, что произошло, Чингис взглянул на кровоточащую рану на руке. Одного прикосновения когтя хватило, чтобы сделать глубокий порез.

– Ну и скорость... – удивился он. – Не каждая змея атакует так стремительно. И это при таких размерах! Готов поверить, что он и впрямь может убить и лошадь, и человека. Эти челюсти легко проломают башку.

Чингис не совсем твердо стоял на ногах, покачиваясь из стороны в сторону, но никто не посмел заговорить о ране, боясь пристыдить хана.

– В Корё есть такие воины, которые занимаются ловлей тигров, – сказал Чагатай уже менее уверенно, – но они действуют группами и пользуются луками, копьями и сетями.

Пока он говорил, его взгляд случайно упал на Джучи, и Чагатай задумался. Как и отец, Джучи был очарован зверем и стоял у самой клетки.

– Осторожней, Джучи! – громко предупредил его Чагатай. – Он и тебя может подрать.

Джучи сердито насупил брови. Он хотел возразить, но передумал, не желая хвастаться быстротой реакции в присутствии истекавшего кровью отца.

– А ты охотился в Корё на тигров? – вместо этого спросил Джучи.

– В столице Корё тигров нет, – пожал плечами Чагатай и замолчал. Под буравящим взглядом Джучи говорить было трудно. – Я поохотился бы, если б увидел там хоть одного.

– Вряд ли, – ответил Джучи, хмуря брови. – Что-то я сомневаюсь, чтобы Джелме стал рисковать жизнью мальчишки. Вон чудище какое.

В толпе раздался смешок, и лицо Чагатай налилось злостью. Всего несколько мгновений назад он владел толпой, но отец, а потом брат отняли у него эту власть. Теперь надо было защитить оскорбленное достоинство. В пятнадцать лет юноша, естественно, вел себя агрессивно и готов был накинуться на любого, кто бросал ему вызов.

– Джучи, думаешь, что ты сможешь сразиться с тигром? Я много дал бы, чтобы посмотреть на это.

Джелме едва успел раскрыть рот, чтобы прекратить спор, но Джучи было уже не остановить.

– Твои условия, брат, – сказал он. – Я преподам твоей кошке урок вежливости. Как-никак киска ранила моего отца.

– Это пьяная глупость, – вставил слово Джелме.

– Отчего же, пускай попробует, – быстро ответил Чагатай. – Ставлю сто повозок из моей доли корейской дани. Слоновая кость, металл, золото, дерево. – Юноша махнул рукой, словно все это сущий пустяк. – Если прикончишь тигра, все это добро – твое.

– Ты встанешь передо мной на колени на глазах у всего народа, – выставил свое условие Джучи.

Ярость переполняла его, доводя до безрассудства. Глаза пылали злобой, но Чагатай только глумливо хихикнул в ответ:

– Для этого тебе придется сделать больше, чем убить тигра, братишка. Для этого тебе придется стать ханом. А может, и этого будет недостаточно.

Джучи схватился за рукоять меча и обнажил бы клинок, если бы Джелме не взял юношу за запястье:

– Вы что, собираетесь драться, как дети, на глазах у людей? Да еще во время праздника в честь моего отца? Этот тигр – дар правителя Корё хану. И только он может решать, что с ним делать.

Глаза Джелме горели от гнева, и Чагатай потупил взор, тотчас присмирив. За годы обучения он терпел суровые наказания и не раз выслушивал строгие нотации полководца. Привычка подчиняться была им хорошо усвоена.

Выслушав перепалку сыновей, Чингис наконец заговорил:

– Я принимаю этот дар.

Желтые глаза хана, казалось, были точно того же цвета, что и глаза рычащей за их спинами громадной кошки. Братья склонили головы, пока отец не дал волю рукам. Когда хан был пьян, то легко мог ударить за один только взгляд.

– Тяжеловооруженные воины могут встать в круг, – подумав, продолжил Чингис, – пусть держат мечи и копыя острием внутрь круга. И тогда пусть кто-нибудь сразится со зверем, если захочет.

– Тигры – самые опасные животные из всех, что я видел, – проговорил Джелме, и в его голосе слышалось напряжение. – Вокруг женщины и дети... – Он запнулся, встав перед выбором между необходимостью повиноваться и возможностью пресечь безрассудство, которое, как казалось, замыслил Чингис.

– Тогда отправь детей и женщин назад, командир, – ответил Чингис, пожимая плечами.

Воспитание Джелме не позволяло ему вступить в пререкания, и он смирился перед неизбежностью. Чагатай тоже не осмелился поднять на него глаза.

– Слушаюсь, мой господин. Мои люди огорожат круг прочными досками, связав их, а доски можно подпереть катапультами.

Чингис кивнул, не вникая в детали решения поставленной задачи, и повернулся к Джучи. Доведенный своей несдержанностью и гордыней до отчаяния, тот стоял недвижим. Даже Чагатай, похоже, был сильно напуган и теперь имел вид провинившегося ребенка. Решения принимал Чингис, остальные – их выполняли.

– Убьешь этого зверя – и тогда твой брат, возможно, преклонит перед тобой колени, – спокойно произнес Чингис. – Люди будут смотреть на тебя, мальчик. Может быть, они увидят в тебе хана?

– Или труп, или и то и другое, – ответил Джучи без колебаний.

Он не мог отступить, зная, что отец и Чагатай ждут от него проявления слабости. Джучи поднял глаза на тигра и понял, что большая кошка выйдет победительницей из этой схватки, только его это почему-то мало заботило. В семнадцать лет он мог не задумываясь поставить на кон даже собственную жизнь. Глубоко вдохнув, он пожал плечами.

– Я готов, – ответил Джучи.

– Тогда сделайте круг и отвезите клетку внутрь, – распорядился Чингис.

Джелме отправил своих людей за досками и веревками, а Джучи знаком подозвал Чагатая. Не придя еще в себя окончательно, младший брат все же легко соскочил на землю. От прыжка телега с клеткой качнулась, и в тот же миг раздалось рычание, от которого по коже побежали мурашки.

– Для схватки с тигром мне понадобится хороший меч, – сказал Джучи брату. – Твой меч.

Сияясь скрыть свой триумф, Чагатай сощурил глаза. Джучи не сможет устоять против тигра. Чагатаю было известно, что корейцы ходят на тигра не менее чем ввосьмером, и то это были специально обученные ловцы. Он смотрел сейчас в глаза мертвецу и с трудом верил такой удаче. Поддавшись внезапному порыву, Чагатай снял с ремня меч, что подарил ему отец три года назад, и протянул брату. Чагатаю было жаль клинка, но сердце его ликовало.

– Меч снова станет моим, когда эта зверюга отгрызет тебе башку, – произнес Чагатай тихо-тихо, чтобы больше никто не услышал.

– Посмотрим, – ответил Джучи.

Не удержавшись, он снова взглянул на животное в клетке. Заметив направление его взгляда, Чагатай рассмеялся.

– Джучи, я тебя обманул. Никогда не признаю ханом внебрачного полукровка, – заявил Чагатай и ушел, чувствуя на спине полный ненависти взгляд старшего брата.

На закате место для поединка было готово. Под бдительным взором Желме на траве установили мощные буковые и дубовые доски, крепко связанные веревками, и подперли их со всех сторон платформами катапульт. Получившаяся таким образом арена составляла сорок шагов в поперечнике, но не имела ни входа, ни выхода. Джучи должен был перелезть через ограду и открыть клетку самостоятельно.

По приказу Желме по всему периметру круга зажгли масляные светильники, и собравшийся люд облепил со всех сторон ограждение, подойдя к нему как можно ближе. Поначалу казалось, что увидеть схватку со зверем смогут лишь те, кто влезет на ограждение, но Чингису хотелось, чтобы зрелище видели все, поэтому Желме придвинул телеги и установил на них сосновые лестницы, прочно скрепив их наподобие пирамид. Словно муравьи, люди лезли на эти башни, и время от времени какой-нибудь пьяный увалень падал с них на головы тех, кто стоял внизу такой плотной массой, что земля скрылась из виду.

Лучшие места у арены заняли Чингис и его полководцы. К исходу третьего дня празднований они были сильно пьяны, и паче всех, почти до беспамятства, напился сам хан. Весь день прошел в чествовании Арслана, монголы много пили за его здоровье и желали старому воину долгих лет. И все же молва о поединке ханского сына с невиданным зверем давно разнеслась по их стану, и все были возбуждены близостью смерти. С последней повозкой из улуса на Орхоне прибыл Тэмуге. Он и принял большую часть ставок, сделанных воинами на продолжительность поединка. Ставить на Джучи никто не решился. Никто не верил, что он победит в этой схватке с полосатым чудовищем, которое хлещет хвостом и пожирает одним только взглядом.

Когда опустилась ночь, единственным светлым пятном на черной равнине была эта арена, точно золотое око, окруженное всем монгольским народом. Без лишних распоряжений мальчишки-барабанщики начали отбивать военные ритмы. С обеда Джучи отдыхал в юрте Желме, и теперь народ с нетерпением ждал появления ханского сына.

Джучи с мечом отца на коленях сидел на низкой постели, а Желме стоял перед ним. Джучи был одет в тяжелые доспехи, подаренные ему Субудаем. Железная чешуя толщиной в палец, нашитая поверх туники из толстой ткани, закрывала тело юноши от шеи до самых колен. Юрту наполнял кисловатый запах пота.

– Они зовут тебя, – сказал Желме.

– Слышу, – натянуто повторил Джучи.

– К сожалению, ты должен идти, – ответил Желме. Он хотел было положить руку на плечо юноши, но не сумел. Рука поднялась и опустилась. Полководец вздохнул. – Могу лишь сказать, что вся эта затея – полное безрассудство и глупость. Если бы я знал, что из этого выйдет, то еще в Корё отпустил бы кошку в лес.

– Все решено, – промычал Джучи. Он поднял глаза на Желме и горько усмехнулся. – Сейчас мне нужно встать и прикончить зверя, кажется, так?

Желме сдержанно улыбнулся. Шум снаружи сделался громче, и уже было слышно, как люди все снова и снова повторяют имя Джучи. Это был момент его славы, но Желме понимал, что мальчик не доживет до утра. Пока строили ограждение, клетку спустили на землю, и полководец внимательно рассмотрел ее обитателя и оценил мощь его мускулов. Животное,

которое гораздо быстрее и вчетверо тяжелее человека, невозможно остановить. Джелме оставил свои мысли при себе, а Джучи тем временем поднялся и размял плечи. Первенец хана унаследовал молниеносную реакцию отца, но этого было мало. Военачальнику не позволено истолковывать приказы хана по-своему, но хорошо усвоенная привычка повиноваться теперь тяготила Джелме как никогда. Он доставил тигра своему господину, но не мог просто взять и отправить мальчишку на смерть. По лицу юноши скатилась крупная градина пота, и Джелме снова заговорил. Только на этот раз его голос звучал чуть громче шепота.

– Я возьму хороший лук и поднимусь на стену. Если упадешь, постарайся продержаться, и я убью его.

В глазах юноши мелькнул проблеск надежды. Но Джелме припомнил единственный случай, когда ему довелось побывать на охоте на тигра. Это было в Корё. В тот раз тигр, даже пораженный стрелой в самое сердце, сумел достать и выпотрошить опытного ловца.

– Ты не должен показывать страх, – тихо сказал Джелме. – Если тебе суждено сегодня расстаться с жизнью, умри достойно. В честь твоего отца.

Джучи ответил ему яростным взглядом.

– Если от меня зависит его честь, значит он слабее, чем я представлял, – отрезал Джучи.

– Все люди смертны, – спокойно продолжал Джелме, игнорируя дерзость. – Не важно, когда это случится: сегодня, в будущем году или лет через сорок, когда ты будешь дряхлым, беззубым старцем. Следует думать только о том, как ты встретишь свою смерть.

На миг лицо Джучи скривилось в улыбке.

– Ты меня не ободрил, командир. Пожалуй, я бы не отказался от этих сорока лет.

Джелме пожал плечами, ему нравилось, что Джучи держится так храбро.

– Тогда скажу тебе только одно. Иди и убей тигра. И твой брат встанет перед тобой на колени в присутствии всего народа. Твое имя будет известно всем, а когда ты наденешь шкуру убитого зверя, люди будут смотреть на тебя с восхищением и трепетом. Так лучше?

– Да, – ответил Джучи. – Если я погибну, не промахнись, командир. Я не хочу, чтобы он меня сожрал.

Сделав глубокий вдох, он на мгновение показал зубы и сквозь низкий дверной проем вышел в ночную мглу. Увидев его, народ закричал, и гул голосов наполнил равнины, заглушив рев заждавшегося зверя.

Толпа расходилась перед ним, уступая дорогу, но Джучи не видел ни пожирающих его взглядов, ни возбужденных лиц. Он медленно шел, приближаясь к ограждению арены. Масляные светильники потрескивали и шипели, и в их мерцающем свете юноша ловко вскочил на ограду и спрыгнул на траву за ней. Тигр наблюдал за пришедшим пристальным, ужасающим взглядом, и Джучи не хотелось открывать клетку. Подняв глаза, он посмотрел на лица своего народа. Его мать была единственной женщиной, которую он узнал среди этих людей, но глядеть на нее он не мог. Боялся, что это лишит его мужества. И он тут же отвел глаза, заметив лишь, как Бортэ вскинула руки и ухватила за край доски, как будто хотела протянуть их своему первенцу.

Лицо отца было неподвижным, взор – мутным, но дядя Джучи, Хачиун, кивнул ему, как только их взгляды встретились. Субудай сидел с холодным, бесстрастным видом, однако Джучи знал, что под маской равнодушия скрывается боль. Осуществлению планов хана полководец не мог помешать, но Джучи был уверен, что представление не доставит тому удовольствия. Инстинктивно Джучи кивнул Субудаю, и тот ответил ему тем же. Тигр, доведенный гулом толпы до бешенства, злобно рычал, раскрывал огромную пасть и пытался грызть прутья клетки. Джучи заметил, что перед ним молодой самец, сильный и неопытный. Юноша почувствовал дрожь в руках и знакомую сухость во рту, как перед битвой. Мочевой пузырь уже напомнил о себе, и Джучи взялся за рукоять отцовского меча, сделанную в виде головы волка. Клинок

был превосходный, и Джучи давно хотел иметь такой. Юноша не знал своего деда Есугэя и только надеялся, что дух его предка придаст ему сил. Джучи выпрямился во весь рост. Новый глубокий вдох успокоил его.

Чагатай внимательно следил за происходящим; глаза блестели, отражая огонь светильников. Джучи ненадолго задержал на нем взгляд, выразив брату презрение, потом повернулся к клетке.

Толпа загудела еще сильнее, когда он приблизился к самым прутьям и протянул руку, чтобы открыть запиравшую дверцу скобу. Тигр как будто понял его намерение и застыл в ожидании. Их взгляды встретились, и Джучи тихо поприветствовал зверя.

– Ты сильный и быстрый, – сказал он чуть слышно. – Я тоже. Если я убью тебя, то буду гордо носить твою шкуру до конца своих дней.

Джучи поднял скобу, толкнул дверцу и быстро отпрянул назад. Толпа притихла, следя за тем, как полосатая масса просочилась наружу, словно пролитое масло из опрокинутого кувшина.

Джучи отошел назад на шесть широких шагов и замер, выставив вперед клинок, готовый к удару. Сердце юноши глухо билось в груди, ноги отяжелели. Самому себе он казался таким неуклюжим в сравнении с этим зверем, которого пришел убить.

Поначалу тигр не проявлял к нему интереса. Зверь шел вдоль ограды, ища выход. От раздражения хвост животного извивался, толпа зрителей вновь зашумела. Тигр поднялся на задние лапы и, растянувшись во всю длину, обрушился на деревянную стену. Когти оставили на твердом дереве глубокие борозды. В клетке сила и грация зверя были не так заметны. Но на воле его мощь казалась смертоносной.

Нервно глотая слюну, Джучи ждал нападения хищника. Юноша не терял бдительности. Их взгляды снова встретились, и потом взор тигра замер, животное прижалось к земле, приподняв голову. Зверь хлестнул хвостом по траве, и толпа снова притихла.

Джучи открыл свою душу Отцу-небу. Юноша был уверен, что человек не способен противостоять такому чудовищу. Дрожь в руках вдруг исчезла. Джучи ждал.

Тигр начал атаку. Она была подобна внезапному взрыву, и Джучи едва успел что-то предпринять. В трех шагах от него четкие очертания кошки слились в неясную массу, летящую на него как ураган.

Юноша не воспользовался мечом. Даже не попытался. Он отскочил в сторону, но зверь оказался быстрее, зацепив его плечо. От столкновения Джучи покатился в траву, не надеясь уже подняться. Краем глаза он заметил, как тигр опустился на землю, затем головокружительно быстро развернулся и в считанные мгновения очутился прямо над ним. Пасть, в которую легко поместилась бы его голова, сдавила левое предплечье Джучи с такой силой, что от боли и неожиданности он издал громкий крик. Переворачиваясь на спину, юноша правой рукой вонзил меч в оранжево-черную грудь противника, и оба покатились по земле. Толпа гулко ревела, неистово подбадривая смельчака внизу на арене.

Джучи чувствовал, как громадная кошка пыталась ударами задних лап разорвать его тело. Доспехи пока защищали его живот, хотя железные пластины одна за другой летели в воздух, срываемые длинными когтями величиной с человеческий палец. Животное не прекращало драть свою жертву, крепко сдвигая левую руку Джучи мощными клыками, и он уже слышал, как хрустят его кости. Он чувствовал горячее дыхание зверя, но снова и снова вонзал в него меч. Страх перед смертью словно придал Джучи энергии, сделав его сильнее, чем прежде. Придавленный тигром, Джучи не мог подняться, и, когда тигр отпустил его плечо, чтобы укусить еще раз, юноша, невзирая на боль, глубоко впихнул защищенную доспехами руку в жуткую пасть.

Давясь и захлебываясь слюной, хищник замотал головой, чтобы высвободить клыки. Не выдерживая напряжения, сухожилия руки рвались, тело Джучи повисло в зубах большой

кошки, и слезы от нестерпимой боли навернулись на глаза. Он едва не лишился сознания, но что-то подсказывало ему, что зверь еще жив, и юноша снова и снова вонзал стальной клинок в густую шерсть, пока оставались силы. Когти хищника изодрали доспехи Джучи в лохмотья, и юноша ощутил новый приступ ужасной боли в ногах. Он выронил меч, но сумел вынуть нож и вонзить его в лохматую шею врага в тот самый миг, когда зверь выпустил руку.

Зловонная кровь фонтаном била Джучи в лицо, и он закричал. Черная пелена заволокла глаза, а вдали гудела толпа, хотя ее шум теперь звучал для него не громче шелеста листьев. Джучи казалось, что смерть уже мчится на крыльях ветра, но он снова и снова бил зверя ножом.

И вдруг хищник ослаб и упал, придавив своим весом Джучи к земле. Юноша чувствовал только боль, не зная, что Субудай и Джелме уже спрыгнули на арену и бежали к нему, держа в руках готовые к стрельбе луки. Джучи слышал голос отца, но прерывистое дыхание тигра над его лицом мешало разобрать слова. Зверь еще был жив, но лежал недвижим. Воздух вокруг наполнял его неровное дыхание, но даже теперь Джучи не прекращал наносить смертельные удары ножом.

Держа лук наготове, Джелме прикрывал юношу от возможной атаки недобитого зверя, пока Субудай ногами пытался столкнуть тушу тигра с обессиленного воина. Громадная голова свесилась набок, но грудь еще вздымалась, а желтые глаза хищника горели ненавистью и злобой. Густая кровь сочилась из горла, заливая белый мех на груди. Затем животное на глазах застывшей толпы попыталось в последний раз приподняться, но снова рухнуло вниз, испустив дух уже навсегда.

Субудай склонился к Джучи, отбив ногой его правую руку, когда тот машинально едва не ударил полководца ножом. Левая рука юноши безвольно болталась, глубокие раны на ногах сильно кровоточили. Все его тело было залито кровью, словно его закутали в темно-алое покрывало. Забрав нож, Субудай протер большими пальцами глаза Джучи, дав им снова увидеть свет. Юноша по-прежнему находился в состоянии шока и едва ли осознавал, что все еще жив.

– Можешь подняться? Слышишь меня? – кричал ему Субудай.

Джучи обнял полководца правой рукой, оставив кровавый след на его доспехах. Взяв Джучи за левое запястье, Субудай помог ему встать. Однако юноша был слишком слаб, чтобы держаться на ногах самостоятельно, и беспомощно висел на руках полководца, пока не подошел Джелме. Бросив лук, он подставил плечо под другую руку Джучи. Поддерживая его с обеих сторон, Субудай и Джелме развернули ханского сына лицом к его отцу.

– Он жив, повелитель! – победно воскликнул Субудай.

Как Джелме и предполагал, лица зрителей переполнял благоговейный трепет перед героем. Лишь Чагатай тщетно старался спрятать гневное недовольство под личиной спокойствия. Заметив желчный вид своего воспитанника, Джелме крепко сжал зубы. За свое мужество Джучи заслужил огромного уважения, и, обменявшись несколькими словами с Субудаем, Джелме оставил юношу на его попечение, а сам отошел, чтобы поднять упавший в траву меч Джучи.

– Твой сын, повелитель, кажется, заслужил этот клинок, – сказал он, поднимая меч так, чтобы все видели его рукоять с наконечником в виде головы волка.

И воины выразили свое одобрение гулками ударами по деревянному ограждению арены. Но Чингис смотрел на них пустыми глазами, лицо не выражало эмоций, походя на железную маску.

Джелме ждал ответа. Ханский сын медленно истекал кровью. Но мысли хана лишь бешено кружились в его голове, гордость и тщеславие смешались в них с жадой крови и ненавистью. То, что сын выживет в этой схватке, хан ожидал меньше всего, и такой поворот событий не входил в его планы. Головная боль снова вернулась, во рту появился кисловатый при-

вкус. Чингис долго смотрел вниз на арену, потом наконец кивнул, и Желме склонил голову в знак покорности его воле.

Вкладывая меч в бесчувственные пальцы Джучи, Желме прошептал ему на ухо:

– Они будут помнить эту победу, мой мальчик.

Но тот, казалось, ничего не услышал, и Желме подумал, что Джучи без сознания.

– Его раны еще очень опасны. Он может умереть, – сказал Субудай Желме.

Но тот лишь пожал плечами:

– Все в руках Отца-неба. Самое главное, что он выстоял в схватке со зверем. Этого никто не забудет.

Говоря эти слова, Желме еще раз поднял глаза на Чагатай. Не найдя его на прежнем месте, полководец вздохнул. Он снова подхватил обессиленное тело Джучи, и толпа вновь взревела. Чингис бросил несколько слов в темноту, и те, кто стоял рядом, быстро засуетились, столпившись вокруг одной точки, не видимой снизу. Потом хан поднял руку, подав Желме и Субудай знак оставаться на месте.

Вскоре возле хана вновь возник Чагатай. Сильные руки воинов подталкивали его сзади, побуждая идти вперед. И он шел, подчинившись их воле. Условия поединка слышали все, и Чингис тоже как будто не мог позволить сыну незаметно раствориться во мраке. Хан не смотрел на него, но Чагатай слышал приказ и против собственной воли влез на деревянную ограду арены. Желме и Субудай молча наблюдали за тем, как Чагатай спрыгнул вниз и медленно приблизился к ним. Будь он взрослее, он низко поклонился бы брату, перед всеми выказав уважение и заслужив своим великодушием всеобщий почет. Но младшему брату Джучи недовольствовало опыта, чтобы обратить ситуацию в свою пользу. Стоя перед братом, который уже был без сознания, он только дрожал от волнения, ненависти и унижения.

Чагатай еще раз взглянул на отца, но помилования не получил. Юноша быстро опустился на одно колено, вызвав новый взрыв всеобщего шума и крика, затем медленно встал и с оскорбленным видом зашагал назад к деревянной ограде. Кто-то протянул ему руку, чтобы помочь забраться наверх, и юноша быстро исчез за стеной.

Желме утомленно покачал головой.

– Кажется, ты воспитывал лучшего из двоих, дружище, – тихо сказал он Субудай.

– Надеюсь, его отец знает об этом, – ответил тот.

Мужчины обменялись понимающими взглядами, потом велели своим людям спуститься на арену и заняться свежеванием тигра. Мясо съедят воины, и оставалось надеяться, что все желающие получат хотя бы по маленькому кусочку. Ведь охотников до ловкости и силы такого зверя найдется немало. Подумав об этом, Желме снова вспомнил о Чагатае. Узнает ли и он вкус тигриного мяса или лишь до дна изопьет чашу своего гнева?

Глава 6

Чингис навестил Джучи лишь два дня спустя. После ночной оргии, что последовала за поединком с тигром, почти все обитатели лагеря долго и крепко спали. Чингис и сам провел целые сутки в юрте, выходя на улицу только затем, чтобы освободить желудок, пострадавший от беспробудной трехдневной пьянки. Еще один день ушел на переезд обратно на берега Орхона. Лагерь Желме хорошо подходил для празднований в честь Арслана, но стадам и лошадям требовались вода и тучные пастбища. Во время переезда Чингис протрезвел с привычной быстротой, хотя желудок напомнил о себе снова, когда хан стоял возле юрты шамана Кокэчу. Мысль о том, что когда-то было достаточно и одной ночи, чтобы избавиться от последствий таких возлияний, вгоняла хана в уныние.

Открыв дверь юрты, Чингис увидел тихую сцену, напомнившую ему о смерти отца. Проглотив едкую от кислоты слюну, хан нырнул внутрь и сурово уставился на перемотанное хол-

щовыми тряпками тело, лежащее в полумраке. Кокэчу был занят делом. Он старательно протирал тело Джучи водой и не видел, кто вошел. С ворчанием обернувшись, шаман понял, что перед ним стоит хан, поднялся и поклонился.

После нещадно палящего солнца тень дарила приятное облегчение, и Чингис немного вздохнул от надоедливой суеты лагеря.

– Он приходил в сознание? – поинтересовался хан.

Кокэчу величественно покачал головой:

– Только ненадолго, господин. Из-за ран в его теле горячка. Мальчик просыпается иногда, стонет и снова впадает в забытие.

Влекомый воспоминаниями, Чингис подошел ближе. Возле юноши лежал меч – тот самый клинок, который достался ему в честном бою и который когда-то унаследовал его отец. В своих ножнах меч хранил много воспоминаний, и Чингис снова как будто почувствовал в воздухе запах гнили. Память о том, как он пришел к умирающему отцу, чье тело медленно пожирал яд, причиняла боль. Стоя над распластанной на постели фигурой сына, хан тяжело вздохнул. Кокэчу внимательно следил за ним, и Чингис предпочел ответить ему таким же пристальным взглядом, вместо того чтобы спокойно смотреть на сына.

– Он будет жить, шаман? Мне уже сотню раз задавали этот вопрос.

Кокэчу снова взглянул на неподвижно лежащее тело. Грудь ровно вздымалась и опускалась, но шаман молчал. Движением руки он показал на обмотанные повязками ноги и левую руку с наложенной шиной:

– Ты сам видишь его раны, господин. Зверь сломал ему обе кости руки и еще три ребра. Мальчик вывихнул палец на правой руке, но это не самое страшное. Глубокие раны нарывали и истекают гноем. – Шаман покачал головой. – Бывало, люди выживали и с более опасными ранениями.

– Ты запечатал раны? – спросил Чингис.

Кокэчу ответил не сразу, но потом заговорил очень быстро. После падения Яньцзина к шаману попали книги по медицине и магии, которые были намного ценнее золота и нефрита. Он не ожидал, что его новый метод лечения будет подвергнут сомнению, поэтому голос шамана лишился привычной уверенности.

– У меня есть китайские книги, господин. Просто поразительно, как много им известно о человеческом теле. Перед тем как зашить рану, они льют в нее кипящее вино. Я сделал то же самое и поставил припарки, чтобы сбить жар.

– Значит, ты запечатал их не по обычаю нашего народа, – ответил Чингис безразлично. – Скажи, чтобы принесли жаровню, и прижги раны как следует. Это должно помочь.

Кокэчу хорошо знал, что продолжать спор бессмысленно и небезопасно.

– Твоя воля, мой господин, – согласился шаман.

По распоряжению хана Кокэчу, конечно, прижжет раны Джучи каленым железом, хотя теперь колдун твердо верил, что это грубый обычай варваров, практика, недостойная такого ученого человека, каким он считал себя. Шаман скрыл свое недовольство, и Чингис как будто был удовлетворен. Кокэчу заметил, что хан намерен уйти, и заговорил вновь, все еще надеясь понять человека, который повел за собой целый народ:

– Боль будет сильной, господин. Если мальчик придет в сознание, должен ли я что-нибудь передать ему от тебя?

Чингис взглянул на шамана пустыми глазами и вышел, не сказав больше ни слова.

Военачальники собрались в юрте хана. Она была в полтора раза выше и в два раза шире других. Хасар и Хачиун пришли вместе с Тэмуге, хотя тот отвечал только за порядок в улусе и не принимал участия в военных походах. Джелме, Субудай и Чагатай расположились на низких кушетках, расставленных для совета вокруг. Ханская юрта была почти пустой и походила,

скорее, на юрту бедного пастуха, однако простая обстановка никого не удивляла: все знали, что Чингиса мало интересовали богатство и роскошь.

Арслан и его преемник Джебе прибыли позже остальных. На избранника Арслана присутствие такого количества вождей монгольского народа как будто не произвело впечатления. И когда Арслан знаком предложил ему сесть, новичок кивнул всем собравшимся с таким видом, словно имел полное право здесь находиться. Военачальники посмотрели на Джебе без особого интереса, зато Арслана приветствовали радушно, безразличное выражение сменилось улыбкой признательности. Все знали, что он останется в родных степях. Арслан уже погрузил выючные мешки с вещами на трех кобылиц и трех жеребцов и вскоре должен был отправиться в глушь вместе с женой и небольшим стадом.

Светясь от гордости за отца, Джелме счел своим долгом уступить тому свое место. Оба мужчины обменялись взглядами, и, хотя они ничего не сказали друг другу, Арслан тоже как будто был тронут проявленным уважением.

Когда в юрту вошел Чингис, мужчины остались сидеть, но все же немного выпрямили спины. Хан расположился на куче седел и одеял напротив входа и велел слуге подать чашу козьего молока. Хотелось хоть немного успокоить желудок.

Дождавшись, пока хан допьет молоко, Арслан начал речь:

– Повелитель, позволь рекомендовать тебе человека, которого ты назвал Стрелой.

Чингис посмотрел на новое лицо, отметив ширину плеч Джебе. Халат был раскрыт на голой груди, и красноватая кожа, натертая бараньим жиром, светилась здоровьем. Даже сидя у хана в юрте, Джебе, казалось, не терял бдительности и был готов в любой момент вскочить на ноги, если бы это потребовалось. Это был прирожденный воин. Рядом с ним Чингис почувствовал себя стариком.

– Добро пожаловать в мою юрту, Джебе. После того, что о тебе говорил Арслан, ты всегда будешь желанным гостем в моем доме. В ближайшие дни тебя проверят. Не забудь, что своими делами ты должен прославлять его имя.

– Не забуду, повелитель, – ответил Джебе.

Его самоуверенность не вызвала сомнений, и как только Чингис отвел взгляд, Хасар чуть заметно ухмыльнулся.

Чингис глубоко вздохнул и положил руки на колени. Как и все остальные, хан хорошо знал, что сегодняшняя их встреча перевернет мир, и наслаждался этой тихой минутой, пока военачальники ждали, когда он начнет говорить.

– После того как вы покинули меня, чтобы закончить осаду Яныцзина, я отправил посланцев в далекие земли. Некоторые из них вернулись с дарами и товарами и заключили от моего имени договоры о союзе с правителями дальних стран. На других напали, а некоторые не вернулись вообще.

Хан замолчал, но никто не нарушал тишины. Затаив дыхание, полководцы внимали каждому слову человека, который собирался отправить их на разорение чужих земель, как волков на охоту. Весь улус знал, что приближается война, и быть первыми, кто узнает об этом в подробностях, было приятно.

– Одна группа посланцев побывала в западных странах, что лежат в двух тысячах миль от нас. Вернулся только один. Остальных вырезали, как скот. Сначала я не придавал этому большого значения. Еще недавно в наших собственных землях с дозорным отрядом могло расправиться любое племя, встретившееся ему на пути.

Некоторые из собравшихся, те, что были постарше, согласно закивали в ответ, хотя Субудай и Джебе едва ли помнили те времена.

– Вернувшийся посланец поведал мне, что правитель той страны зовется шахом Ала ад-Дином Мухаммедом, – с трудом выговорил Чингис, потом кивнул на Тэмуге. – По совету брата я отправил к шаху посольство из ста воинов. Все были хорошо вооружены, хотя оружие было,

скорее, для устрашения. Они добрались до ближайшего города Отрара и встретились там с его правителем. Ему доставили письма с моим посланием к шаху. – Чингис скорчил гримасу при одном воспоминании. – Я ожидал, что он выдаст моих людей или, по крайней мере, скажет, где они. Я называл его «возлюбленным сыном» и вел разговор лишь о торговле и дружбе.

Хан снова устался на Тэмуге и смотрел на него до тех пор, пока тот не отвел глаза. Ведь не увенчавшуюся успехом идею отправить посольство к шаху подал именно он.

– Городской базар в Отраре – лобное место. Я послал туда трех лазутчиков, чтобы они тайно посмотрели, каким будет прием. – Закипая от гнева, он на миг показал зубы. – В городе стоит двадцатитысячное войско. Моих людей схватили, а письма разорвали на глазах у толпы. – Чингис еще раз одарил Тэмуге недобрым взглядом. – Даже это я стерпел! Этому шаху служит болван, но я думал, что, возможно, он еще одумается и встанет на верный путь. Узнав, что восточнее Отрара есть более крупные города, я послал трех военачальников к самому шаху с требованием, чтобы правителя Отрара связали и выдали мне для наказания, а моих людей отпустили. Но и там меня выставили на посмешище.

Лицо хана побагровело от злости. Военачальники тоже ощутили, как быстро замолотили сердца в их груди.

– Шах Мухаммед прислал мне их головы, – продолжал Чингис, медленно сжимая правую руку в кулак. – Беда произошла не по моей вине, но я молил Отца-небо даровать мне сил совершить справедливое возмездие.

Внезапно вдалеке раздался истошный мужской крик, и все как один вздрогнули и прислушались. Чингис тоже прислушался, потом закивал с довольным видом:

– Это Джучи. Мой шаман занялся его ранами.

Чингис посмотрел на Чагатая, и вопрос невольно слетел с губ второго ханского сына:

– Он пойдет на войну вместе с нами?

Лицо Чингиса стало отрешенным, но он ответил:

– Он убил тигра. И число наших воинов возросло. – Вспомнив о том, как Чагатай преклонил перед братом колени, Чингис нахмурил брови. – Он получит назначение, как и ты, если выживет. Он пойдет через горы Алтая на запад и покажет этим пустынножителям, кому они посмели нанести оскорбление.

– А как же Цзинь? – не удержался Хасар. – На юге Китая есть богатейшие города. Они остались нетронутыми.

На это Чингис ничего не сказал. Он по-прежнему мечтал покорить Южный Китай. Вести свой народ на запад было рискованно, а мысль о том, чтобы послать хотя бы одного из полководцев на разорение извечных врагов, соблазняла. Припомнив численность цзиньского войска, Чингис снова нахмурился. Одному тумену не справиться с миллионами. Неохотно, но хан все же решил, что Китай пока подождет.

– Они никуда не денутся от нас, мой дорогой брат. Ты еще увидишь их, обещаю.

Хасар поморщился и хотел сказать что-то еще, но Чингис его опередил:

– Подумайте сами, ради чего мы идем на войну и рискуем собственной жизнью? Ради золота и постройки собственных дворцов, как те, которые мы разрушаем? Мне они не нужны. Мужчина должен провести жизнь на войне с момента рождения и до последнего вздоха. – Внимательно оглядев всех присутствующих, хан остановил взгляд на Джебе и Чагатае. – Кто-то скажет вам, что ищет счастья и будто весь смысл жизни и состоит в достижении этой простой цели. Но я скажу вам так. Овцы счастливы, когда жуют траву на пастбищах, сокол счастлив, когда он в небе. Для нас счастье – это мелочь, пустяк ценой в человеческую жизнь. Мы боремся и страдаем, потому что через это мы понимаем, что еще живы. Возможно, Хасар, ты хочешь увидеть покоренные китайские города, но разве могу я оставить без ответа брошенный вызов? Долго ли еще сносить мне плевки ничтожных правителей на мою тень? – Хан говорил все громче, заполняя голосом все пространство вокруг. Снаружи снова донесся крик Джучи, и

желтые глаза Чингиса как будто сверкнули, отразив эхо далекого крика. – Могу ли я оставить смерть своих людей неотомщенной? Никогда в жизни. – Он убедил всех. Он это знал, как всегда. – Когда я уйду, не желаю, чтобы люди сказали: «Посмотри на эти горы богатств, на его города, его дворцы и дорогую одежду». – Чингис ненадолго умолк. Потом продолжил: – Вместо этого хочу, чтобы сказали: «Убедись, что он действительно мертв. Это коварный старик. Он завоевал полмира». – Хан и сам глухо посмеялся над этой мыслью, и все остальные немного расслабились. – Мы здесь не для того, чтобы добывать богатства оружием. Волк не думает о безделушках. У него только одна забота: чтобы стая была сильна и чтобы другой волк не смел перебегать ему дорогу. И хватит об этом. – Обведя всех взглядом, хан остался доволен. Он поднялся и учтиво обратился к Арслану: – Твои кони готовы, командир. Я буду думать о тебе. Пусть отдыхают твои кости, пока мы в походе.

– Долгих лет и победы тебе, повелитель, – ответил Арслан.

Когда все поднялись с мест, в ханской юрте сразу стало немного тесно. Чингис, как правитель народа, мог выйти первым, но уступил это право Арслану. За ним последовали остальные, и только Джебе чуть задержался, чтобы напоследок осмотреть ханское жилище. Молодой еще воин приметил все и кивнул сам себе, удовлетворенный отсутствием излишеств. Он понял, что за таким человеком, как хан, можно идти хоть на край света и все, что рассказывал о хане Арслан, подтвердилось. Джебе незаметно для всех улыбнулся. Он родился и вырос в горах, где бывали такие суровые зимы, что отец загонял овец в юрту, чтобы спасти их от холода. Перед мысленным взором Джебе проносились воспоминания. Теперь он поведет тумен в битву за своего хана. Если бы только знал Чингис, что выпустил на волю настоящего волка. Джебе вновь довольно кивнул. Он покажет хану, на что способен. Придет время, и все мужчины и женщины его народа будут знать его имя.

Снаружи Арслан в последний раз проверил мешки и лошадей, не позволяя серьезности момента помешать давно заведенной привычке. Чингис наблюдал, как тот досматривает каждый узел и дает наставления трем мальчикам-пастухам, которые будут сопровождать его до места первого ночлега. Никто не нарушил молчания, пока старик не закончил осмотр. Убедившись, что все в порядке, Арслан обнял на прощание Джелме, и все увидели слезы гордости на лице счастливого сына. Наконец старый воин подошел к Чингису.

– Я был рядом с тобой с самого начала, мой господин, – сказал Арслан. – Если б только я был моложе, я скакал бы с тобой до конца.

– Знаю, Арслан, – ответил Чингис. Он показал рукой на улус, что широко раскинулся по берегам Орхона. – Без тебя ничего этого не было бы. Я буду чтить твое имя всегда.

Арслан никогда не любил телесных контактов с другими людьми, но все же крепко пожал руку Чингиса. Простившись, Арслан сел в седло, и жена взглянула снизу на мужа, гордая оттого, что такие великие люди уважили его своим присутствием.

– Счастливого пути, мой старый друг! – крикнул ему вслед Чингис, когда Арслан прицелкнул языком и лошади тронулись в путь. А пастухи, размахивая хлыстами, погнали животных за их хозяином.

Вдали по-прежнему слышался крик ханского сына, и казалось, его истошным воплям не будет конца.

Приводить в движение такое множество людей и скота и управлять ими – непростая задача. Сто тысяч воинов, четверть миллиона лошадей да еще полмиллиона овец, коз, яков, верблюдов, быков. Животных было так много, что пастись в одном месте они могли не дольше месяца, и потому нужда заставляла искать новые пастбища.

Морозным утром, когда на востоке едва забрезжил рассвет, Чингис скакал вдоль длинной вереницы повозок с женщинами и детьми. От холода они жались друг к другу, и хан, как заботливый отец, старался не упустить из виду ни одной мелочи. Колонна, окруженная со всех

сторон стадами скота, растянулась на многие мили. К голосам животных Чингис привык с детства и почти не замечал несмолкаемого блеяния коз и овец. Его военачальники были готовы к войне; сыновья тоже. Оставалось только узнать, будут ли готовы мусульманские народы сойтись с ними на поле брани. Своим высокомерием они заслужили беспощадного истребления.

Несмотря на страшные раны, Джучи выжил. Чингис поручил Чагатаю командование войском из десяти тысяч воинов и теперь едва ли мог бы наделить старшего сына меньшими полномочиями, особенно после его победы над лютым зверем. Об их поединке люди говорили до сих пор. Но прежде, чем Джучи сможет командовать войском, пройдут месяцы. А до того времени он будет кочевать вместе с женщинами и детьми, окруженный заботами слуг до полного выздоровления.

Посреди суеты собиравшихся в дорогу людей Чингис проезжал мимо юрты своей второй жены Чэхэ, тангутской принцессы. Ее отец, правитель царства Си Ся, почти десять лет оставался верным вассалом монголов, платя им дань шелком и древесиной ценных пород. Чингис тихо выругался, вспомнив, что не приказал отправить дань по пути следования монголов на запад. Полностью полагаться на то, что правитель тангутов сохранит ему верность, Чингис не мог. Распоряжение об этом следовало отдать Тэмуге, прежде чем колонна двинется в путь. Чэхэ, закутанная в меха, вместе с тремя своими детьми сидела в повозке. Завидев отца, их с Чэхэ старшая дочь улыбнулась и поклонилась.

Не останавливаясь, хан продолжил поиски повозок Бортэ и своей матери Оэлун. Они никогда не расставались, потому и теперь должны были быть где-то вместе. Чингис в этом не сомневался и скривил губы.

По пути хану встретились двое мужчин, варивших козлиное мясо на маленьком костерке. Рядом высилась стопка пресных лепешек, готовых отправиться вместе с мясом в далекий путь. Увидев самого хана, один из мужчин предложил ему голову козла на большом деревянном блюде, тыча пальцем на вареные белки глаз. Чингис покачал головой, и мужчина низко поклонился в ответ. Хан продолжил свой путь, а воин один глаз подбросил высоко в воздух для Отца неба, а другой – отправил себе в рот и принялся с удовольствием жевать лакомство. Глядя на эту сцену, Чингис улыбнулся. Люди не забывали обычаев старины, награбленные богатства еще не извратили их души. Хан вспомнил о новых дорожных станциях, что протянулись длинными линиями на восток и на юг и были укомплектованы воинами-калеками да стариками. Меняя коней в любом из этих пунктов, гонцы могли теперь преодолевать большие расстояния гораздо быстрее, чем прежде. Монголы далеко ушли от тех полуголодных, раздираемых междоусобицами племен, которых Чингис знал ребенком, и все же мало изменились с тех пор.

Проскакав больше мили от начала колонны, Чингис наконец спешился. Среди повозок и скота он увидел сестру Тэмулун, которая много лет назад, когда Чингиса изгнали из племени, была всего лишь грудным младенцем. С тех пор она выросла и стала красавицей, а потом вышла замуж за воина-олхунута. Чингис видел его только на свадьбе сестры, но юноша показался ему крепким, да и Тэмулун радовалась своему браку.

Пока Чингис поправлял сбрую лошади, Тэмулун давала указания служанкам-китайкам собирать последние вещи. Юрту разобрали и уложили на телеги еще засветло, и теперь от нее осталось лишь темное круглое пятно на траве. Заметив Чингиса, Тэмулун улыбнулась, подошла к нему и взяла в руку поводья:

– Не волнуйся, братец, мы уже готовы. Правда, никак не могу найти мой любимый железный горшок. Наверняка его засунули в самый низ и завалили другими вещами.

Сестра говорила спокойно, хотя в ее глазах читался вопрос. Хан почти не виделся с ней после свадьбы, и теперь, когда все собирались на войну, его появление вызывало тревогу.

– Теперь уже скоро, – ответил Чингис, ненадолго забыв о заботах.

Он любил Тэмулун, хотя в некоторых отношениях она навсегда осталась для него ребенком. Сестра не помнила тех первых зим в изгнании, когда ее братья и мать прятались от врагов и голодали.

– Все ли в порядке с мужем? – спросила она. – Я не видела Палчука три дня.

– Не знаю, – ответил Чингис. – Он в войске Джебе. Я решил поручить ему командование тысячей и велел дать золотую пайцзу.

– Ты хороший брат, Чингис. Он очень обрадуется, – захлопала в ладоши повеселевшая Тэмулун, тут же решив сообщить мужу добрую весть. Однако, чуть-чуть подумав, она немного расстроилась. Легкая тень скользнула по ее лицу. – Ты считаешь, что он достоин этого назначения, или сделал это только ради меня?

Перемена в настроении сестры застигла Чингиса врасплох.

– Ради тебя, сестра. Разве мне не следует продвигать свою родню? Могу ли я позволить, чтобы муж единственной сестры имел низкий чин?

Но ответ Чингиса не успокоил сестру. Взмолвленное выражение не исчезло. Подобные вещи были выше понимания ее брата.

– Он не откажется, Тэмулун, – сказал Чингис.

– Я знаю! – ответила она. – Но его будет беспокоить, что он получил повышение с твоей помощью.

– Ну и что? – недоумевал Чингис.

Тэмулун на мгновение подняла глаза на смущенного брата:

– Но ведь он будет думать, что не заслужил нового звания.

– Тогда пусть докажет, что он его достоин, – ответил Чингис, пожимая плечами. – Пайцзу всегда можно забрать назад.

Сестра снова посмотрела на брата, но уже твердым взглядом:

– Ты не сделаешь этого. Уж лучше не повышать его вовсе, чем возвысить, чтобы потом разжаловать когда вздумается.

– Я скажу Джебе, чтобы назначение шло от него, – вздохнул Чингис. – Он как раз принимает командование над туменом Арслана. Это не покажется странным, если только твой драгоценный муженек не дурак.

– Ты хороший человек, Чингис, – ответила Тэмулун.

Чингис огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что их разговор никто не слышит.

– Держи это в тайне, женщина! – С усмешкой на лице хан вскочил на лошадь и взял в руки поводья. – Оставь свой горшок здесь, раз не можешь его найти, – велел он напоследок. – Пора двигаться в путь.

Хан возвращался в начало колонны, и беспокойство, побудившее его проверить готовность людей к походу, постепенно исчезло. Чингис кивнул своим военачальникам, заметив и на их лицах выражение простой человеческой радости. Их народ сейчас снова тронется в путь, и каждый день будет открывать для них новые горизонты. И не было ничего лучше, чем чувство свободы, когда весь мир расстилается перед тобой. Присоединившись к братьям и темникам, Чингис громко затрубил в рог, давая сигнал к началу движения, и пустил свою лошадь рысью. Народ медленно последовал за своим ханом.

Глава 7

На высоких перевалах шел снег. Алтайские горы лежали так далеко, что мало кто из монголов бывал там. Лишь тюрки, уйгуры и урянхай знали их хорошо, да и то старались обходить стороной эти места, непригодные для хорошей охоты и грозящие смертельными опасностями зимой.

Хотя конные воины могли бы перевалить через хребет всего за один день, тяжело груженные телеги, созданные для езды по степям, с трудом продвигались по глубокому снегу и плохо подходили для козьих троп. Новые колеса со спицами, привезенные Субудаем, обеспечивали более легкий ход по сравнению со сплошными дисками, которые легко бились и требовали замены, но такие колеса поставили только на несколько повозок, и движение было медленным. Почти каждый день на их пути появлялись новые препятствия. Иногда горные склоны были столь крутыми, что телеги приходилось спускать на веревках. Высоко в горах воздух делался разреженным, и было трудно дышать. Люди и животные быстро выбивались из сил, и тогда все были рады пройти хотя бы пять миль за день. За каждой вершиной лежала узкая извивающаяся долина, а за ней начинался новый крутой подъем. Хребет казался бесконечным. На ветру женщины и дети зябко кутались в меха. Когда останавливались на ночлег, желание поставить юрты еще до заката быстро пропадало, так как окоченевшие от холода пальцы не слушались. И почти все проводили ночи под телегами, укрытыми одеялами и окруженными козами и овцами, которых привязывали к колесам. Чтобы прокормиться, приходилось резать коз, и некогда тучные стада постепенно сокращались.

На тридцатый день пути Чингис объявил привал значительно раньше обычного. Облака опустились так низко, что соседние вершины почти скрылись из виду. Пошел снег, и люди разбили временный лагерь с подветренной стороны широкого утеса, исчезавшего в белом тумане над головой. Здесь, по крайней мере, они могли найти хоть какую-то защиту от колючего ветра, и Чингис предпочел остановиться, вместо того чтобы вести людей в сгущавшихся сумерках через стоявший на их пути высокий хребет. Перейти его до заката все равно не успели бы. Чингис отправил отряд молодых воинов, которые должны были отыскать наиболее удобный путь на сто миль вперед, а также докладывать ему обо всем, что увидят. По этим горам проходила граница известного ему мира, и, наблюдая за тем, как слуги режут козленка, Чингис попытался представить себе мусульманские города. Как они выглядят? Похожи ли на каменные твердыни Китая? Еще раньше Чингис заслал лазутчиков в города мусульман, чтобы собрать нужные сведения об их богатствах, укреплениях и боевой силе. В предстоящей кампании пригодится все. И первые лазутчики уже возвращались, уставшие и голодные. Общая картина начала складываться в его голове, хотя не хватало еще многих деталей.

Братья сидели возле хана в его юрте, установленной на большой телеге и возвышавшейся над макушками всех остальных. Вглядываясь в белоснежную мглу, Чингис видел разбросанные тут и там юрты, похожие на рассыпанные серые скорлупки с уходящими в небо струйками дыма. Места здесь были холодные и неприветливые, и все же Чингис не отчаивался. Его людям не нужны города. Жизнь племен, с ее родовой враждой и дружбой, семейными праздниками и свадьбами, бурлила вокруг него. И чтобы жить, его народу не требовалось оседать на земле. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

Дуя на руки и потирая их друг о дружку, Чингис наблюдал за тем, как слуги-китайцы сделали разрез на груди козленка, а затем, сунув руку тому под ребра, пережали главную артерию возле сердца. Козленок перестал брыкаться, и слуги принялись со знанием дела свежевать тушку. Каждая ее часть найдет применение, а шкура укроет малышей хана от зимнего холода. Слуги опорожнили желудок козленка, вытряхнув на землю комок полупереваренной травы. Мясо собирались запечь в этом кожистом мешке на углях. Так было быстрее, чем варить его, как обычно поступали монголы. Мясо будет жестким, но в такой холод важно было съесть его быстро и восстановить силы. Подумав об этом, Чингис нащупал осколок зуба, сломанного в пьяной свалке, которой закончилась гонка в лагерь Джелме, и поморщился. Зуб все время болел, и Чингис подумывал просить Кокэчу удалить корень. Правда, такая перспектива не доставляла особой радости.

– На костре мясо скоро будет готово, – объявил Чингис братьям.

– Недостаточно скоро для меня, – сказал Хасар. – Я с рассвета ничего не ел.

Повсюду на перевале готовились тысячи горячих обедов. Сами животные получали всего по пучку сушеной травы и голодали, однако с этим ничего нельзя было поделать. Но даже несмолкаемое блеяние скота не могло заглушить смех и болтовню людей, и, невзирая на холод, в их голосах звучало довольство. Они шли на войну и ко всему относились легко.

Вдалеке слышались дружные, веселые возгласы, и братья уставились на Хачиуна, который обычно знал обо всем, что происходит в лагере. Под их пристальными взглядами он просто пожал плечами.

– Яо Шу обучает молодежь, – ответил он.

Тэмуге неодобрительно фыркнул, но Хачиун не обратил на него внимания. Ни для кого не являлось секретом, что Тэмуге недолголюбивает буддистского монаха, которого братья привезли из Китая. Яо Шу всегда был вежлив и обходителен, но все же умудрился поссориться с шаманом Кокэчу, верным последователем которого был Тэмуге. Быть может, в силу этих-то обстоятельств Тэмуге и посматривал на монаха с таким раздражением, особенно когда тот проповедовал воинственному народу свое учение о безволии. Чингис игнорировал возражения Тэмуге, лишь с завистью поглядывая на монаха. Тот при помощи рук и ног дрался лучше, чем большинство мужчин, вооруженных мечом.

Раздался еще один дружный возглас. На этот раз он был громче, словно посмотреть на урок монаха собралось больше мужчин. Пока женщины готовили пищу, мужчины, покончив с юртами, естественно, проводили время в борьбе и тренировках. На высоких перевалах это занятие часто бывало единственным способом согреться.

Хасар поднялся и наклонился к Чингису:

– Пока мясо готовится, я пойду посмотрю, брат. Рядом с этим Яо Шу наши борцы кажутся медлительными и неуклюжими.

Кивнув, Чингис заметил недовольную гримасу Тэмуге. Потом выглянул наружу, посмотрел на висящий над углями желудок козленка и жадно принялся.

Хачиун догадался, что брат искал предлог, чтобы тоже посмотреть тренировку монаха, и незаметно улыбнулся.

– Наверно, Чагатай тоже там, братец. Они с Угэдэем проводят много времени с Яо Шу. Этого было достаточно.

– А мы все пойдем, – объявил Чингис, и лицо его просветлело.

Прежде чем Тэмуге успел возразить, хан вышел на холодный ветер. Остальные последовали за ним, хотя Тэмуге обернулся на мясо и с сожалением облизал губы.

Яо Шу как будто не чувствовал холода и обнажил грудь. Зайдя сзади, Чагатай заставил его развернуться. Снег еще шел, и белые хлопья падали и ложились на плечи монаха. Яо Шу дышал легко, тогда как Чагатай уже запыхался и получил несколько синяков. Ожидая внезапного удара, он не сводил глаз с палки монаха. Буддист презирал мечи и кинжалы, но при этом искусно применял палку, словно они были созданы друг для друга. Монах уже нанес Чагатаю пару ударов по ребрам и левой ноге, и теперь они сильно болели. Сам Чагатай не сумел пока нанести ни одного удара противнику, и скопившаяся злоба рвалась наружу.

Вокруг быстро собиралась толпа зрителей. Заняться мужчинам было нечем, а поглазеть на поединки борцов всегда любопытно. В узком ущелье могло поместиться лишь несколько сот человек, они пихались и затевали мелкие стычки, пытаясь обеспечить борцам достаточно места для поединка. Чагатай почувствовал движение толпы, а потом заметил отца и дядей, пробиравшихся сквозь ряды зрителей, которые расступались перед ними и пятились, стараясь не толкать хана и полководцев. Сжав зубы, Чагатай решился нанести хотя бы один, но хороший удар, пока видит отец.

Сказано – сделано. И Чагатай бросился вперед, нанося короткий рубящий удар палкой. Если бы Яо Шу остался на месте, палка треснула бы ему прямо по голове, но монах нырнул под удар, резко стукнул нижним концом трости Чагатая под ребра и шагнул в сторону.

Удар не был сильным, но Чагатай побагровел от злобы. Яо Шу покачал головой.

– Сохраняй спокойствие, – шепнул монах.

Горячность была главной ошибкой юноши на тренировках. Он имел и чувство равновесия, и отменную реакцию, но всякий раз его подводил вспыльчивый характер. Уже не одну неделю Яо Шу пытался научить Чагатая вести бой максимально хладнокровно, оставляя и гнев, и страх в стороне. Две эти крайности, казалось, навсегда срослись в юном воине, и Яо Шу смирился с невысокими результатами ученика.

Чагатай развернулся, сделав пару шагов назад, и как будто был готов начать новую атаку. Но Яо Шу быстро отклонился, легко блокировал палку Чагатая снизу да еще ударил его в щеку кулаком левой руки. Как и много раз прежде, глаза юноши вспыхнули от злости. Чагатай атаковал снова и снова, по ущелью разносился стук и треск палок, следом за ним летело эхо восторженных мужских голосов, но всякий раз удары юноши отражались, не достигая цели. Его руки и плечи уже горели от напряжения, и, когда Чагатай попытался отскочить в сторону, монах подножкой отправил его на землю.

В пылу схватки борцы покинули открытое пространство и оказались на площадке между двумя юртами. Яо Шу хотел было поговорить с Чагатаем, но почувствовал, что кто-то стоит за спиной, и резко повернулся, не теряя бдительности.

Это был Хачиун. Яо Шу быстро поклонился брату хана, одновременно прислушиваясь к шагам приближавшегося к нему сзади Чагатая. Хачиун склонился пониже к монаху, хотя шумная толпа вряд ли могла услышать что-нибудь из их разговора.

– Может, уступишь ему, монах? – тихо попросил Хачиун. – Тут его отец и воины, которыми мальчик будет командовать.

Яо Шу поднял глаза и непонимающе уставился на монгола. Монаха с детства обучали владеть своим телом. Сама идея позволить ударить себя хвастливому мальчишке, каким был Чагатай, казалась нелепой. Быть может, кому-то другому, кто был бы скромнее и не стал бы трепаться о своем подвиге на протяжении месяцев, Яо Шу и позволил бы это сделать. Но только не избалованному ханскому сыну. И монах покачал головой.

Хачиун хотел продолжить речь, но Чагатай воспользовался моментом и отчаянно напал на монаха сзади. Хачиун раздраженно сжал зубы, наблюдая за тем, как Яо Шу несколькими легкими шагами, почти паря над землей, ушел от нападения. Он никогда не терял равновесия, и Хачиун понял, что сегодня у Чагатая не будет шанса даже коснуться монаха. На глазах у Хачиуна Яо Шу блокировал еще два удара и затем сам перешел в наступление, действуя жестче и стремительнее, чем прежде. Таким был его ответ Хачиуну.

Как ухнул Чагатай, когда палка выбила воздух из его легких, услышали все. Не успел он прийти в себя, а Яо Шу нанес ему новый удар по правой руке. От боли пальцы юноши разжались, и он выронил палку. Не останавливаясь, монах просунул трость Чагатаю между ног. В результате Чагатай споткнулся и кубарем полетел на замерзшую землю. Толпа молчала, когда Яо Шу поклонился оторопевшему ученику. Все ожидали, что он ответит монаху таким же поклоном, но вместо этого краснощекий юноша поднялся и быстро скрылся из виду, даже не обернувшись.

Яо Шу выдержал паузу дольше, чем требовалось, показав недовольство тем, что мальчишка выказал пренебрежение. По привычке монах обсуждал с молодыми воинами каждый бой, объясняя их ошибки и указывая на их успехи. За пять лет, проведенных вместе с монголами, он подготовил Чингису много славных бойцов и руководил школой для двадцати самых перспективных. Чагатай не входил в их число, но Яо Шу достаточно хорошо узнал мир и пони-

мал, что разрешение остаться имеет свою цену. Сегодня она оказалась для него слишком высокой, и монах прошел мимо Хачиуна, даже не удостоив его своим вниманием.

Многоликая толпа смотрела на хана в ожидании его реакции на грубость сына, но хан лишь одарил их холодным взглядом. Посмотрев вслед удаляющемуся монаху, Чингис повернулся к Тэмуге и Хасару.

– Думаю, мясо уже готово, – сказал он братьям.

Тэмуге на мгновение улыбнулся, хотя в этот момент он радовался не горячей пище. Своей наивностью монах нажил себе врагов среди могущественных людей. Быть может, они научат его покорности. День прошел даже удачнее, чем Тэмуге мог ожидать.

Хотя Яо Шу был небольшого роста, но и ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в юрту второй жены хана. Войдя внутрь, монах поклонился Чахэ, как и приличествовало простолыдину при встрече с тангутской принцессой. Вообще-то, звания и чины монах ни во что не ставил, но все же восхищался положением, которое заняла эта женщина в монгольском обществе. Несмотря на обычаи новой родины, столь чуждые дворцовому этикету, принцесса выжила, и Яо Шу симпатизировал ей.

Хо Са пришел раньше и уже сидел, попивая маленькими глотками присланный отцом принцессы чай. Поприветствовав кивком Хо Са, Яо Шу принял из рук Чахэ крошечную чашечку горячего напитка и уселся сам. Яо Шу подозревал, что Хачиуну скоро будет точно известно, сколько раз Чахэ встречалась с ними, и монах даже предполагал, что снаружи их подслушивают соглядатаи ханского брата. От этой мысли чай показался кислым, и Яо Шу слегка поморщился. Этот мир был для него чужим. Придя сюда, чтобы проповедовать миролюбивое учение Будды, монах пока не знал, правильно ли он поступил. Монголы казались ему странным народом. Они как будто с интересом внимали всему, что Яо Шу говорил им, особенно если он излагал свои уроки в виде историй. Монах щедро делился с ними той мудростью, которую сам усвоил еще в детстве. Однако, заслышав призыв боевых рогов, монголы стряхивали с себя эти знания и шли убивать. Поступки этих людей были выше его понимания, но монах принял путь, уготованный ему судьбой. Сделав новый глоточек горячего чая, Яо Шу подумал вдруг о Чахэ. Приняла ли и она выпавшую ей долю?

Яо Шу долго молчал, а Чахэ и Хо Са обсуждали тем временем условия службы солдат-китайцев в туменах Чингиса. Примерно восемь тысяч человек проживали некогда в китайских городах, а кое-кто из них даже служил в армии цзиньского императора. Еще столько же были родом из тюркских племен, что кочевали севернее монгольских. Китайские рекруты не оказывали большого влияния, но Чахэ добились, чтобы хану и всем его приближенным прислуживали ее люди. Через них она была осведомлена о том, что происходит в лагере, не хуже самого Хачиуна.

Монах любовался утонченностью этой женщины, пока та обещала Хо Са поговорить с мужем о похоронных обрядах для китайских солдат. Яо Шу допивал остатки чая, смакуя его горьковатый привкус и наслаждаясь журчанием родной речи. Яо Шу ее не хватало, вне всяких сомнений. Погруженный в раздумья, он внезапно услышал свое имя и вернулся к действительности.

– ...может, Яо Шу нам расскажет, – сказала Чахэ. – Он видится с сыновьями мужа чаще других.

Поняв, что не слышал вопроса, Яо Шу, чтобы скрыть замешательство, протянул опустевшую чашку за новой порцией чая.

– Что вы хотите узнать? – спросил он.

– Ты не слушаешь нас, мой друг, – вздохнула Чахэ. – Я спросила: когда Джучи будет в состоянии принять командование войском?

– Возможно, в следующее новолуние, – немедленно ответил Яо Шу. – Раны еще не зажили, а на ногах и на руке навсегда останутся шрамы от раскаленного железа. Придется восстанавливать мышцы на этих участках. Я могу с ним поработать. Он хотя бы слушает, в отличие от своего глупого брата.

Чэхэ и Хо Са слегка напряглись. Прислугу отправили с поручениями, но и стены имели уши.

– Я видел твоё занятие сегодня... – сказал Хо Са и ненадолго замялся, осознавая щекотливость положения. – Что тебе сказал Хачиун?

Яо Шу поднял глаза, недовольный тем, что Хо Са заговорил почти шепотом.

– Это не настолько важно, Хо Са, чтобы обсуждать здесь. Лучше я промолчу. Я всегда говорю, что думаю, – печально произнес монах. – Я и сам был когда-то глупым пятнадцатилетним юнцом. Может быть, из Чагатая еще вырастет сильный мужчина. Не знаю. Но пока что это только взбалмошный и злобный мальчишка.

Странно было слышать такие слова от монаха, обычно довольно сдержанного в высказываниях, и Хо Са вздрогнул от неожиданности.

– Этот «злобный мальчишка» может однажды возглавить монголов, – прошептала Чэхэ.

Яо Шу даже фыркнул:

– Мне иногда кажется, что я слишком долго живу среди этих племен. Мне не следует тревожиться о том, кто из них унаследует бунчук своего отца, и даже о том, одержат ли их новые враги верх в этой войне.

– Здесь у тебя есть друзья, Яо Шу, – напомнил Хо Са. – Почему тебе безразлична наша судьба?

Монах задумчиво нахмурил лоб.

– Когда-то я считал, что смогу быть голосом разума среди этих людей. Смогу повлиять на хана и его братьев, – с горечью произнес Яо Шу. – Самоуверенность молодости. Я думал тогда, что вселю мир в ожесточенные сердца его сыновей. – Щеки монаха немного порозовели. – Но вместо этого я, возможно, еще увижу, как Чагатай возглавит народ своего отца и поведет племена на войну еще более кровавую и разрушительную, чем велась до сих пор.

– Ты и сам сказал, что он еще мальчишка, – тихо произнесла Чэхэ, растроганная переживаниями монаха. – Он будет учиться. А может, племена возглавит Джучи.

Голос принцессы смягчил лицо монаха. Он протянул руку и легонько погладил Чэхэ по плечу:

– Сегодня был трудный день, принцесса. Забудьте, что я сказал. Завтра я буду другим человеком, без прошлого и с неизвестностью впереди, как всегда. Простите, что пришел с плохим настроением. – Монах слегка скривил рот. – Порой мне кажется, что я плохой буддист, но я не смог бы жить где-то еще.

Чэхэ улыбнулась, кивая Яо Шу. А погруженный в раздумья Хо Са снова налил себе чая. Когда Хо Са наконец заговорил, его голос был очень тихим и едва можно было разобрать слова:

– Если Чингис падет на войне, ханом станет Хачиун. У него тоже есть дети, и все мы будем как листья на ветру.

Чэхэ вскинула голову и прислушалась. В свете масляной лампы принцесса была прекрасна, и Хо Са вновь подумалось, что хан счастливый человек, раз обладает такой женщиной.

– Если муж назначит своим преемником кого-то из сыновей, Хачиун наверняка будет считаться с его решением.

– Если вы подтолкнете его к этому, он назовет Чагатая, – заметил Хо Са. – Ни для кого не секрет, что хан недолюбливает Джучи, а Угэдэй и Толуй еще слишком малы. – Хо Са сделал паузу, подозревая, что Чингису вряд ли понравилось бы, что посторонние мужчины обсуждают с его женой такой личный вопрос. Но любопытство взяло верх. – Вы говорили с ханом об этом?

– Пока нет, – ответила Чахэ. – Но вы правы. Я не хочу, чтобы власть унаследовали сыновья Хачиуна. Что было бы со мной в таком случае? Еще не так давно племена изгоняли родню покойного хана.

– Чингису это известно лучше, чем кому-либо, – сказал Хо Са. – Ему не хотелось бы, чтобы вы страдали, как страдала его мать.

Принцесса кивнула. Было так приятно поговорить открыто на родном языке, совсем не похожем на монгольскую речь с ее гортанными звуками и придыханиями. Чахэ поняла, что скорее предпочла бы вернуться к отцу, чем видеть Чагатая у власти, но Хо Са говорил правду. Хачиун имел своих жен и детей. Будут ли они обходиться с ней так же хорошо, как сейчас, если ее муж погибнет? Возможно, Хачиун будет уважать ее или даже отправит домой в Си Ся. Хотя для Хачиуна было бы безопаснее истребить жен и сыновей прежнего хана сразу после его смерти, дабы упредить заговоры. И Чахэ, взволнованная столь мрачными мыслями, прикусила губу. Чингис не сделает своим наследником Джучи. В этом она не сомневалась. Юноша не вставал с постели уже больше месяца, а ведь тот, кто хотел бы править народом, должен чаще показываться на люди, чтобы его не забыли. Но и Чагатай, по мнению принцессы, тоже был не лучшим выбором. Она была уверена: ее детям при нем долго не протянуть. И тогда она подумала, что могла бы использовать все свое очарование, чтобы склонить Чагатая на свою сторону.

– Я подумаю над этим, – заявила она друзьям. – Мы найдем правильный выход.

На улице стонал и завывал ветер, проносясь между телегами и монгольскими юртами. Позволив мужчинам откланяться и идти спать, Чахэ попрощалась, и оба расслышали печаль в ее голосе.

Выйдя на ветер и снег, Яо Шу съежился от холода и укутался потеплее. Однако его беспокоил не только холод, к которому монах привык за столько лет жизни среди кочевников. Время от времени Яо Шу чувствовал, что совершил ошибку, придя к коневодам степей. Он любил этих людей за их детскую непосредственность и глубокое убеждение в возможности подстроить мир под себя. Хан монголов поражал Яо Шу умением завоевывать души людей и способностью вести за собой племена. Но старания монаха найти среди этих кочевников тех, кто готов был внять слову Будды, не увенчались успехом. Только маленький Толуй, казалось, принимал его учение, да и то потому лишь, что был еще слишком юн. Его брат Чагатай беззастенчиво осмеивал всякую философию, отрицавшую грубое насилие и беспощадное истребление врагов, тогда как Джучи слушал монаха без особого интереса, не позволяя словам и идеям западать в душу.

Яо Шу шел в глубокой задумчивости по заснеженным тропам лагеря. Но даже теперь он сохранял бдительность и, едва завидев зловещие тени, понял, что попал в западню. Тени надвигались на него со всех сторон. Монах досадливо вздохнул. Лишь один глупый мальчишка мог подослать их к нему в эту ночь. Отправляясь к Чахэ, Яо Шу даже не захватил свою трость, полагая, что находится в безопасности.

И все-таки он был далеко не ребенок, чтобы позволить этим дуракам застигнуть его врасплох. Готовясь отразить нападение, Яо Шу подумал о том, велел ли Чагатай своим людям убить его или только сломать пару ребер? Хотя это и не имело значения: его ответ был бы одинаков и в том и в другом случае. Вместе с кружащимся снежным вихрем монах юркнул в просвет между юртами и первым налетел на мелькнувшую впереди темную фигуру. Человек оказался слишком медлительным, и монах свалил его одним ударом в челюсть. Яо Шу не собирался никого убивать, но, услышав, как на шум потасовки отозвались голоса остальных нападавших, понял, что их было много. Глухой топот шагов доносился со всех сторон, и Яо Шу сосредоточился, пытаясь совладать с гневом в груди. Маловероятно, чтобы он знал нападавших, вряд ли и они знали его. Монах почему-то снова подумал, что время, проведенное среди этих племен,

слегка изменило его. Будда словно покровительствовал им, глядя на все сквозь пальцы. Яо Шу думал об этом, подбираясь к другой тени. Холод, по крайней мере, больше не ощущался.

– Куда он делся? – прошипел кто-то всего в шаге от него.

Яо Шу внезапно возник за спиной говорившего и опрокинул его на землю, прежде чем тот смог оказать сопротивление, затем скользнул вперед. Испуганный крик упавшего человека отразился эхом от высоких утесов, и Яо Шу услышал быстрое приближение еще нескольких мужчин.

Первого из них он встретил мощным ударом по ребрам, почувствовав, как они хрустнули под краем его ладони, затем быстро отскочил назад. Заметив какое-то движение, монах инстинктивно увернулся, но из-за снега не увидел еще двоих воинов, один из которых резко обхватил Яо Шу за талию и швырнул на твердую землю.

Яо Шу пнул нападавшего ногой, но уткнулся во что-то твердое, больно ударив стопу. Монах поднялся и окинул взглядом неприветливые лица окружавших его людей. Ему было досадно узнать среди них троих юношей из своего же учебного класса. Но эти хотя бы отводили глаза. Остальных, что держали тяжелые палки, монах не знал.

– Теперь ты попался, монах, – сказал чей-то низкий голос.

Яо Шу приготовился, чуть присев на полусогнутых ногах, чтобы лучше держать равновесие. Он понимал, что со всеми ему не справиться, но снова был готов преподать урок.

Восемь человек набросились на него со всех сторон, и Яо Шу уже почти прошмыгнул между двумя из них и едва не вырвался на свободу, когда, к несчастью, кто-то схватил его за платье. Почувствовав, как чьи-то пальцы скользнули по его бритой макушке, монах резко откинул назад голову и с разворота ударил нападавшего ногой по коленям. Хватаясь за разбитые колени, человек с криком грохнулся в снег, но к этому времени монах получил множество сильных ударов палками и потерял ориентацию. Яо Шу еще пытался отбиваться ногами, кулаками и головой, но его сбили с ног. Тяжелые палки поднимались и опускались с безжалостной яростью. Монах не издал ни звука, даже когда кто-то наступил ему на правую ногу, раздробив мелкие кости ступни.

Перед тем как Яо Шу лишился сознания, он как будто услышал голос Хачиуна и понял, что нападавшие оставили его и растворились за белой завесой снега. Монах лежал на земле, а в голове, точно вихрь белых снежинок, кружились слова его учителей. Они когда-то говорили ему, что держать в себе гнев – все равно что хвататься за раскаленный уголь, только сам обожжешься. Но когда сильные руки подняли монаха с земли, он еще крепче ухватился за свой уголек и чувствовал лишь тепло.

Глава 8

Когда Хачиун вошел в юрту, предназначенную для ухода за ранеными, Яо Шу поднял глаза. Днем больных мужчин и женщин, хорошенько укутанных мехами, везли на телегах. Всегда находился кто-то, кому следовало проколоть нарыв или перевязать рану. Трех из тех, что лежали вместе с монахом, он знал. Это были те юноши, которым досталось от самого Яо Шу. Монах не разговаривал с ними. Его молчание как будто смущало их, и они отводили глаза.

Добродушно поприветствовав Джучи, Хачиун присел на краешек его постели. Полководец был рад перекинуться с ним парой слов. Во время беседы Хачиун восхищенно поглаживал жесткие складки и плоскую морду тигровой шкуры, что лежала в ногах у Джучи. И Яо Шу заметил, что двое мужчин были друзьями. Субудай тоже приходил каждый день на рассвете, и Джучи, несмотря на уединение, был хорошо осведомлен обо всем, что происходило в лагере. Наблюдая с некоторым любопытством за разговором дяди с племянником, Яо Шу пощупал повязку на разбитой ноге и слегка вздрогнул.

Закончив беседу с Джучи, Хачиун повернулся к монаху. Полководец явно не находил нужных слов, чтобы начать разговор. Хачиун знал не хуже других, что подстроить нападение на монаха мог лишь Чагатай, но так же хорошо понимал, что это недоказуемо. Чагатай горделиво расхаживал по лагерю, и многие воины смотрели на юношу, выражая ему поддержку и одобрение. Для этих людей в мести не было ничего постыдного, и Хачиун догадывался, что думает об этом происшествии Чингис. Сна из-за этого хан точно не лишится. Лагерь – суровый мир, и Хачиун думал, как бы объяснить это монаху.

– Кокэчу говорит, что через несколько недель начнешь ходить, – наконец сказал Хачиун.

– Со мной все будет в порядке, командир. Наше тело – это животное. На мне все заживет как на собаке, – пожал плечами Яо Шу.

– Мне ничего не известно о тех людях, которые напали на тебя, – солгал Хачиун; Яо Шу машинально перевел взгляд на тех троих, что лежали рядом. – Драки в лагере случаются постоянно, – добавил Хачиун, разведя руками.

Яо Шу смотрел на него спокойно, лишь удивляясь тому, что брат хана, похоже, чувствует себя виноватым. Ведь он не принимал в этом никакого участия и мог ли отвечать за Чагатая? Вряд ли. Более того, если бы не появление Хачиуна, монаха покалечили бы куда серьезнее. Нападавшие разбежались по своим юртам, унеся с собой раненых. Яо Шу почти не сомневался, что Хачиун мог бы назвать всех их поименно, если бы захотел, и, возможно, даже упомянул бы их родню. Но какое это имело значение? Монголы свято чтит законы мести, а Яо Шу не держал зла на юных глупцов, действующих по указке. Однако монах все же поклялся себе преподать Чагатаю новый урок, когда придет время.

Монаху было досадно, что его убеждения отошли на второй план, уступив место столь низменному желанию, но он не мог ничего с этим поделать и с нетерпением ждал, когда представится случай. При людях Чагатая об этом нельзя было говорить, но они быстро поправлялись, и в скором времени Джучи должен был остаться единственным соседом монаха по боличной юрте. Возможно, в лице Чагатая Яо Шу нажил себе врага, но он видел поединок с тигром. И, глядя на огромную полосатую шкуру на постели Джучи, монах не сомневался, что приобрел еще и союзника. Яо Шу казалось, что тангутская принцесса тоже обрадуется, когда узнает об этом.

Снаружи раздался голос Чингиса, и Хачиун машинально поднялся с постели. Вошел хан, и все сразу заметили, что его лицо сильно опухло и покраснелось, левый глаз едва открывался.

Оглядевшись по сторонам, хан поприветствовал кивком Яо Шу и заговорил с братом. На Джучи хан не обратил никакого внимания, словно того и вовсе не существовало.

– Где Кокэчу, брат? Зуб надо рвать.

Шаман вышел на слова хана, принес с собой странный запах, от которого Яо Шу поморщился. Тощего чародея и кудесника монах невзлюбил. Он признавал, что шаман искусно лечит переломы, но Кокэчу обходился с больными как с надоедливymi насекомыми и беззастенчиво заискивал перед ханом и его полководцами.

– Зуб, Кокэчу, – пожаловался Чингис. – Пора.

Крупные капли пота стекали по его лбу, и Яо Шу догадался, что хан испытывает острую боль, хотя привычку не показывать свои чувства он возвел в культ. Яо Шу иногда казалось, что эти монголы просто какие-то ненормальные. Боль – всего лишь часть жизни. Боль следовало принимать и стараться понять, но не подавлять и носить в себе.

– Конечно, мой великий хан, – ответил Кокэчу. – Я вырву его и дам еще травы, чтобы снять опухоль. Ложись на спину, господин, и открой рот как можно шире.

Хан неохотно разлегся на последней свободной койке и запрокинул голову так, что Яо Шу смог даже увидеть воспаленную плоть. Монах отметил при этом, что у монголов хорошие зубы. Коричневый обломок четко выделялся в ряду белых зубов. Яо Шу склонялся к тому, что мясной рацион этих людей был источником их силы и жестокости. Сам монах избегал

употребления мясной пищи, полагая, что она причина хворей и дурного настроения. Правда, монголы как будто процветали, питаясь только мясом и молоком.

Кокэчу развернул кожаный сверток, в котором хранились маленькие кузнечные щипцы и набор тонких ножей. Чингис покосился на инструменты, но, заметив, что монах наблюдает за ним, взял себя в руки и принял бесстрастное выражение лица, впечатлив монаха своим спокойствием. Хан, видимо, решил расценивать предстоящую экзекуцию как суровое испытание, и Яо Шу оставалось гадать, сохранит ли хан хладнокровие до конца.

Кокэчу щелкнул щипцами и сделал глубокий вдох, чтобы унять дрожь в руках. Заглянув в открытый рот хана, шаман крепко сжал губы, не решаясь взяться за дело.

– Я постараюсь сделать все как можно быстрее, мой господин, но мне придется удалить корень.

– Делай, что надо, шаман. Удаляй! – резко ответил Чингис.

Хан, должно быть, испытывает страшную боль, решил Яо Шу. Когда Кокэчу прикоснулся к больному зубу, Чингис крепко вцепился в края койки, но потом распластал руки на постели, как будто уснул.

Яо Шу с интересом наблюдал за тем, как Кокэчу сунул щипцы глубоко в рот, пытаясь ухватить осколок. Но они дважды соскальзывали с него, как только шаман сдавливал рукоятки и начинал тянуть. С недовольной гримасой Кокэчу вернулся к своему свертку и выбрал нож.

– Мне придется разрезать десну, господин, – нервно произнес шаман.

Кокэчу заметно дрожал, словно на кон была поставлена его жизнь. И возможно, именно так оно и было. Хан ничего не ответил, но, пытаясь сохранить контроль над телом, снова сжал и расслабил кулаки. И как только Кокэчу склонился с ножом, с усилием вонзая его в твердую плоть, хан сильно напрягся всем телом. Гной и кровь брызнули в рот, и Чингис, давясь, отпихнул шамана, чтобы сплюнуть кровавую массу на пол, затем снова улегся. В глазах хана Яо Шу видел ярость и тихо восторгался силой воли этого человека.

Сделав еще одно усилие, Кокэчу выдернул нож, затем просунул в рот щипцы, ухватился за обломок и потянул. Шаман едва не упал, когда длинный корень с обломком зуба выскочили наружу. Бранясь, Чингис поднялся с постели и сплюнул еще раз.

– Это не все, господин, – заявил шаман.

Чингис сердито взглянул на него и улегся на прежнее место. Вторая половинка корня вышла наружу быстро, и хан присел, схватившись за больную челюсть. Он явно испытывал облегчение, что все завершилось. Его губы запачкались алой кровью, и время от времени он нехотя сглатывал горечь.

Джучи тоже следил за тем, как отцу удаляют зуб, хотя пытался притворяться, что ничего не видит. Когда Чингис встал, Джучи откинулся на постель и принялся разглядывать березовые жерди, подпиравшие свод юрты. Яо Шу думал, что хан так и уйдет, не поговорив с сыном, но был удивлен, когда Чингис задержался и похлопал Джучи по ноге.

– Уже ходишь? – спросил Чингис.

Джучи медленно повернул голову:

– Хожу.

– Значит, и в седле можешь сидеть.

Чингис заметил меч с головой волка на рукояти. Джучи все время держал клинок в поле зрения и, быстро протянув к нему правую руку, сжал рукоять в кулаке. Меч лежал поверх тигровой шкуры, и Чингис не удержался и провел рукой по ее жесткому меху.

– Раз ходишь, значит можешь скакать, – повторил Чингис. Теперь он мог бы развернуться и уйти, однако что-то остановило его. – Мне даже показалось, что эта кошка разорвет тебя на куски, – сказал он.

– Это едва не случилось, – ответил Джучи.

К его удивлению, отец ему улыбнулся, показав красные зубы:

– Все-таки ты одолел эту зверюгу. Ты получишь тумен, и мы пойдем на войну.

Яо Шу понял, что хан пробует навести мосты в отношениях с сыном. Джучи будет командовать десятью тысячами воинов. Хан оказывает ему огромное доверие, заслужить которое очень непросто. Но к сожалению Яо Шу, мальчишка ответил дерзостью:

– Какой еще награды я мог бы ожидать от тебя, повелитель?

Последовало напряженное молчание, потом Чингис недоуменно пожал плечами и продолжил:

– Что ж, мальчик. Я дал тебе больше чем достаточно.

Минули дни, и лавина повозок, табунов и отар вылилась с гор на равнины. К югу и западу лежали города, которыми правил шах Мухаммед. Племена слышали о том оскорблении, которое нанесли их хану, и все знали об убийстве послов. Возмездие давно стало их вожаемой целью.

Оставив позади холодные горы, разведчики разлетелись во все стороны от основной массы кочевников. Военачальники бросили кости, чтобы разыграть право вести тумен в первый рейд. И поскольку Джебе выпало четыре коня, спор выиграл он. Узнав об этом, Чингис вызвал преемника Арслана к себе, чтобы сделать необходимые распоряжения. Джебе нашел хана в окружении его братьев, все были поглощены обсуждением планов предстоящей войны. Заметив наконец стоящего в дверях молодого человека, хан подозвал его кивком, почти не отрывая глаз от новеньких карт, расчерченных углем и чернилами.

– Темник, мне сведения нужны больше, чем горы трупов, – сказал Чингис. – Шах может укрыться в таких же больших городах, как в Китае. Необходимо встретить его армию раньше и навязать наши условия. А до того дня мне нужно все, что ты сможешь узнать. Если в городе меньше двух тысяч воинов, пусть сдаются. Отправь ко мне ремесленников и купцов – они хоть немного знают эту страну.

– Великий хан, а если они не сдадутся? – спросил Джебе.

Хасар ухмыльнулся, не отрываясь от карт, но желтые глаза хана поднялись на полководца.

– Тогда расчисти путь, – ответил Чингис.

Когда Джебе уже направлялся к выходу, Чингис тихонько свистнул. Джебе развернулся и вопросительно посмотрел на хана.

– Теперь это только твои воины, Джебе, не мои и не чьи-то еще. Поначалу они будут приглядываться к тебе. Помни об этом. Я видел, как воины ломались и бежали, но потом побеждали, хоть перевес был не на их стороне. И все потому, что поменяли их командиров. Запомни, Джебе, никто не сделает эту работу за тебя. Ясно?

– Да, повелитель, – ответил Джебе.

Он изо всех сил старался скрыть свой восторг, хотя чувства переполняли его и голова шла кругом. Это была его первая самостоятельная операция. Десять тысяч человек будут подчиняться ему одному, их жизнь и честь будут только в его руках. Чингис улыбнулся украдкой, не сомневаясь в том, что ладони молодого человека намокли от пота, а сердце готово было выпрыгнуть вон.

– Тогда вперед, – сказал напоследок хан, возвращаясь к своим картам.

Весенним утром Джебе выступил во главе десятитысячного войска ветеранов, жаждущих прославить имя своего командира. Уже через несколько дней мусульманские купцы начали стекаться в лагерь, словно сам дьявол подгонял их. И было множество желающих обменять и продать сведения этой неизвестно откуда взявшейся силе, и Чингис приветливо принимал толпы торговцев в ханской юрте, а затем отпускал их с мошнами, полными серебра. А за их спинами медленно разгорался пожар.

Джучи присоединился к своим воинам спустя два дня после того, как Чингис навестил его в юрте для раненых. Выйдя из полуторамесячного заточения, Джучи исхудал и побледнел, но сел верхом на любимого коня, невзирая на боль. Повязки с левой руки еще не сняли, а не зажившие до конца раны на ногах то и дело давали о себе знать, но, подъезжая к рядам воинов, Джучи улыбался. Узнав, что он скоро прибудет, его люди выстроились поприветствовать своего командира и первенца хана. Выражение лица Джучи оставалось суровым, он был сосредоточен на собственной слабости. Подавая приветственный знак, он поднял руку, и хор мужественных голосов восславил благополучное выздоровление Джучи и его победу над тигром, шкуру которого тот постелил под седлом на спине своего коня. Отныне высушенная пасть будет рычать на рукоять меча с головой волка.

Заняв свое место в переднем ряду, Джучи развернул коня и обернулся на армию, которую доверил ему отец. Из десяти тысяч воинов более четырех были родом из Цзинь. Они сидели в седле, как монголы, и носили монгольские доспехи, но Джучи знал, что стреляют из лука они не так быстро и не так хорошо, как его соплеменники. Еще пара тысяч мужчин происходила из тюркских племен, что кочевали севернее и западнее монголов. Однако, в отличие от последних, эти темнокожие люди хорошо знали среднеазиатские страны. Джучи показалось, что отец умышленно дал ему этих воинов, не столь горячих, хотя и они были жестоки, любили борьбу и охоту. И Джучи был ими доволен. Последние четыре тысячи происходили из племен найманов, ойратов и джаджиратов. Окинув взором их ряды, Джучи как будто заметил слабость в их хмурых лицах. Монголы знали, что Джучи не был любимым сыном Чингиса, возможно даже не был его сыном вообще. И Джучи прочел на их лицах оттенок сомнения, да и приветствовали они его не так восторженно, как остальные.

Джучи чувствовал, как по телу струится энергия, собирая всю его волю воедино. Раньше он сожалел, что ему не дали больше времени залечить раненую руку. Но он видел, как Субудай превращал разобщенных людей в коллектив, и теперь жаждал поскорее взяться за дело.

– Я вижу перед собой мужей, – начал Джучи. Голос его звучал твердо, но многие ухмыльнулись. – Я вижу воинов, но пока не вижу здесь армии.

При этих словах ухмылки на лицах стали исчезать, а Джучи показал им на широкую лавину телег, катящихся с гор перед ними.

– У нашего народа достаточно мужчин, чтобы не подпускать волков, – заявил он. – Сегодня вы пойдете со мной, и я посмотрю, что я смогу из вас сделать.

Джучи ударил пятками коня, хотя ноги уже начинали болеть. Десятитысячное войско двинулось следом за ним на равнины. Джучи подумал, что будет гонять их, пока они не ослепнут от изнеможения или, по крайней мере, пока будет в силах переносить боль в ногах. А он будет терпеть. Как терпел всегда.

Отрар – жемчужина в ожерелье городов Хорезма – с давних пор богател на перекрестках древних империй. Почти тысячу лет этот город охранял северные границы страны, получая свою долю богатств, что текли на запад по торговым путям. Высокие стены служили надежным прикрытием для тысяч кирпичных домов. Некоторые из них имели три этажа. Чтобы защититься от палящего солнца, дома красили в белый цвет. Улицы города всегда кишели людьми и предлагали самые удивительные товары со всего мира, на любой вкус и кошелек. Правитель города Иналчук каждый день раздавал милостыню в мечети и клялся принародно в своей преданности учению пророка. Но вдали от посторонних глаз он распивал запретное вино и содержал гарем, где предавался утехам любви с рабынями самых разных национальностей.

По мере того как солнце клонилось к холмам и воздух наполняла прохлада, мужчины и женщины расходились по домам и бурление жизни на улицах Отрара понемногу стихало. Отерев глаза от пота, Иналчук сделал выпад в сторону учителя фехтования. Этот человек не был глуп, и порой Иналчук подозревал, что учитель позволяет своему господину заработать очки.

Наместник не возражал, пока тот сохранял благоразумие. Как только учитель подыгрывал ему слишком явно и открывался, Иналчук бил сильнее, оставляя на его теле рубец или синяк. Это была игра. Все на свете было игрой.

Краем глаза Иналчук заметил появление главного писца. Тот вошел во внутренний двор и остановился в ожидании хозяина. В наказание за невнимательность учитель улучил момент, чтобы нанести удар, но Иналчук успел отскочить, а затем низким выпадом всадил тупое острие клинка в живот своего противника. Учитель тяжело упал, и градоправитель залился смехом:

– Знаю я твои уловки, Акрам, и не собираюсь тебя поднимать. Хватит с меня и одного раза.

Учитель улыбнулся и вскочил на ноги. Поскольку уже темнело, Иналчук поклонился учителю и передал ему клинок.

Когда солнце село, в небе над Оттаром разнеслись голоса муэдзинов, воздававших благодарение Аллаху. Пришло время вечерней молитвы, и дворик начал заполняться домочадцами. Они расстилали рядами молитвенные коврики и, опустившись на них, склоняли голову. Когда собрались все, Иналчук занял свое место в первом ряду, и все волнения и заботы исчезли.

Пока совершали обряд и бормотали в унисон слова молитвы, Иналчук с нетерпением ждал, когда завершится дневной пост. Рамадан уже близился к концу, и даже такой влиятельный человек, как он, не мог нарушить запрет. Рядом, точно птицы, щебетала прислуга, и градоправитель предпочитал не давать им улик, которые они могли бы использовать против него в суде шарията. Скорчившись на коврике и отбивая земные поклоны, правитель думал о том, каких женщин взять ему с собой в баню. Хотя священный месяц еще не истек, все дозволялось после заката. По крайней мере, в собственном доме он был властителем. И наместник уже представил, как накапает меда на спину своей нынешней фаворитке, когда присоединится к ней.

– Аллах акбар! – громко произнес он.

Бог велик. И правитель снова подумал, что мед – превосходная вещь, истинный дар Аллаха всему человечеству. И если бы не начавшая полнеть талия, Иналчук ел бы этот дар каждый день. Но всякое удовольствие как будто имело цену.

Как истый образчик благочестия и пример своим домочадцам, он отбил последний поклон. Во время молитвы солнце совсем скрылось за горизонтом, и правитель умирал от голода. Скрутив молитвенный коврик, Иналчук быстро зашагал через двор и исчез за дверями дворца. Писец последовал за своим господином.

– Где войско хана? – спросил наместник через плечо.

Писец, как обычно, зашуршал пачкой бумаг, хотя Иналчук не сомневался, что его главный помощник и так знает ответ. Заед бен Салех состарился на службе, однако возраст еще не затуманил его разум.

– Хвала Аллаху, монгольская армия движется медленно, господин, – ответил Заед. – Они растянулись по всему пути в горы.

Иналчук нахмурил брови. Видение намазанной медом нежной кожи покинуло его воображение.

– Их больше, чем мы предполагали?

– Возможно, сто тысяч воинов, господин, хотя при таком количестве телег легко ошибиться. Неверные ползут по земле, как гигантская змея.

– Даже у такой змеи, как эта, только одна голова, Заед. Если хан – главная угроза, я поручу ассасинам убить его, – улыбнулся Иналчук, представив себе змею.

Писец криво улыбнулся, обнажив зубы, желтоватые, как слоновая кость:

– Я бы скорее поцеловал скорпиона, чем связался бы с этими шиитскими мистиками, господин. Они опаснее своих кинжалов. Разве они не отказываются почитать халифов? Думаю, они не настоящие мусульмане.

Иналчук рассмеялся и похлопал писца по плечу:

– Ты, кажется, боишься их, мой Заед? Но их можно купить, и лучше их никого не найти. Разве это не они положили отравленную лепешку на грудь Саладину, пока тот спал? Вот что самое главное. Они делают то, что обещают, а вся эта мистика лишь для отвода глаз.

Заед недоуменно пожал плечами. Ассасины сидели в своих горных замках, и даже шах не мог заставить их убраться оттуда. Они поклонялись смерти и насилию, и писцу казалось, что его господину не следует говорить о них так открыто даже в собственном доме.

Писец надеялся, что после его осторожного укора Иналчук замолчит, однако правителя посетила новая мысль. И он продолжил:

– Ты ничего не сказал о вестях от шаха Мухаммеда. Неужто он до сих пор ничего не ответил?

– Подкрепление пока не прибыло, господин, – покачал головой Заед. – Мои люди ожидают их на юге. Я сообщу, как только они появятся.

За разговором они добрались до банного комплекса дворца. Заеду, как и всем другим рабам-мужчинам, запрещено было входить внутрь, а потому Иналчук задержался возле дверей, обдумывая распоряжения.

– Мой кузен располагает армией более чем в миллион человек, Заед. Этого больше чем достаточно, чтобы раздавить кочевников вместе с их телегами и дохлыми козами. Отправь новое послание и скрепи моей личной печатью. Напиши, что... двести тысяч монголов пересекли через горы. Надеюсь, он поймет, что мой гарнизон способен только показать им свои пятки.

– Возможно, шах придерживается того мнения, что они не станут нападать на Отрар, господин. Есть другие города, которые не имеют таких стен, как у нас.

Иналчук вздохнул с досадой и погладил умасленную кучерявую бороду:

– А куда еще они могут двинуться? Ведь именно здесь, на рыночной площади этого города, ханских послов обезглавили, а потом свалили их головы в кучу по самый пояс высотой. Разве я не выполнял указание моего дорогого кузена? Я следовал его приказам, полагая, что его армия будет готова отбросить монголов назад в их степи. И теперь я обращаюсь к нему, а он до сих пор медлит.

Писец не ответил. Стены Отрара еще никому не удавалось разрушить, но арабские купцы, возвращавшиеся из Китая, рассказывали, что монголы используют стенобитные машины и стирают с лица земли целые города. Вполне вероятно, что шах решил испытать силу монгольского хана на гарнизоне Отрара. И хотя в городе стояли двадцать тысяч солдат, Заед не чувствовал себя в безопасности.

– Напомни моему брату, что я спас ему жизнь, когда мы были детьми, – добавил Иналчук. – Он так и не вернул мне долг.

Писец склонил голову:

– Послание будет доставлено, господин. Я прослежу, чтобы взяли самых быстрых коней.

Иналчук кивнул и скрылся за дверью. Когда он ушел, Заед только нахмурил лоб. Его хозяин, точно изголодавшийся кобель, будет предаваться любви до рассвета, а заниматься организацией обороны снова придется его рабам.

Заед не понимал плотских желаний, как не понимал и людей вроде ассасинов, которые ели липкие коричневые шарики из гашиша, отчего совершенно лишались страха и терзались страстным желанием убивать. Когда Заед был молод, телесная страсть мучила и его, однако благословенная старость умирала плотские желания. Планирование да науки были его единственной радостью в этой жизни.

Писец смутно осознавал, что должен поесть, дабы поддержать силы в продолжение долгой ночи. Сто его соглядатаев следили за продвижением монгольского войска, и старик каждый час получал от них донесения. Услышав за дверью ритмичное побрякивание своего гос-

подина, Заед покачал головой, словно укоряя капризного ребенка. Подобное поведение, когда мир готов был рухнуть, казалось непостижимым. Заед не сомневался, что шах Мухаммед имел намерение стать вторым Саладином. Иналчук был тогда только ребенком, но Заед еще помнил правление великого султана. Старик лелеял воспоминания о том, как отряды Саладина проходили через Бухару, отправляясь на завоевание Иерусалима. То были славные времена!

Шах не позволит Отрару пасть – в это Заед твердо верил. Под знамена шаха встало много князей, но все они только и ждали его ослабления. Проклятие всех сильных мира сего – в вероломстве его вассалов. Поэтому шах не сдаст процветающий город. Если Чингис будет остановлен под Отраром, у шаха появится возможность покорить мир.

Заметив, что страстные крики хозяина стали громче, Заед вздохнул. Он не сомневался, что Иналчук заглядывается на шахский трон. И если удастся быстро разбить монголов, то, возможно, этот трон будет вполне досягаем.

После захода солнца стало прохладно. Погруженный в свои мысли, Заед едва ли видел, как рабы зажигают масляные лампы, наполняя коридор светом. Он не чувствовал усталости. Ему требовалось совсем немного времени, чтобы выспаться, и в этом он тоже усматривал благословение старости. Писец зашаркал в ночном полумраке, обдумывая тысячу вопросов, которые нужно решить до рассвета.

Глава 9

За месяц, проведенный вдали от главных сил ханских войск, Джебе потерял счет пройденным милям. Вначале он направился на юг и вышел к широкому озеру, формой напоминавшему полумесяц. Джебе никогда прежде не видел столько пресной воды, сколько было в этом водоеме, таком огромном, что даже самые зоркие разведчики не могли разглядеть противоположного берега. Джебе со своими людьми задержался там на несколько дней, забывая острогами жирных зеленых рыб, названия которых никто не знал, и пировал, с удовольствием вкушая свежую пищу. Решив не пересекать озеро вплавь на лошадях, он повел свой тумен вдоль глинистых берегов. Окрестности озера изобиловали разной живностью: от газелей и горных козлов, которых ловили и ели, до бурого медведя, который однажды с ревом выскочил из леса и едва не покалечил лошадь, прежде чем стрелы свалили его на землю. Водрузив на спину своего скакуна медвежью шкуру, Джебе надеялся поскорее прокоптить ее хорошенько, поскольку подкожное сало уже начало разлагаться. Соколы и орлы парили в небе высоко над головой. Холмы и долины напоминали Джебе о доме.

Как и велел Чингис, воины Джебе не причиняли зла мелким селениям, мирно проезжая мимо них мрачной колонной. Крестьяне разбегались либо в испуге провожали непрошенных гостей взглядом. Местные земледельцы напоминали Джебе скот, и он лишь удивлялся тому, как это можно было приковать себя на всю жизнь к одному клочку земли. Джебе разрушил четыре больших города и с десятков дорожных укреплений, закопав награбленное добро в тайниках на холмах. Воины тумена постепенно начали признавать Джебе своим командиром и скакали с высоко поднятыми головами, симпатизируя его тактике стремительных атак и бросков на огромные расстояния, которые преодолевались всего за несколько дней. Арслан в свою бытность командующим туменом действовал осторожнее, но он хорошо обучил Джебе, и молодой человек теперь выжимал из своих людей все возможное. Он намеревался занять почетное место среди других военачальников и не допускал проявления слабости и нерешительности теми, кто шел за ним следом.

Если город сдавался быстро, Джебе отправлял городских купцов на северо-восток, в те места, куда, по его мнению, мог добраться Чингис с тяжелым обозом телег и стадами скота. Джебе сулил купцам золото и подкупал их китайскими монетами в доказательство обещанной щедрости. И хотя многим из них пришлось увидеть, как огонь пожарищ сжигал дотла их дома,

возбуждая ненависть к монгольскому темнику, купцы принимали подношения и отправлялись в дорогу. Они понимали, что с продвижением Чингиса на юг дома не имело смысла отстраивать заново, и Джебе находил, что эти люди прагматичнее монголов и смиренны перед судьбой, которая возвышает одних и низвергает других без всяких на то причин и оснований. Подобное отношение к жизни не вызывало у Джебе восхищения, но вполне соответствовало его целям.

К исходу луны Джебе достиг новой горной гряды, которая лежала южнее большого кривого озера. От мусульманских купцов ему стало известно, что по магометанскому календарю шел месяц Рамадан и что Отрар стоит к западу от хребта. Дальше лежали золотые города шаха, названия которых Джебе давались с большим трудом. Он узнал про Самарканд и Бухару, а местные крестьяне показали их положение на черновых картах, которые, пожалуй, пришлось бы Чингису по душе. Путешествие в эти укрепленные города пока не входило в планы Джебе. Он увидит их позже, когда вся монгольская орда будет стоять за его спиной.

Огибая последний из холмов южной гряды, Джебе отметил на картах источники воды. Луна скрылась за облаками, и пора было позаботиться о ночлеге. Темник не давал воинам расслабляться и мог в любой момент развернуть войско и отправиться на войну. Хотя тумен Джебе был в походе дольше одного оборота луны, он не взял с собой тяжеловесные юрты и разбил лагерь в укромной долине, расставив дозоры на всех окрестных высотах. Один из дозорных внезапно вернулся в лагерь, и по виду взмыленной лошади Джебе догадался, что тот очень спешил.

– Я видел всадников, господин, там, вдали.

– Тебя заметили? – спросил Джебе.

Юный воин гордо покачал головой:

– В жизни не заметят, господин. Я видел их перед самым закатом и сразу вернулся. – Дозорный замаялся, и Джебе подождал, пока тот не заговорит снова. – Мне показалось... Это монголы, господин. Так скачут только монголы. Я видел их мельком в последних лучах заката, а потом стемнело. Шестеро всадников. Это могли быть только наши.

Забыв про зажаренного на ужин кролика, Джебе быстро встал.

– Кто еще мог бы зайти так далеко на юг? – спросил он вполголоса.

Тихонько свистнув, Джебе подал остальным команду отложить пищу и седлать лошадей. Для быстрой езды было слишком темно, однако Джебе заметил перед закатом тропу через холмы и не видел ничего страшного в том, чтобы всадники ехали в темноте более плотным строем. И тогда войско могло бы выйти на позицию уже к рассвету. Джебе отдал приказ командирам, а те довели его распоряжения до ушей остальных. Еще несколько секунд – и повсюду послышалось глухое шелканье языков, монголы седлали коней и выстраивались в колонну.

Луна по-прежнему пряталась за облаками, и ночь была темной. Но войско послушно следовало приказу, и Джебе был доволен. С ухмылкой на лице он рассуждал, что дозорный, возможно, видел людей Хасара или, еще лучше, разведчиков Субудая. Джебе теперь не хотелось ничего иного, кроме как удивить кого-нибудь из военачальников своим внезапным появлением на рассвете. Направив скакуна во главу колонны, Джебе почти шепотом давал по пути указания разведчикам и слал их вперед. Он был уверен в том, что полководцы хана с немалым удовольствием нанесли бы неожиданный визит ему самому. В отличие от прославленных военачальников, Джебе еще только предстояло приобрести себе имя, и он с надеждой принял вызов незнакомой земли. Возвышение Субудая показало, что Чингис ценит талант человека больше его знатности.

Очнувшись от богатырского сна, Джучи лежал в кромешной тьме посреди соснового леса на склоне горы. Поднеся левую руку к лицу, он попытался разглядеть ее и усиленно захлопал ресницами. Арабы называли рассветом то время, когда черную нить можно отличить от белой, но, судя по всему, до рассвета было еще далеко. Джучи зевнул. Его измученное тело лениво

пробуждалось к жизни, и он понял, что больше не уснет. По утрам ноги еще немели, и Джучи начинал каждый день, втирая масло в зарубцевавшиеся шрамы, что остались от раскаленного железа и тигриных когтей. Медленно растирая огрубевшую кожу пальцами, он чувствовал, как расслабляются мышцы, и с облегчением вздыхал. Потом раздался топот копыт и зов разведчика.

– Сюда, – ответил Джучи.

Воин спешил и опустился возле него на колени. Это был один из китайских рекрутов, и Джучи вручил ему горшок с маслом, чтобы тот довершил растирание, пока он будет слушать. Разведчик быстро залопотал на родном языке, однако Джучи перебил его всего один раз, чтобы выяснить значение слова.

– Три недели мы не видели никаких следов войск, а теперь они сами подкрадываются к нам в темноте, – произнес Джучи, вздрогнув, когда пальцы китайца прошли по больному месту на ноге.

– К рассвету мы могли бы уйти на много миль отсюда, командир, – тихо предложил разведчик.

Джучи замотал головой. Его люди позволили бы ему бежать только в том случае, если бы он придумал какой-нибудь план, как заманить неприятеля в западню. Простое бегство подрывало бы его авторитет среди всех групп тумена.

Джучи выругался. В безлунную ночь очень трудно узнать, где находится враг и какова численность его войска. И даже лучшие разведчики тут были бы бесполезны. Единственное преимущество Джучи состояло в том, что он хорошо знал местность. Уединенная долина, что лежала южнее холма, стала на полтора месяца учебным лагерем, и Джучи использовал ее, чтобы подготовить своих людей к новым трудностям. Вместе с разведчиками Джучи исходил долину вдоль и поперек и знал каждую тропинку, каждое укромное местечко.

– Собери командиров минганов и приведи ко мне, – велел он разведчику.

Десять младших командиров могли быстро довести приказ до каждого воина своей тысячи. Чингис ввел эту систему, и она хорошо себя зарекомендовала. Джучи добавил лишь изобретение Субудая давать имена каждой тысяче и каждому джагуну из ста человек. Такая практика служила лучшему взаимопониманию в бою, и Джучи был доволен нововведением.

Вернув горшок с маслом своему командиру, китаец спешно удалился. Довольный тем, что боль в ногах успокоилась хотя бы на время, Джучи поднялся с земли.

Когда воины Джучи подводили лошадей к вершине холма, откуда начинался спуск в долину, прибыли еще двое дозорных. Солнце пока не взошло, но к тому времени, когда над холмами забрезжило бледное зарево рассвета, все уже чувствовали, как кровь быстрее побежала по жилам. Заметив на лицах дозорных улыбку, Джучи жестом подозвал их к себе. Эти двое тоже были китайцы, однако обычно невозмутимых воинов явно что-то сильно развеселило.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил Джучи.

Дозорные обменялись взглядами.

– Те, которые идут на нас, – монголы, командир.

Джучи недоуменно моргнул. В полумраке их лица были хорошо различимы, но ведь когда они находились в пути, спеша передать ему донесение, то скакали в полной темноте.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джучи.

К его удивлению, один из них легонько стукнул себя по носу:

– По запаху, командир. Ветер дует с севера. Ошибиться невозможно. Мусульмане не натираются прогорклым бараньим жиром.

Разведчики ожидали, что Джучи вздохнет с облегчением, когда узнает новость, однако он сощурил глаза и резким жестом отослал их от себя. Монголы, которых видели разведчики, могли быть только из войска Арслана, хотя теперь его туменом командовал новый человек,

поставленный отцом. Джучи не имел случая познакомиться с Джебе до того, как Чингис отправил его вперед. В предраассветном полумраке Джучи оскалил зубы. Джебе плохо знал окружающую местность, и Джучи решил встретить его здесь на своих условиях.

Джучи дал новые распоряжения, и войско ускорило шаг. Нужно было спуститься в долину до наступления рассвета. Новость о приближении монгольского тумена слышали все и, так же как Джучи, сгорали от нетерпения показать, на что способны. Даже разгром войск шаха Мухаммеда не доставил бы столько радости, сколько победа над своими.

В лучах восходящего солнца Джебе медленно продвигался вперед. Его воины крадучись окружали долину, где слышались голоса людей и ржание лошадей, разносившиеся далеко по холмам. Боясь обнаружить себя, Джебе оставил сорок кобылиц, готовых к спариванию, далеко позади, чтобы те не начали подзывать жеребцов.

На рассвете Джебе с довольной улыбкой окинул взглядом долину. Темные пятна людей двигались внизу по земле, окруженной со всех сторон склонами холмов и скалистыми утесами. Шаманы рассказывали когда-то предания о громадных камнях, прилетающих с неба. Упав на землю, они и создали долины, такие как эта. Джебе заметил удобный уступ, с которого можно было бы руководить флангами своего войска, и, умело прячась за листвой деревьев, двинулся вперед в направлении примеченного утеса. Джебе не собирался никого убивать. Он хотел только поугадать соплеменников, показать, что они в окружении и могут расстаться с жизнью. Они надолго запомнили бы эту сцену с наступающими со всех сторон вооруженными всадниками.

Обладая острым зрением, Джебе с удовлетворением отметил, что люди в долине не подавали признаков беспокойства. Было очевидно, что они упражняются в военном деле, и темник разглядел вдали линию дисков, вероятнее всего соломенных мишеней для лучников. Мужчины скакали шеренгами и пускали стрелы, затем разворачивались для новой попытки. Заслышав далекие звуки монгольских рогов, Джебе умильно улыбнулся.

Вместе с двумя командирами минганов и двумя знаменосцами Джебе привязал коня к сосне и припал к земле, осторожно продвигаясь к краю уступа. Последние метры пришлось ползти на животе, пока зеленая долина наконец не открылась целиком взору Джебе. Из-за большого расстояния узнать, кто темник, не получалось, но Джебе отметил строгость войсковых построений, а также точность и быстроту выполняемых ими маневров. Кем бы ни был их командир, он хорошо обучил своих людей.

Вот на высоком утесе в полумиле от Джебе мелькнула красная вспышка, а значит, левый фланг нашел подходящий спуск и был готов к атаке. Теперь Джебе ждал только сигнала с правого фланга, и, когда вдали показался и тут же исчез синий флажок, сердце полководца забилося быстрее.

Однако что-то не давало ему покоя, мешая сосредоточиться на операции. Где же их дозоры, которые следовало выставить на случай окружения? Эта долина казалась весьма уязвимой для нападения неприятеля, и Джебе не мог представить, чтобы кто-то из военачальников Чингиса был бы настолько беспечен. Джебе дал приказ разоружить дозорных, не позволяя им протрубить сигнал тревоги, однако все шло как-то уж чересчур гладко. Или просто Отец-небо покровительствовал ему и дозорных удалось снять без шума? Джебе недоверчиво покачал головой.

– Где их дозоры? – тихо спросил он.

Ближе всех к командиру оказался Палчук, муж ханской сестры Тэмулун. Джебе надеялся, что Чингис не ошибся в выборе, когда, изменив своим принципам, продвинул этого человека наверх.

– Войско невелико, и вокруг других войск нет, – ответил Палчук, пожимая плечами. – Может быть, они выставили дозоры ниже в долине?

По другую сторону низины блеснул огонек. На таком большом расстоянии флажки были бы незаметны, но тот, кто подавал знак, воспользовался осколком китайского стекла, отражавшего солнечные лучи. Отбросив сомнения, Джебе выпрямился во весь рост. В сотне шагов от военачальника залегли две тысячи воинов вместе с лошадьми. Животные были хорошо обучены и поднялись с земли, не издав ни звука, как только всадники убрали руку с их шеи.

– Луки оставить. Не стрелять! – скомандовал Джебе. – Мы только немного поучим их.

Последовав примеру Джебе, Палчук прищелкнул языком и сел в седло. Отряды Джебе выступали с четырех сторон и должны были сойтись в центре, где темник рассчитывал встретить командира другого тумена. Джебе дал себе слово, что не станет злорадствовать при их встрече.

Джебе поднял руку, но, не успев отдать приказ к началу атаки, заметил красную вспышку слева. На левом фланге кто-то снова подал сигнал.

– Чем они там занимаются? – громко спросил он.

Не успел Палчук дать ответ, как со всех сторон буквально из-под земли возникли вооруженные люди. Неожиданное появление монгольских воинов с луками в руках произвело смятение в войске Джебе. Стало ясно, что они попали в засаду. Воины другого тумена в полной тишине поджидали их с самого рассвета, прячась в неглубоких ямах и мелких овражках под толстым слоем дерна, опавшей листвы и сосновых игл. Ошеломленный Джебе развернул лошадь и мгновенно оказался под прицелом десятков острых стрел.

Увидев Джучи, широким шагом выходящего из-за деревьев, Джебе запрокинул голову и рассмеялся. Ханский сын хранил молчание до тех пор, пока не подошел ближе, и, остановившись возле стремени темника, опустил руку на эфес своего меча.

– Твои люди схвачены, командир, – сказал он. – Никто не уйдет, и ты в моих руках.

Только теперь Джучи улыбнулся, и те, кто находился в его ближайшем окружении, злорадно ухмыльнулись.

– Я чувствовал, что дозоров должно быть больше, – ответил Джебе.

Включаясь в игру, он передал свой меч победителю. Довольный успехом, Джучи принял клинок, но тут же вернул его владельцу. И пока Джебе с удивлением смотрел на Джучи, тот протрубил в рог долгий сигнал, который эхом прокатился по всей долине. Далеко внизу воины прекратили маневры, и ликующие крики поднялись почти до самого неба.

– Добро пожаловать в мой лагерь, командир, – произнес Джучи. – Может, спустишься со мною в долину?

Джебе склонился перед неизбежностью и подождал, пока люди Джучи уберут оружие и подведут коней.

– Как ты узнал, что я буду руководить операцией именно отсюда? – спросил он Джучи.

– Я тоже выбрал бы это место, – ответил ханский сын, пожимая плечами.

– К тому же ты ученик Субудая, – сухо добавил Джебе.

Джучи улыбнулся, решив не упоминать о других четырех местах, где его люди сидели в засаде, устроенной на холмах. Часы ожидания, проведенные в холоде и сырости, все же стоили того, чтобы увидеть изумленное выражение на лице Джебе. Спускаясь по склону в долину, они, казалось, радовались неожиданному знакомству друг с другом.

– Никак не могу придумать имя своему тумену, – вдруг сказал Джучи.

Джебе посмотрел на него, недоуменно изогнув брови:

– Субудай называет своих людей Волчатами. Кажется, это звучит лучше, чем Воины Джучи или Тумен Джебе. Как ты думаешь?

Джебе видел своими глазами поединок этого необычного юноши с тигром. Теперь полосатая шкура свисала из-под седла Джучи, и Джебе смутился из-за зловония бурой медвежьей шкуры, на которой сидел сам. Но Джучи как будто не замечал запаха.

– Может быть, Тигры или что-нибудь в таком роде? – осторожно предложил Джебе.

– О нет. Необязательно, чтобы это были звери, – ответил Джучи, бросив короткий взгляд на шкуру медведя.

Джебе понял, что его щеки наливаются краской, и снова усмехнулся. Ему нравился этот молодой человек, несмотря на слухи, ходившие о нем в лагерях. Не важно, был ли он сыном Чингиса или нет, но Джебе чувствовал себя легко рядом с этим юношей. В нем не было заметно и толики пустого чванства, которым отличался его брат Чагатай, и это импонировало Джебе.

Спустившись в долину, военачальники выехали на поле, где их дожидался тумен Джучи, выстроенный квадратами правильной формы. Отдавая честь его командирам, Джебе поклонился им на виду у всего войска.

– Они смотрятся грозно, – заметил Джебе. – Может, назвать их Железным Копьем?

– Железное Копье, – повторил Джучи, оценивая звучание слов. – Мне нравится слово «железное», но у меня так мало копий, что название вряд ли себя оправдает. Думаю, бессмысленно заставлять людей обучаться владению новым оружием только для того, чтобы соответствовать названию.

– Тогда Железный Конь, – предложил Джебе, увлекшись игрой. – По крайней мере, лошади есть у всех.

Джучи потянул за поводья:

– Мне нравится! У Субудая – Волчата, у меня – Железный Конь. Да, аж кровь в жилах играет.

Джучи улыбнулся, и вдруг оба громко расхохотались, смутив стоящих рядом командиров.

– А как ты догадался, что это мы? – спросил Джебе.

– Почуял запах медвежьей шкуры, – ответил Джучи, и оба снова залились смехом.

Поскольку в здешних местах водилось достаточно дичи, мяса хватило на всех. По примеру своих командиров, сидевших рядом, как старые приятели, оба тумена быстро перемешались, и воины вели себя непринужденно. Лишь дозорные несли караул на вершинах высоких холмов, и на сей раз Джучи выдвинул посты на многие мили, как делал каждый день во время тренировок. Джучи невозможно было застигнуть врасплох в его же долине.

Джебе позволил своим воинам тренироваться вместе с воинами Джучи и провел большую часть дня в разговорах о тактике и территории, которую он обошел. Джучи предложил ему ночлег в своем временном лагере, и Джебе принял предложение, оставшись лишь до рассвета, поскольку решил отправиться в дальнейший путь на следующий день. Остановка в лагере Джучи стала приятной передышкой после многодневной скачки и скудного дорожного пайка. Джебе хорошо подкрепился, и Джучи снабдил его остатками своих запасов арака для командиров. Джучи, однако, ни разу не напомнил о том, как удивил его умело устроенной западней на холмах, и Джебе понимал, что отныне он в долгу перед ним. Люди будут говорить об этой засаде еще не один месяц.

– Оставляю тебя вместе с твоим Железным Конем, Джучи, – сказал Джебе. – Может быть, когда-нибудь и я тоже придумаю для своего тумена название.

– Я подумаю над этим, – обещал Джучи. На мгновение он вдруг сделался серьезным. – У меня мало друзей, Джебе. Могу ли я называть тебя другом?

Джебе ответил не сразу. Путь старшего ханского сына был тернист и не гладок, и при одной только мысли о том, чтобы оказаться между Чингисом и этим высоким юношей, по коже Джебе пробежал холодок. То ли из чувства долга, то ли потому, что Джучи действительно понравился ему, Джебе согласился. Ведь он всегда действовал импульсивно. Одним быстрым движением Джебе вынул нож, сделал надрез на ладони и протянул ее другу.

Поняв, что происходит, Джучи кивнул, повторил то же самое, и двое молодых людей пожали друг другу руки. Воины, стоявшие вокруг, знали, что это не шутка, и наблюдали за происходящим в молчании.

Ритуал скрепления дружбы был прерван, когда вдаль показались два всадника. Судя по скорости, с которой приближались разведчики, военачальники догадались, что те везут важные новости, и Джебе решил задержаться с отъездом, пока не узнает, в чем дело.

Двое разведчиков были людьми Джучи, поэтому Джебе только стоял рядом и слушал, что они говорят.

– Враг на горизонте, командир. В тридцати милях к югу отсюда. Двигутся в западном направлении.

– Сколько их? – не удержался и спросил Джебе.

Джучи кивнул, и разведчик ответил:

– Людям и лошадям нет числа, командир. Больше, чем все войско хана. Может быть, в два раза больше. С ними громадные звери, каких я раньше не видел, в золоченых доспехах.

– Шах вышел на войну, – сказал довольный Джучи. – Мой Железный Конь поскачет посмотреть на них. Твоя Медвежья Шкура с нами?

– Медвежья Шкура мне совершенно не нравится, – ответил Джебе.

– Отличное название. Обсудим это по дороге, – предложил Джучи и свистом подозвал коня.

Глава 10

Хотя путь через холмы, хорошо знакомые Джучи, давался легко, почти весь день ушел на то, чтобы добраться до места, откуда разведчики видели войско шаха. В горах порой случалось так, что две армии проходили соседними долинами, ничего не ведая друг о друге. Однако, если расчеты разведчика были верны, такое громадное войско не могло исчезнуть бесследно. К вечеру военачальники приблизились на достаточное расстояние, чтобы заметить впереди повисшую в небе у горизонта красноватую дымку. Теперь Джебе и Джучи предстояло обсудить план первой встречи с армией шаха. И можно было ожидать, что решение о том, кто из них двоих возглавит войска, вызовет разногласия между ними. Джучи был сыном хана, но Джебе начал воевать на семь лет раньше и обладал бóльшим опытом. Однако у обоих на руках еще были незажившие раны, а потому никто из молодых людей не придавал этому особого значения. Они скакали на передовой пост, чтобы договориться о дальнейших действиях и вместе понаблюдать за неприятелем.

Впрочем, от веселого настроения Джебе вскоре не осталось и следа. Ханский сын нравился ему, и Джебе во всем соглашался с ним, пока они ехали рядом во главе двадцати тысяч. Но Джебе не знал, какой из него командир, и понемногу начал раздражаться из-за того, что приходится уступить дорогу кому-то еще.

Двигаясь за облаком пыли, монгольские войска миновали высокий перевал. Впереди растянулась освещенная предзакатным солнцем земля, и темники направили лошадей на гребень холма, откуда открывался вид на лежащие внизу равнины. Еще раньше Джучи выставил здесь дозор. Пыль висела подобно далеким грозovým облакам, и Джучи лишь молча сглотнул, представив численность вражеского войска, поднявшего в воздух столько песка.

Наконец полководцы остановились и подняли руки, подавая скачущим следом воинам сигнал прекратить движение. Пыль из-под копыт их собственных лошадей подхватывал теплый ветер и уносил высоко в небо. Враги будут знать, что за ними следят, хотя ясным днем движение такого огромного войска все равно не могло бы остаться незамеченным.

Сидя в седлах, Джучи и Джебе наблюдали в хмуром молчании. Всего в миле от них тянулась на запад армия под знаменами неприятеля. Эта бесчисленная армия из пеших и конных

воинов и должна была сдерживать продвижение монгольских туменов. Плоское дно долины простиралось на несколько миль в ширину, но и оно казалось слишком узким, чтобы вместить такую массу людей. Даже с большого расстояния Джучи разглядел-таки длинные копья, взметнувшиеся вверх, словно сосновый лес. Ряды железных доспехов сверкали в бронзовом блеске заката.

Желая узнать реакцию Джебе, Джучи бросил на него взгляд и заметил, что тот прильнул к шее своего скакуна, зачарованный открывшимся зрелищем.

– Видишь их луки? – спросил Джебе.

Джучи не видел, но кивнул в ответ, сожалея о том, что не может услышать мнение Субудая о силе врага, с которым предстояло столкнуться лицом к лицу.

– С двумя изгибами, как у нас, – продолжил Джебе, как будто он уже докладывал обстановку. – Хорошие щиты, длиннее наших. А верблюдов-то! Никогда не видел столько сразу, да еще на войне. По кочкам будут скакать быстрее наших лошадей. Нельзя допустить, чтобы это преимущество использовали против нас.

В Джебе было нечто такое, что поднимало Джучи настроение.

– Не забудь еще вон тех большущих существ, – добавил Джучи, – не то с рогами, не то с клыками на морде. Наши с ними тоже еще не знакомы.

– Это слоны, – пояснил Джебе. – Желме рассказывал, что видел такого при корейском дворе. Страшные звери.

Разрезав воздух рукой, Джебе показал на черные фланги шахской армии:

– Кавалерия движется по краям, защищая центр. Там их военачальники.

С высокого утеса расположение шахского войска было видно как на ладони. Небольшая группа всадников ровными рядами двигалась в центре, и, разглядывая ее, Джебе задумчиво обсаивал зубы.

– Видишь будки на спинах вон тех слонов, окруженных всадниками? – наконец сказал он. – В тех будках шахские военачальники. – Джебе замолчал и присвистнул. – Отличные наездники. Смотри, как держат строй.

– Страшные, правда? – ответил Джучи, косясь на вражеское войско.

– Не бойся, Джучи. Я же с тобой, – ухмыльнулся Джебе.

Джучи фыркнул в ответ, хотя действительно опасался. Такая силища могла проглотить армию его отца, и Джучи не видел в темных шеренгах уязвимого места.

Оба понимали, что противник заметил их, как только они появились на вершине холма. Всадники мчались вперед и назад вдоль рядов шахского войска, и монголы с интересом наблюдали за происходящим, подмечая все, что могли охватить взглядом. Многие пока оставались неясным. Слышать рассказы о слонах – это одно, но видеть этих грозных исполинских животных воочию – совсем другое дело. Реальность выглядела ужасающе. Огромные головы, казалось, были вооружены и бивнями, и блестящим металлом. Джебе пока не знал, как остановить этих зверей, если они вступят в бой.

Едва он успел повернуться к Джучи, чтобы обратить внимание того на оживление в рядах противника, как множество конников отделились от главной колонны шахского войска и начали построение, подняв в воздух ураган пыли. Горны протрубили сигнал остановки, и шахское войско встало, сохраняя строгую дисциплину. Джебе и Джучи обменялись взглядами: внезапно они поняли, что происходит.

– Они будут атаковать нас! – ответил Джебе за двоих. – Ты должен отвести войско, Джучи, и передать весть своему отцу. Все, что мы тут увидели, пригодится в ближайшее время.

Джучи покачал головой. Отец будет недоволен им, если он просто уйдет. Донесение мог бы доставить один-единственный разведчик, к тому же они пришли в земли шаха не для того, чтобы отступить перед его войсками.

Сожаление о том, что Джебе был рядом, впервые закралось в сердце Джучи. Его друг проделал долгий путь, чтобы стать командиром тумена, и Джучи не хотелось теперь подчиняться старшему товарищу.

– По крайней мере, мы на вершине, – заметил Джучи.

Он помнил атаку русской конницы, штурмовавшей склон холма, и понимал свое преимущество. Вдали конница мусульман начала стремительное наступление, и Джучи внезапно растерялся. Он сознавал, что не может вести тумен в лобовую атаку. Не имело смысла терять впустую людей. Джучи обдумал возможность стремительного удара во фланг, что позволило бы увести мусульман на равнину. Он знал, что монголы в хорошей физической форме и не подведут, но сомневался в том, что воины-китайцы выдержат бешеную гонку, не отстанут и не будут разбиты.

Однако Джебе как будто не замечал смятения Джучи.

– На виду у своего шаха им придется наступать прямо на нас, – сказал он. – Им неизвестно, сколько у нас людей за холмом. Думаю, встреча с нами в такой дали от Отрара и хана для них так же неожиданна, как и для нас. Ты сможешь зайти с фланга?

Прежде чем ответить кивком, Джучи оценил расстояние. Джебе улыбался, словно они обсуждали борцовский поединок или условия пари.

– Тогда план будет таков. Я дождусь, когда они выдохнутся, взбираясь по склону, и тогда обрушусь на них сверху, как скала. А ты зайдешь с фланга и вклинишься в центр. Думаю, тебе пригодятся твои копыта.

Джучи взглянул вниз на крутой откос.

– Жаль, что мы не сможем скатить на них камни, – заметил он.

Джебе удивленно закивал:

– Отличная идея! Я отдал бы вторую жену за горшки с маслом, чтобы скатить и их вместе с камнями, но посмотрю, что можно придумать.

В одно мгновение оба обменялись напряженными взглядами, в которых не было и следа той легкости, с которой произносились слова.

– Их слишком много, и если они окажутся такими же страшными в бою, как их оружие и броня, то нам их не одолеть, – сказал Джучи. – Я ударю с фланга, а потом отступлю и уведу за собой подальше от главных сил.

– Не Субудая ли голос я слышу? – поинтересовался Джебе.

Джучи даже не улыбнулся.

– Ты слышишь мой голос, Джебе. Я измотаю их и уведу подальше, чтобы к ним не подошло подкрепление.

Джебе поклонился ханскому сыну, не упомянув о том, что почти половину тумена Джучи составляли китайцы. Хотя они и скакали на крепких монгольских лошадях, но не обладали выносливостью рожденных в седле степняков.

– Удачи, командир, – пожелал Джебе и развернул лошадь.

Джучи не ответил, а сразу принялся раздавать приказы своим людям. Десять тысяч из тех двадцати, что оставались за гребнем холма, быстро собрались и двинулись на восток в обход крутого откоса. Разворачивать наступление по подвижному сланцу будет непросто, и, по правде говоря, Джебе теперь и сам не знал, кому из двоих выпала более сложная задача.

Калифа аль-Найан беспокоило направлял коня вверх по крутому склону. Слыша под собой тяжелый храп превосходного мерина, он понял, что животное начало выбиваться из сил, задыхаясь от жара и пыли. Мусульманин вырос в этих горах и знал даже тот самый холм, по которому теперь взбирался наверх, атакуя врага. Шах дал приказ, и Калифа послушно, хотя и против собственной воли, собрал всадников и повел их в бой. Заметив неожиданное появление монгольских разведчиков в сотне миль от того места, где, как казалось, им следовало

находиться, шах Мухаммед пришел в ярость, и Калифа знал, что она может бушевать многие дни или даже недели. В таких обстоятельствах предлагать шаху подождать, пока не найдется более подходящего места для битвы, было бы опасно.

Подгоняя коня вперед по ухабистой почве, Калифа смотрел на вершину холма, которая будто парила высоко над головой. Возможно, наверху стоял всего лишь лагерь разведчиков. Вполне вероятно, что они унесут ноги еще до того, как Калифа поднимется на вершину, и тогда шах успокоится. Никто не знал, как удалось этим диким монголам поставить на колени китайского императора, но шах нуждался в быстрых победах, дабы утвердить свою власть.

Выбросив из головы лишние мысли, Калифа снова прищипорил коня. Хотя до настоящего летнего зноя было еще далеко, восхождение все же давалось непросто, и пот уже разъедал глаза. Калифа верил в своих людей, многие из которых происходили из его племени воинов пустыни. Шах не поскупился на их военное снаряжение, и, несмотря на тяжесть новых щитов и доспехов, Калифа не сомневался, что они надежно защитят всадников. Он вел за собой храбрейших воинов, сокрушителей крепостей и армий. Он чувствовал, как бьется о бедро лук, но при восхождении на такой крутой склон никто не смог бы пустить из него стрелу. Калифа еще раз вспомнил о шахе, но снова отбросил ничтожные мысли. Он верил, что победит или падет в бою. Ведь Аллах не видит в этом различий.

У гребня холма Калифа понял, что будет битва. Кони старались изо всех сил, но почва была очень рыхлой, копыта увязали в песке, и животные продвигались мучительно медленно. Чувствуя свою уязвимость, Калифа принес покаяние Всевышнему и обнажил шамшер³, служивший ему верой и правдой многие годы. Держа щит в левой руке, Калифа прикрылся им и теперь правил конем только с помощью ног в стремях. Как и многие его люди, он втайне ненавидел эти железные подставки для ног, которые мешали спешиваться быстрее. Однако на таком склоне, как этот, они оказались полезны, так как обе руки нужны были, чтобы держать оружие. Пошевелив ногой, Калифа удостоверился, что кинжал в кожаных ножнах по-прежнему в сапоге, и пригнулся навстречу теплому ветерку, дувшему из-за холма.

Во времена мира цивилизованное общество не находило места для мясников, подобных Калифе, и все же оно нуждалось и будет нуждаться в них, пока разорение угрожает златоглавым городам и зеленым садам. Сменив имя и поступив на военную службу, ему удалось избежать суда за два убийства. Но это он умел делать лучше всего. Иногда за его злодеяния платили, иногда за них преследовали – все зависело от обстоятельств. Схватка с врагом была ему по душе, а кровь на клинках его головорезов вознаграждалась золотом из шахской казны и рабынями.

– Держать строй, Али, иначе головой ответишь! – проревел Калифа своим.

О том, что враги не ушли, он догадался по облаку пыли, поднимавшемуся из-за холма. Мелкий песок из-под копыт лошадей и пот слепили глаза, но цель у Калифы теперь была только одна, и мерин сохранил еще достаточно сил.

Внезапно на самом гребне холма, словно вырастая из-под земли, показались огромные камни. Осознав, что происходит, Калифа громко предупредил своих людей, но сделать уже ничего не мог. И только в ужасе беспомощно наблюдал, как валуны катятся вниз, взлетают в воздух и падают с душераздирающим грохотом на людей и коней. Один камень просвистел мимо, и Калифа даже невольно вскрикнул, почувствовав дуновение летящей смерти. Ему показалось, что камень был живым существом, кровожадной бестией, сразившей с чудовищным хрустом соседнего всадника. Хотя Калифа насчитал всего шесть камней, но каждый из них прошелся по плотным рядам его войска, унеся множество жизней и оставив за собой расплюснутые доспехи да раздавленные тела. Всадники скакали слишком близко друг к другу, не

³ Шамшер – кривая сабля, основное оружие на Ближнем Востоке в Средневековье.

располагая свободным пространством ни справа, ни слева, а потому избежать столкновения с камнем многие не смогли.

Когда наконец все камни скатились вниз и путь наверх был свободен, раздался ликующий возглас шахских всадников и конница продолжила штурм. Теперь до вершины оставалось не более четырехсот шагов, и Калифа снова прищепил коня, желая поскорее отомстить тем, кто лишил жизни его людей. Увидев на вершине строй темных лучников, он инстинктивно прикрывшись щитом. Калифа был уже довольно близко от них и мог слышать приказы на необычном языке. От злости он стиснул зубы. Шах дал ему сорок тысяч отборного войска, и теперь во всем мире не нашлось бы силы, способной помешать им совершить кровавую расправу над дерзким врагом.

Однако монгольские стрелы, пущенные с вершины холма, летели дальше обычного. Они с глухим звоном бились о щит, и Калифа не смел ни на секунду высунуть голову из укрытия. Сделав это единственный раз, он едва не расстался с жизнью, когда стрела зацепила его тюрбан и размотала его. И чтобы головной убор не мешал, Калифа попросту сбросил его на землю, и тот покатился вниз, подсакивая на кочках холма.

Поначалу щиты защищали от стрел, но, когда до вершины остались последние сто шагов, воздух над всадниками почти почернел от нового залпа и люди гибли десятками. Деревянный щит Калифы, обтянутый кожей гиппопотама, был самым легким и самым лучшим во всем снаряжении шахской армии. И он обеспечивал неплохую защиту от стрел, пока Калифе удавалось держать его, несмотря на сильный ушиб руки. Однако ничто не спасло коня. Внезапно Калифа понял, что животное умирает.

Калифа без труда спрыгнул бы на землю, да только стремяна мешали быстро высвободить ноги, и он едва не поддавался панике, когда почувствовал, что правая нога застряла в железном капкане под брюхом издыхающего скакуна. Но в этот момент на мерина рухнула другая подбитая лошадь, и Калифа сумел выдернуть ногу из стремени. Он был спасен и благодарил Аллаха за избавление. Оказавшись на песчаной почве, Калифа поднялся и сплюнул кровь. Ярость хлопотала в нем как вулкан.

Монгольские лучники положили всю передовую шеренгу Калифы, и образовавшаяся свалка из тел людей и лошадей препятствовала продвижению задних рядов шахской конницы. Те, что остались живы, с жуткими криками выдергивали стрелы из рук и ног, но многие бездыханно распластались на земле, погребенные под трупам животных. Калифа отдал новый приказ, и всадники спешили, чтобы провести лошадей сквозь завал. Расстояние между противниками сокращалось, и Калифа высоко поднял кривую саблю, грозя ею врагу на гребне холма. Еще сотня шагов – и Калифа даст выход своему желанию убивать. Пешком он продвигался как будто быстрее, но каждый шаг по рыхлому грунту по капле высасывал силы. Мусульманин яростно карабкался вверх, держа в руке саблю, готовую нанести первый удар. А сзади за ним наблюдал шах, и Калифа буквально чувствовал взгляд старика у себя на спине.

Высыпав из-за гребня холма, монголы двинулись вниз по склону. Их низкорослые скакуны словно скользили по земле. Упираясь передними ногами, лошади быстро перебирали задними, чтобы удерживать равновесие. Воины пустынь напрягли мышцы, готовясь отразить удар, но, к немалому удивлению Калифы, новая волна стрел сразила их наповал, прежде чем оба войска сошлись. Калифа мог только гадать, каким образом этим монголам удавалось натягивать тетиву, пускать стрелу и при этом управлять лошадью на таком крутом склоне. Но факт оставался фактом, и ряды шахской конницы таяли на глазах. Сотни воинов, тех, что сидели в седлах, и тех, что вели лошадей, погибли. Мало того, на этот раз за градом стрел последовала атака монгольской конницы. Боевой клич монголов слышался все громче, улетал вдаль и, отражаясь от окружающих долину холмов, возвращался многоголосым эхом.

Монголы надвигались, словно разрушительная волна, сметающая все на своем пути. Стоя позади тел двух убитых коней, Калифа лишь изумленно наблюдал за тем, как вокруг разворачивается бой. Выставив вперед копья, монголы острым клином врезались в ряды противника.

Калифа был еще жив, но двигаться дальше не мог. Сотни монгольских всадников заслонили путь. Управляя лошадьми только коленями, они пускали стрелы во все, что подавало признаки жизни. И вот длинное копье уже проткнуло бок самому Калифе, прорвав доспехи, словно бумагу. Бессвязно крича, мусульманин повалился на землю, но в этот самый момент заметил новое войско монголов.

Всадники Джучи атаковали шахскую конницу с фланга ниже по склону. Пробив стрелами брешь в шахских рядах, они ворвались внутрь их войска, кололи копьями и рубили мечами сбивавшихся в кучи людей. Калифа снова поднялся на ноги, чтобы наблюдать за сражением. Страх и горечь сдавили его горло. Стрелы еще свистели над головой, но он больше не уклонялся от них. Оба монгольских войска сошлись в центре, и вся эта объединенная масса погнала шахских воинов к подножию холма. Позади землю усыпали тела мертвых и раненых, потерявшие седоков лошади бешено неслись прочь, в панике выбивая из седел чудом уцелевших всадников.

Оказавшись в тылу монгольской конницы, Калифа заметил лошадь, зацепившуюся поводьями за труп, и побежал к скакуну, невзирая на боль в боку. Калифа вскочил в седло и прикрывая щитом, обрушивая проклятия на летящие стрелы. Вокруг все было наполнено пылью и стонами умирающих братьев, но Калифа снова сидел на коне, по-прежнему держал в руке шамшер и не просил о большем. Быть может, тридцать тысяч воинов пустыни, пытавшихся сдержать натиск удвоенных сил противника у подножия холма, еще были полны энергии и могли выиграть битву. Калифе казалось, что монголы погорячились, введя в бой все войско, и вот он уже мчался стремглав вниз по холму и кричал во все горло, призывая своих. Он считал, что монголов можно остановить и враг еще может быть повержен. И Калифа твердо в это верил.

Присоединившись к своим, он громогласно отдал приказы тем командирам, что оказались ближе. Пара мгновений – и шахские конники, бряцая латами и щитами, уже выстраивались в плотный квадрат. Монголы пытались атаковать его фланги и начали гибнуть от кривых сабель. Для Калифы битва была живым существом, он чувствовал ее пульс и верил, что еще сумеет обратить потери в торжество победы. Его войско организованно отступало на плоскость равнины, увлекая за собой монголов. Калифа увел их со склона, лишив степняков преимущества нападения сверху, и, как только его конь очутился на твердой земле, Калифа перешел в контратаку, приободряя своих воинов словами пророка:

– Пусть лишатся они жизни, пусть будут распяты, пусть им отрубят руки и ноги или же пусть их изгонят с земли! Да будут посрамлены они в этом мире и жестоко наказаны после смерти!

Истые мусульмане, его люди слышали эти слова и распалялись праведным гневом, перейдя в наступление на врага. В то же самое время шах наконец бросил в бой свежую пехоту. Передовые ряды сошлись в яростной схватке, и в небо поднялся ликующий вопль, когда монголы вдруг отступили, опасаясь атаки с тыла. А шахские воины тем временем подходили все ближе.

Оказавшись в меньшинстве, монголы дрогнули, и Калифа направил коня сквозь ряды своих воинов к передовой линии боя. Окрыленный успехом, Калифа по пути даже снес голову молодому монголу, подвернувшемуся под руку. Шахские конники напирали, их клинки багровели от вражеской крови. Дисциплина сплотила мусульманское войско, и Калифа гордился им. Он снова почувствовал неуверенность в рядах противника, и вдруг монголы прекратили атаку и обратились в бегство, оставив позади шахских пехотинцев.

Выдвинув вперед копьеносцев, Калифа ликовал, видя, как они бьют копьями в спины спасавшихся бегством монголов, вышибая всадников из седла.

– Во имя пророка, братья! – неистовствовал он. – Бейте этих собак!

Низко пригнувшись, монголы стремительно мчались через равнину. Калифа взмахнул рукой, и шахские конники, пришпорив своих рысаков, пустились в погоню. Проносясь мимо фланга главного войска шаха, Калифа надеялся, что гневный старик увидит его и щедро вознаградит. Не прекращая погони, Калифа в последний раз бросил взгляд на крутой склон, ведущий к вершине холма. Земля чернела от трупов, и Калифа почувствовал прилив новых сил. Враги осмелились вторгнуться в его страну, но здесь их ждали только жаркий огонь да холодная сталь острых клинков.

Глава 11

После непродолжительной скачки на восток бескрайней долины монголы и их преследователи перешли на медленный галоп, который длился уже многие мили. До захода солнца люди Калифы трижды пытались сократить разрыв, но монгольские всадники, ловко поворачиваясь в седле, пуская стрелы. В отличие от монголов, воины пустыни на полном скаку стреляли неточно. Их кони, превосходные скакуны на короткой дистанции, были вынуждены приноравливаться к долгой погоне. И когда солнце коснулось горизонта на западе, более десяти миль уже отделяло их от главных сил шахской армии. Монголы полностью сконцентрировались на скачке, понимая, что отстать означает погибнуть.

Джучи и Джебе скакали вместе почти в самом центре своего войска. Они не знали, сколько бойцов полегло во время битвы на склоне и у подножия холма. К концу сражения противник имел очевидное преимущество, но оба были довольны достигнутым результатом. Чингису представят подробный доклад о сильных и слабых сторонах неприятеля, и то, что им удалось узнать, очень скоро пригодится их хану. Но вначале надо было выдержать гонку. Они хорошо знали, что преследовать легче, чем убегать. Как у волков и орлов, глаза у человека расположены в передней части головы. Гонка за врагом поддерживала присутствие духа и будоражила кровь, тогда как постоянные крики и голоса врагов за спиной лишь отнимали уверенность у преследуемых. И все же всадники обоих туменов не теряли мужества и прилагали все силы.

– Думаешь, они будут преследовать нас и ночью? – спросил Джучи.

Джебе обернулся на гнавшихся следом за ними всадников. Их было, наверное, тысяч тридцать, но Джебе не знал, надолго ли еще их хватит. Вместе с Джучи они положили на холме столько врагов, что казалось, ярость хорезмийцев заставит их продолжать преследование. Они обратили монголов в беспорядочное бегство и теперь не могли позволить им уйти от погони. Глядя на врагов, Джебе признавал, что те превосходные наездники. Они показали дисциплинированность и храбрость. Два монгольских тумена могли противопоставить им лишь stoическую выносливость, привитую суровыми зимами. И монголы не сдавались. Они были готовы скакать хоть на край света, если бы это потребовалось.

Джебе вновь оглянулся. Солнце уже почти скрылось из виду, расплывшись над горизонтом широкой золотой полосой, и впереди людей и коней стелились по плоской земле косые живые тени. Джебе вспомнил, что оставил вопрос Джучи без ответа.

– Похоже, они настроены решительно и могут развить большую скорость в коротком рывке. На месте их командира я дождался бы, когда совсем стемнеет, и сократил бы расстояние, когда мы не сможем стрелять прицельно.

Джучи скакал осторожно, стараясь беречь силы. Левая рука ныла, ноги онемели, и при каждом движении бедер старые шрамы жалили, точно осы. Невзирая на это, Джучи едва удавалось скрыть чувство гордости за проведенную на склоне холма операцию. Вступление в бой тумена Джучи пошатнуло ряды шахской конницы, но Джебе еще ни разу не упомянул об этом.

– Как только стемнеет, пустим коней во весь опор и оторвемся от них на расстояние, которое им будет трудно преодолеть.

Джебе вздрогнул, подумав, что придется мчаться на полной скорости по неизвестным местам. Полководцы больше всего боялись, что долина вот-вот закончится, быть может даже глухой расщелиной, и хорезмийцы знают об этом. Возможно, монголы скакали навстречу собственной гибели. Джучи напрягал зрение, пытаясь разглядеть, что ждет его впереди, но горы по обе стороны долины, казалось, терялись в бесконечности. Почувствовав, как свело желудок, Джучи вынул из кармана кусок вяленой баранины. В последних лучах догорающего солнца Джучи заметил чернеющий впереди поворот. Не говоря ни слова, он откусил немного баранины, затем протянул мясо Джебе. Тот не возражал и, молча приняв угощение, оторвал пальцами кусок, а остальное вернул. Друзья с утра ничего не ели и оба умирали от голода.

– Когда отец воевал против Си Ся, – сказал Джучи, пережевывая мясо, – правитель тангутов использовал связки железных гвоздей, чтобы остановить наступление конницы.

– Сейчас гвозди не помешали бы, – согласился Джебе. – Если бы у всех наших было хоть по пригоршне, то мы этим воякам выстелили бы дорогу железным ковром.

– В следующий раз, друг, – ответил Джучи. – Если он у нас будет.

Солнце село за горизонт, серые сумерки быстро опускались в долину, переходя во мрак, но до восхода луны еще оставалось немного времени. Джебе и Джучи отдали приказы, которые едва ли прозвучали громче стука копыт, но монголы постепенно прибавили скорость. Их жизнь зависела теперь от выносливости степных скакунов. На этих лошадях разведчики преодолевали по сто миль за день, и полководцы рассчитывали, что кони выдержат гонку. Как и их всадники, малорослые лошади были крепки, словно старая кожа.

Позади слышался ритмичный топот арабских скакунов, перешедший в быстрый галоп, но монголы уже оторвались. Джучи отдал приказ задним рядам, чтобы каждый боец пустил в противника по три стрелы. Решение было вознаграждено грохотом и воплями, разбежавшимися по холмам гулким эхом. И снова преследователи были отброшены назад, и монголы сбавили скорость, готовые в любой момент вновь перейти на галоп. Их лошади за один день проскакали огромное расстояние, да еще побывали в бою. Многие кони устали и мучились жаждой, но остановиться и дать им передохнуть пока было нельзя.

– Видел шахские знамена? – спросил Джучи.

Джебе кивнул, припоминая целый небосвод полумесяцев над шахским войском. Полководцы догадывались, что новая луна значила для их врагов что-то очень важное – может быть, потому, что символизировала начало и окончание священного месяца. И Джебе надеялся, что полумесяц не был предзнаменованием удачи для тех, кто скакал следом.

Серп новой луны заливал все вокруг бледным светом, серебра мчащихся по долине всадников. Некоторые монголы, пользуясь этим, еще стреляли из лука, пока Джучи не отдал приказ беречь стрелы. В полутьме убить человека, прикрывающегося щитом, сложно, а стрелы были наперечет.

Калифа мчался в грозном молчании во главе конницы хорезмийцев. Никогда еще он не переживал ничего подобного, никогда ни за кем не гнался вот так, при свете луны, но никак не мог отделаться от мысли, что оставил шаха без конного войска на полной опасностей территории. Калифа не раз преследовал врага, но прежде погоня не длилась подолгу. В те короткие мгновения, когда армия неприятеля в панике отступала, преследователи яростно и самозабвенно обагрляли клинки вражеской кровью, срубая головы с плеч убежавших людей, или стреляли им в спину до тех пор, пока не опустеет колчан. Со сладостным волнением вспоминал он те минуты после сражений, в которых скакал рядом со смертью.

Теперь же все было иначе, и Калифа никак не мог разгадать замысла монгольских военачальников. Монголы двигались в строгом порядке, и все попытки настигнуть их до заката

не имели успеха. Неужели у них до сих пор не сдали нервы? Монголы не поддавались панике. Напротив, они как будто берегли силы своих лошадей, держась от преследователей лишь на расстоянии, чуть превышавшем полет стрелы, не давая противнику возможности использовать луки.

В боку сильно ныло, и Калифа раздраженно скрипел зубами. Шах вел войска через эту долину, поскольку по ней проходил кратчайший путь к Отрару. Коридор между горами тянулся более чем на двести миль и выходил на просторную равнину возле города, где родился Калифа. Каждая миля все дальше уносила его от главных войск, все настойчивее возбуждала в нем подозрения, что монголы умышленно уводят их за собой. И все-таки он не мог прекратить погоню и дать им уйти. Кровь вскипала в нем, вызывая к отмщению за тех, кто пал от монгольских стрел и мечей.

Поднималась луна, принося облегчение от утомительных вычислений углов между красной планетой, луной и восточной линией горизонта. Калифа не мог решить, предвещает результат вычислений удачу или несчастье, и напряжение ума утомило его. Возможно ли, чтобы монголы устроили засаду в такой дали от места сражения? Нет, конечно, это невозможно. Но чем выше поднималась луна, тем пристальнее вглядывался Калифа в темную даль, пытаясь заметить какой-нибудь знак, который монголы могли бы подать своим воинам, поджидавшим в засаде.

Калифа не видел впереди ничего, кроме спин уносящихся всадников. Они держались спокойно, будто вовсе и не было никакого преследования и никакой армии у них на хвосте, жаждущей только их смерти. И во мраке долины за каждой тенью мог померещиться враг. Холодало, но в гневе Калифа не чувствовал холода. Глотнув воды, он швырнул бурдюк на землю. Тот с самого начала не был полным, и воды все равно осталось совсем чуть-чуть. Калифа ощущал на себе взгляды своих людей, ожидавших приказа, но не находил для них слов. Ему нечего было сказать. Он не мог возвратиться к шаху и сообщить тому, что врагам удалось уйти.

Джебе и Джучи провели добрую часть ночи за разговорами, и взаимное уважение между двумя молодыми людьми крепло с каждым часом, проведенным в седле. Монголы дремали по очереди, всегда отдавая поводья другу на тот случай, если лошадь начнет отклоняться от курса. Никто не упал, несмотря на понурые головы. Почти все погонщики табунов умели спать в седле, да и лошади обычно в таких случаях шли тихим шагом. Когда луна начала убывать, монголы сбавили темп, и преследователи немедленно улучили момент и погнали коней быстрее, снова сократив расстояние между собой и беглецами. Монголам еще неоднократно приходилось то ускорять, то замедлять бег, и к наступлению рассвета лошади обеих армий перешли на рысь, тяжело дышали и исходили пеной.

Завидев первые проблески зари, Джучи протянул руку и легонько толкнул Джебе. Луна догорала тонкой лучиной над холмами, занимался рассвет. Новая битва казалась вполне вероятной, и монголы протирали глаза от остатков сна и усталости. Ночь, тянувшаяся как будто целую вечность, внезапно рассеялась в один миг. Несмотря на то что враги мчались по следу, она прошла на удивление мирно, и друзья вместе доели остаток вяленого мяса и допили теплую, затхлую воду.

У Джебе пересохло во рту и болело все тело, суставы ныли, словно туда попали пыль и песок. Поясницу ломило, и Джебе лишь дивился настойчивости и упорству врагов, ни на секунду не прекращавших преследования. Когда стало светлее, Джебе заметил, что арабские скакуны устали, гонка измотала их. Седоки тоже поникли, но не сдавались, не позволяя монголам оторваться от них слишком далеко.

Джучи гордился всадниками-китайцами, скакавшими наравне с людьми его племени. Но китайцы страдали сильнее других, и многие тащились в хвосте монгольского войска. И все же

не отставали. Менее полумили разделяло две армии, и такое положение оставалось неизменным с наступления ночи.

Когда взошло солнце, Калифа отдал приказ своим командирам наращивать темп. Всю ночь он страдал от холода и усталости. Когда же забрезжил рассвет и впереди показалась широкая равнина, Калифа понял, что проскакал более сотни миль без остановки и отдыха. В молодости такое расстояние его попросту рассмешило бы, но в сорок лет, когда колени и лодыжки начинали болеть при каждом прыжке его скакуна, было уже не до смеха. Люди Калифы тоже выбились из сил, несмотря на природную выносливость народа пустыни. Но, услышав приказ, всадники вскинули головы и прибавили скорость. Это был их последний шанс принудить монголов к битве. Калифа не сомневался, что не упустит его.

Чтобы не привлечь внимания врагов раньше времени, не следовало пытаться догнать их одним резким рывком. Напротив, Калифа подгонял запыхавшегося скакуна постепенно, пока расстояние между ним и монголами не сократилось до четырехсот шагов. Только тогда Калифа высоко поднял руку и объявил во все горло начало атаки.

Хорезмийцы ударили пятками, и измученные лошади, отвечая командам своих седоков, понеслись неуклюжим галопом. Послышалось громкое ржание, и первая лошадь рухнула на землю, выбросив всадника из седла. Но Калифа не понял, что произошло у него за спиной, а потому даже не обернулся. От монголов его отделяло всего каких-то двести шагов, и он быстро вынул из колчана длинную черную стрелу.

Заметив угрозу сзади, монголы помчались быстрее, пуская стрелы в преследователей. Даже на полном скаку монголы стреляли поразительно точно, и Калифа снова увидел, как со всех сторон всадники и кони падали под копыта тех, кто скакал следом. Разочарованно огрызаясь, Калифа натянул тетиву, и перья стрелы пощекотали его щеку. Конь несся на последнем дыхании и вряд ли мог продержаться долго. Монголы вновь ускользали, увеличивая разрыв. Калифа пустил стрелу им вслед и громко возликовал, когда она ударила в спину врага, сбив того наземь. Еще несколько десятков стрел попали в цель, хотя и не все смогли пробить доспехи монголов. Те же, кого подстрелили, летели под копыта вражеских лошадей и вскоре превращались в месиво дробленых костей и раздавленной плоти.

Охрипшим голосом Калифа снова и снова подгонял своих людей, но все было тщетно. Они совершенно выбились из сил, множество лошадей получили увечья и охромели. Кони становились на дыбы и отказывались продолжать бег, и воины без толку лупили их плетью и ножами.

Калифа подумал было прекратить погоню, да усилий было положено слишком много. Ему все время казалось, что он может протянуть еще чуть-чуть; казалось, что монголы вот-вот загонят до смерти своих лошадей и тогда будут сами истреблены. Воспаленными и покрасневшими от песка глазами Калифа смотрел вслед врагу, которому вновь удалось оторваться от преследователей больше чем на полмили. Разрыв не сократился и не увеличился и тогда, когда солнце поднялось выше. Убрав лук обратно в чехол у правой ноги, Калифа погладил коня по шее.

– Еще немного, могучее сердце, – тихо пробурчал он скакуну.

Калифа знал, что лошади будут загнаны до полусмерти. Эта гонка была выше их сил, и многие погибнут. Сзади снова раздался глухой шум и крик, еще одна лошадь споткнулась и полетела на землю. За ней упадут другие, Калифа понимал это, но арьергард монгольской конницы по-прежнему манил его за собой, и Калифа продолжал преследование, шуря глаза от пыли.

Вырвавшись из тенистого дола на равнину, монголы воспрянули духом. Вдали показался утренний дымок селений, и конница двинулась на восток в сторону проторенной дороги. Но

где-то впереди лежали города шаха, в которых преследователи могли найти подкрепление. Ни Джебе, ни Джучи не имели ни малейшего представления о численности шахских войск. Возможно, шах вывел всех мужчин на войну либо, напротив, оставил их защищать города от набегов врагов.

Дорога была широкой, вероятно, оттого, что всего пару дней назад по ней прошла огромная армия шаха. Покинув горы, точно песчаная буря, монголы растянулись узкой колонной по пятьдесят всадников в каждом ряду, чтобы уместиться на твердом грунте дорожного полотна. Когда солнце вошло в зенит, душливая жара валила с ног лошадей со всех сторон, и люди снова гибли под ударами копыт. Монголы обливались потом, но не было ни воды, ни соли, чтобы подкрепить силы. Джебе и Джучи все чаще оборачивались и в отчаянии смотрели назад.

Арабские скакуны были лучше других лошадей, которых они видели до сих пор на войне, – во всяком случае, те намного превосходили русских и китайских коней. Но зной выкачивал силы даже из них, люди Калифы начали отставать, и, лишь удалившись от преследователей на достаточное расстояние, Джебе скомандовал перейти на медленный бег. Он не хотел потерять их из виду или позволить им передышку и перегруппировку. Джебе рассчитывал, что, возможно, уведет шахских всадников миль за сто пятьдесят или больше, приближаясь к рекордам даже самых закаленных монгольских разведчиков. Низкорослые скакуны исходили пеной, шкура потемнела от пота и свежих ран, натертых седлом поверх старых мозолей.

Далеко за полдень монголы миновали придорожное укрепление, со стен которого удивленные стражники выкрикивали им вслед ругательства. Монголы не отвечали. Каждый из них был погружен в собственный мир и сопротивлялся слабостям плоти.

Джучи болезненно переносил часы зноя. Кожа на бедре истерлась до мяса. Боль успокоилась, лишь когда вновь наступил вечер, принесся благословенное облегчение. Шрамы больше не ныли, но левая рука ослабела, ее точно пронзало каленым железом, как только Джучи тянул за поводья. В рядах монголов давно уже никто ни о чем не говорил. Все держали рот на замке, как их учили, чтобы не терять влагу, когда находишься на пределе своих сил. Время от времени Джучи поглядывал на Джебе, дожидаясь, когда тот решит, что пора остановиться. Но Джебе упрямо скакал вперед, почти не отрывая глаз от линии горизонта. В эти мгновения Джучи казалось, что молодой полководец готов скакать на край света.

– Пора, Джебе, – наконец не выдержал Джучи.

Медленно очнувшись, тот промямлил что-то бессвязное. Ему едва достало сил на то, чтобы сплюнуть слюну, да и та повисла у него на груди.

– Мои китайцы еле плетутся в хвосте, – продолжил Джучи. – Мы можем потерять их. Конница шаха сильно отстала от нас.

Джебе обернулся, с трудом щуря застывшие веки. Монголы оторвались почти на целую милю. Передовые лошади хорезмийцев хромали и спотыкались, и Джебе оживился и кивнул, скривив лицо в усталой улыбке.

– Они пройдут милю не раньше чем через четыреста ударов сердца, – ответил он.

Джучи кивнул. Все утро они занимались расчетом скорости противника. Используя особенности местности в качестве ориентиров, полководцы затем следили за прохождением передовыми шахскими конниками отмеченных точек. Для Джебе и Джучи вычисления не составляли труда, и молодые люди развлекались, высчитывая скорость и время, которые требовались их преследователям, чтобы пройти данное расстояние.

– Тогда скачем быстрее, – предложил Джучи.

Он подхлестнул скакуна и вырвался вперед, уводя за собой оба тумена. Враги сильно отстали, и, когда первые хорезмийцы достигли розоватого камня у дороги после того, как его прошел последний монгольский всадник, полководцы насчитали шестьсот ударов. Молодые люди переглянулись и молча кивнули друг другу. Они проскакали больше любого разведчика. Воины устали и ослабли, но время пришло. Джучи и Джебе передали приказ по рядам, чтобы

все были готовы. Люди находились на пределе своих возможностей, но, несмотря ни на что, Джучи и Джебе видели в их воспаленных глазах нечто такое, чем можно было гордиться.

Джучи передал приказы китайскому мингану, один из командиров китайских тысяч, замыкавших ряды монгольских туменов, вырвался вперед, чтобы поговорить с Джучи.

Пыль покрывала китайца таким толстым слоем, что в уголках глаз и на губах она напоминала потрескавшуюся штукатурку. И все же Джучи заметил, что он рассержен.

– Командир, наверно, я неправильно понял твой приказ, – начал он сиплым голосом. – Если мы развернемся лицом к врагу, мои люди окажутся в первых рядах. Ты же не хочешь, чтобы мы отошли назад?

Джучи взглянул на Джебе, но тот повернулся к горизонту и не сводил с него глаз.

– Твои люди устали, Сен Ту, – ответил Джучи.

Китаец не мог этого отрицать, но все-таки покачал головой:

– Мы продержались до сих пор. Моим людям будет обидно, если их переведут с передовой линии в тыл.

Командир-китаец пылал от гордости за своих, и Джучи решил, что будет лучше отменить данный приказ. Многие китайцы погибли в этом сражении, но ведь и они были его воинами, и Джучи понял, что его попытки уберечь их лишены смысла.

– Хорошо. Встанете во фронт, как только я дам команду остановиться. Я пришлю вам копьеносцев. Докажите, что вы достойны оказанного доверия.

Китаец поклонился в седле и поскакал назад. Джучи больше не взглянул на Джебе, хотя тот одобрительно кивал.

Наконец настало время довести приказ до всех монголов. Усталые, они воспрянул духом, точно получили по глотку арака, и, собравшись с последними силами, приготовили луки, копья и мечи к бою. Прежде чем войско остановилось, Джучи отправил копьеносцев укрепить арьергард и дождался, пока те не заняли позицию.

– Мы проделали долгий путь, Джучи, – произнес Джебе.

Ханский сын кивнул. После ночной гонки ему казалось, что он знаком с Джебе всю свою жизнь.

– Ты готов, старик? – спросил Джучи и попытался изобразить улыбку, несмотря на усталость.

– Я сейчас и впрямь как дряхлый старик, но я готов, – ответил Джебе.

Оба подняли левые руки и сжали их в кулаки. Монгольские тумены тяжело встали, и запыхавшиеся кони развернулись мордой к двигавшемуся прямо на них врагу.

Джебе обнажил клинок и нацелил его на приближающихся в клубах пыли всадников.

– У этих людей больше не осталось сил! – проревел он. – Покажите им, что вы сильнее.

Его конь захрапел, будто тоже чувствовал гнев, и словно на крыльях бросился на врага.

Калифа скакал в полудреме, точно плыл по течению, позабыв об опасностях. Временами он мысленно переносился в маленький виноградник близ Бухары, где впервые увидел свою будущую жену, которая следила за поспевающим урожаем. И сейчас он, несомненно, снова был там, а вся эта погоня – только мучительный ночной кошмар.

Лишь хриплые крики его людей вывели Калифу из дремы, и только тогда он нехотя поднял голову и, щуря глаза, посмотрел вперед. Теперь он видел, что монголы остановились, и на мгновение его иссушенный зноем дух восторжествовал. Калифа заметил ряды поднятых копий, и внезапно разделявшее его с монголами расстояние начало стремительно сокращаться. Он едва не лишился способности говорить, пытался кричать, но из горла вырывался лишь слабый хрип. И когда только вода успела закончиться? Калифа уже не помнил. Он видел приближающихся всадников, и вот уже китайские лица скалили ему зубы. Даже теперь Калифа едва поднял щит.

Краем глаза он все же заметил, что копьеносцы держат левой рукой небольшие щиты. Лучники пользуются двумя руками, когда натягивают луки. Калифа мотал на ус, полагая, что эти сведения будут очень полезны для шаха.

Оба войска сошлись с оглушительным грохотом. Тяжелые деревянные копья ломали щиты и пробивали людей насквозь. На узкой дороге монгольская конница вклинилась в ряды противника и, продвигаясь все глубже и глубже, разрезала его войско надвое.

Стрелы свистели возле ушей, и Калифа почувствовал, как что-то прожгло его живот. Опустив глаза, он увидел стрелу и схватился за древко. Конь захрапел и остановился. Издыхая от разрыва сердца, мерин упал на колени, а затем повалился на землю. Калифа рухнул вместе с ним, правая нога застряла в проклятых стремянах, и во время падения тело мусульманина скрючилось, коленные связки порвались. Стрела вошла глубже, и он уже едва дышал. А над его головой монголы пролетали как привидения.

Калифа ничего не слышал, и только ветер гудел в его ушах. Монголы обессилили его войско погоней, и Калифа испугался за судьбу всей шахской армии. Шаха надо предупредить, Калифа должен сообщить ему обо всем, но в этот момент жизнь его оборвалась.

– Не щадить никого! – надрывался Джучи, перекрикивая топот копыт и вопли людей.

Хорезмийцы пытались организовать сопротивление, но обессилевшие руки едва могли поднять меч во второй раз, и монголы косили врагов, как колосья пшеницы. Джебе и Джучи во главе колонны своих всадников прорубались сквозь ряды неприятеля и, казалось, черпали свежие силы из каждого убитого ими человека.

Сражение длилось долго, и несколько часов спустя пыльная дорога покраснела от крови. Оно продолжалось и в сумерках, а завершилось лишь тогда, когда никого из врагов не осталось в живых. Тех, кто пытался бежать, догоняла стрела, или их отлавливали и резали ножом, как заплутавшего козленка. Джебе отправил разведчиков на поиски воды, и в конце концов монголы разбили лагерь на берегу маленького озерца в трех милях пути по дороге. И тогда воинам пришлось не сводить глаз с лошадей, чтобы те не лопнули. Их то и дело больно лупили по носу и гнали от озера, не давая пить слишком много. И, только напоив лошадей, люди сами бросились в озеро, жадно глотали воду, изрыгали ее обратно вместе с пылью и грязью, пока темные воды озера не покраснели от смывтой крови. Монголы пили и чествовали своих полководцев, приведших их к такой славной победе. Джучи нашел время, чтобы отметить отвагу Сен Ту и его воинов-китайцев. Они громили врагов с бесподобным бесстрашием и теперь сидели у костров вместе со степняками обоих туменов, гордые за свою часть работы.

Джучи и Джебе послали добровольцев назад к месту битвы, чтобы разделать туши погибших лошадей и принести мясо в лагерь. Мясо требовалось воинам так же, как и вода, чтобы отправиться в обратный путь в ставку Чингиса. Оба понимали, что совершили нечто героическое, но, едва обменявшись ликующим взглядом, погрузились в рутину лагерной жизни. Они уничтожили конницу шаха и дали Чингису шанс на победу.

Глава 12

Жители Отрара укрылись от неприятеля за высокими стенами и крепкими воротами. Сидя в седле, Чингис задумчиво наблюдал с вершины холма за городом, окутанным серым дымом погорелых предместий. Три дня хан исследовал городскую округу, но даже бывалые воины, бравшие многие цзиньские крепости и города, и те не нашли уязвимых мест в укреплениях Отрара. Его высокие стены из светло-серого известняка стояли на мощном фундаменте, сложенном из многотонных гранитных глыб. От железных ворот внутренних городских стен разбегался лабиринт опустевших улиц и рыночных площадей. Как непривычно было ездить по этим глиняным коридорам под высокими стенами и слышать эхо копыт. Правитель города знал, что монголы приходят на долгие месяцы, поэтому жители забрали с собой все ценные

вещи, оставив снаружи лишь битые горшки да бездомных собак. Разведчики Чингиса обнаружили немало ловушек, приготовленных горожанами для захватчиков. Один юнец тринадцати лет, открыв ногой дверь, упал замертво, пронзенный стрелой прямо в грудь. После двух других случаев Чингис велел Тэмуге поджечь внешний город, и Отрар до сих пор задыхался от дыма. Посреди развалин и пепелища Волчата Субудая пытались сделать подкоп, чтобы обрушить стену и открыть для хана проход во внутренний город.

Недостатка в нужных сведениях не было. В обмен на золото местные купцы даже выдали расположение колодцев внутри каменных стен. Чингис со своими советниками несколько раз объехал вокруг города, но лишь воочию убедился в надежности каменной кладки.

Уязвимым город казался лишь с северной стороны, где перед ним высился холм. Разведчики нашли там заброшенные сады с пышными цветниками, искусственным водоемом и деревянной беседкой. Два дня назад Чингис отправил людей расчистить вершину холма, велел сохранить древние сосны на склонах. Он решил поставить стенобитные машины на месте деревянной беседки. Высоты холма как раз хватило бы, чтобы забивать камни в глотку наместника.

Взирая на Отрар с высоты, хан не сомневался в том, что тот скоро окажется в его руках. Поставив себя на место правителя города, Чингис подумал, что скорее сровнял бы этот холм с землей, нежели дал бы врагам благоприятный шанс. И все же Чингис не был полностью удовлетворен положением дел. Оставленный на попечение Хасара лагерь в тридцати милях к востоку от города защищали всего два тумена. Почти вся монгольская орда отправилась на завоевание Отрара. До возвращения разведчиков Чингис был уверен, что стены можно разрушить.

В то утро они сообщили, что с юга движется огромная армия, превосходящая восьмидесятитысячное войско хана не менее чем вдвое. Шах приближался, и Чингис понимал, что нельзя допустить, чтобы его зажали между Отраром и шахской армией. На вершине холма двенадцать человек чертили карты и делали на них пометки. Под руководством китайского каменщика Ляна рабочие собирали катапульты и складывали глиняные горшки с зажигательной смесью. До известия о приближении армии шаха мастер Лян тоже не сомневался, что город будет взят. Теперь же все зависело от военных успехов, и каменщик лишь разводил руками, если кто-то из его рабочих спрашивал о том, что готовит им будущее.

– По мне, так этот наместник пусть хоть сгниет в своем городе. Мне было бы все равно, если бы там не стояло двадцать тысяч солдат. Они же ударят нам в спину, как только мы отвернемся, – говорил Чингис.

Его брат Хачиун многозначительно кивал, подводя коня ближе.

– Мы не можем запереть ворота снаружи, брат, – ответил Хачиун. – Они спустят людей на веревках и снимут запоры. Я могу остаться тут, а ты поведешь войско навстречу врагам. Если понадобится подкрепление, пришлешь гонца, и я приду.

Чингис скривился. Тумены Джебе и Джучи ушли за холмы и без вести пропали где-то в долинах. Он не мог оставить лагерь с женщинами и детьми без защиты, как не мог снять осаду с Отрара, где стоял большой гарнизон. Если разведчики не напутали, шести туменам хана противостояло шестидесятитысячное войско. Никто другой не верил в способности монгольского воинства так сильно, как верил Чингис, но его шпионы и осведомители доносили, что это лишь одна из армий шаха. Чингис должен был не только разгромить ее, но и понести минимальные потери, иначе столкновение с новой армией стало бы для него последним. Впервые с тех пор, как он отправился на запад, Чингис задумался, не совершил ли ошибки. Неудивительно, что правитель Отрара, имея за спиной такую могучую силу, повел себя настолько высокомерно.

– Ты послал людей на поиски Джучи и Джебе? – неожиданно спросил хан.

Хачиун ответил кивком, хотя Чингис в то утро уже дважды задавал этот вопрос.

– Пока никаких вестей. Я разослал разведчиков на сто миль вокруг. Кто-нибудь приведет их.

– Я знал, что Джучи не будет рядом, когда он понадобится, но Джебе! – крикнул Чингис. – Ветераны Арслана сейчас нужны мне как никогда! Выступить против такого войска – все равно что швырять гальку в реку. Да еще слоны! Кто знает, как остановить этих зверей?

– Забери тумены из лагеря, – предложил Хачиун.

Чингис выпучил на брата глаза, но тот только пожал плечами:

– Если проиграем битву, два тумена не защитят лагерь. Шах обрушит на него все свои силы. Ставки слишком высоки. На кону наша жизнь.

Чингис не ответил, наблюдая за тем, как рабочие поднимают плечи катапульты. Имей он в распоряжении один месяц, самое большее два, то проложил бы дорогу в город, но шах не собирался давать отсрочки. Взвешивая шансы, Чингис рассуждал. Вправе ли хан ставить на кон жизнь собственного народа? Риск быть раздавленным между молотом и наковальней был слишком велик.

Чингис молча покачал головой. Хан имел право поступать как вздумается с жизнью тех, кто пошел за ним. Если он проиграет, то лучше погибнуть, чем ходить за стадами овец на родных просторах. Он все еще помнил, каково это – жить в страхе перед каждой тенью на горизонте.

– Когда мы стояли у стен Яныцзина, брат, я послал тебя обескровливать войско цзиньцев. Нам известно, куда направляется шах, и я не собираюсь сидеть сложа руки и дожидаться, пока он нанесет удар первым. Я хочу, чтобы его армию били вплоть до самого Отрара.

Хачиун поднял голову, заметив, что в глазах брата снова заблестел огонек. Взяв из рук слуги карту, Хачиун развернул ее уже на земле. А в следующий миг и Чингис вместе с братом склонился над картой в поисках подходящего места для битвы.

– При таком количестве людей и животных шаху придется разделить свое войско здесь и здесь или вести его через этот широкий перевал одной колонной, – сказал Хачиун.

Местность вокруг Отрара представляла собой всхолмленную равнину, занятую полями крестьян, но чтобы добраться до нее, шах должен был перейти горы, в которых его армия растянулась бы в длинную колонну.

– Когда они доберутся до перевалов? – спросил Чингис.

– Через два дня, не раньше, если будут двигаться медленно, – ответил Хачиун. – Потом они выйдут на равнину, и тогда уже ничто их не остановит.

– Ты не сможешь контролировать сразу три перевала. Кто пойдет с тобой?

– Субудай и Джелме, – без колебаний ответил Хачиун.

Хан взглянул на младшего брата и понял, что в нем разгорается пламя надежды.

– Приказываю тебе, Хачиун, понемногу обескровливать их, но не биться насмерть. Ударить и отступить, потом снова ударить, только не позволяй им заманить себя в ловушку.

Хачиун кивнул, не отрываясь от карты, но Чингис похлопал его по плечу.

– Повтори-ка приказ, братец, – кротко сказал он.

Хачиун ухмыльнулся, но сделал то, что велел Чингис.

– Боишься, что тебе не достанется? – спросил Хачиун.

Чингис не ответил, и Хачиун отвел взгляд и покраснел. Хан встал с земли, следом за ним поднялся и Хачиун. По инерции он низко склонил голову, и Чингис ответил ему кивком. С годами он уяснил, что почитание обходится ценой теплых человеческих отношений, даже с родными братьями. Они смотрели на него в ожидании решения всех военных задач, и хотя это превращало его в недостижимую величину, с годами его величие перестало быть маской, став неотъемлемой частью его личности.

– Пошли за Субудаем и Джелме, – велел Чингис. – Если удержишь шаха достаточно долго, Джучи и Джебе помогут тебе. Отдаю их в твое распоряжение. С тобой половина моего войска, брат. Буду ждать тебя здесь.

Чингис подумал, что они с Хачиуном давно выросли из юных налетчиков. Десять полководцев будут воевать с шахской армией, и он не знал, все ли вернутся живыми с этой войны.

Чахэ покинула юрту, чтобы выяснить, почему снаружи внезапно поднялся шум. Солнце палило нещадно, и слуги-китайцы заслоняли принцессу от прямых лучей. Прикусив губу, она огляделась по сторонам: повсюду воины в полном боевом снаряжении и с запасом провизии покидали свои жилища.

Чахэ достаточно прожила среди монголов, чтобы понять, что они собираются не в простой разведывательный рейд по окрестным местам. Все мужчины, кроме воинов Хасара и его помощника Самуки, стояли у стен Отрара, и принцесса с досады кусала губы. Хо Са, разумеется, был возле своего командира, но Яо Шу тоже должен был знать, что происходит. Кратким и резким распоряжением она привела в движение слуг, отправившись на поиски буддистского монаха. Охваченный суетой лагерь гудел громче с каждой минутой, отовсюду слышались надрывные женские крики и плач. Процессия проследовала мимо женщины, рыдавшей на плече своего молодого мужа. Взглянув на нее, Чахэ нахмурила брови, ее подозрения усилились.

Принцесса заметила монаха, лишь проходя возле юрты Бортэ и Оэлун. Чахэ ненадолго застыла в растерянности, но ситуация разрешилась сама собой, когда из юрты вышла Бортэ, покрасневшая и сердитая. Ханские жены заметили друг друга сразу и, обменявшись смущенными взглядами, остановились. Обе едва ли были способны скрыть раздражение.

– У вас есть новости? – спросила Чахэ первой, отдавая дань уважения старшей женщине.

Пустячный жест вежливости немного разрядил обстановку, напряженные плечи Бортэ чуть расслабились, и она ответила легким поклоном. Когда Бортэ заговорила, Чахэ поняла, что та очень устала.

– Чингис забирает тумены, – ответила Бортэ. – Хасар и Самука получили приказ выдвигаться в полдень.

Одна из служанок Чахэ вскрикнула от ужаса, но принцесса тут же влепила ей пощечину. Чахэ снова повернулась к Бортэ, но та уже обратила взор к войску, что собиралось на противоположной стороне лагеря.

– А если на нас нападут? – спросила Чахэ.

Бортэ закрыла глаза и покачала головой.

– Сколько раз мне уже задавали этот вопрос с тех пор, как пришел приказ, – ответила она.

Заметив в глазах тангутки неподдельный страх, Бортэ смягчила тон. Чингис получил принцессу в дар от ее побежденного отца. Молоденькой девушкой она видела хаос военных сборов и на своем опыте познала тяготы и лишения, наступавшие вместе с ним.

– Ты боишься остаться без защиты, сестра? – спросила Бортэ.

Чахэ тоже смотрела вдаль, но теплое обращение заставило ее повернуться.

– Разве нам ничто не угрожает? – задала она встречный вопрос. – Что могут сделать женщины и дети против солдат, если те придут?

– Видно, что ты выросла не в степи, Чахэ, – вздохнула Бортэ. – Если на нас нападают, женщины берут ножи и сражаются за свою жизнь. Калеки садятся в седло, если могут, и воюют. Мальчики стреляют из лука. У нас достаточно коней и оружия, чтобы отразить нападение любого врага.

Слушая биение своего сердца, Чахэ молча смотрела прямо перед собой. И как только муж мог оставить ее без защиты? Принцесса знала, почему Бортэ так говорит. Паника могла разорить этот лагерь раньше, чем на горизонте появится враг. Семьи будут разрываться между надеждой на совместную защиту и страхом перед опасностью, которую навлекает на них лагерь. Оставшись с детьми на руках, многие жены и матери предпочтут бежать ночью в горы и там искать себе убежище. Чахэ и сама имела малолетних детей, так что мысль о побеге соблазняла ее, но она не поддавалась. Как и Бортэ, Чахэ была женой хана. И теперь им предстояло взять

руководство лагерем в свои руки. Из всех женщин ханские жены были единственными, кто не имел права покидать лагерь.

Бортэ как будто ждала от нее ответа, и Чахэ глубоко задумалась, не зная, что сказать. Дети испугаются, когда увидят, как уходят последние воины. Малышам придется показать, что они в безопасности, хотя все это будет только притворством.

– Мне не слишком поздно братья за лук, сестра? – поинтересовалась Чахэ.

– С такими-то худыми, узкими плечами? Пожалуй, поздновато. Но ты можешь подыскать себе хороший нож, – улыбнулась Бортэ.

Чахэ кивнула, хотя чувство неуверенности все-таки шевельнулось внутри.

– Бортэ, я в жизни не убила ни одного человека.

– Возможно, тебе даже не представится случай. Нож понадобится, чтобы резать солому и вязать соломенные чучела воинов, которых мы посадим на запасных лошадей. При плохом освещении враги не поймут, что наши мужчины ушли.

Бортэ с облегчением подняла глаза, и обе женщины, обменявшись взглядами, разошлись, довольные собой. Между ними не было подлинной дружбы, но обе поняли, что могут рассчитывать друг на друга, и утешились этим.

Когда солнце достигло зенита, Хасар в последний раз обернулся на лагерь. С детьми и женщинами, сновавшими между юртами, он напоминал живой муравейник. Даже лишившись своих защитников, лагерь по-прежнему оставался многолюдным: более ста тысяч человек населяли обширное скопление юрт на берегу реки, вокруг паслись многочисленные стада. Все, что монголы награбили в Китае – от нефрита и золота до шелка и старинного оружия, – все хранилось здесь. Даже собрания книг и манускриптов, которыми так дорожили Тэмуге и Кокэчу, тоже оставались в лагере. Досадуя, что все это добро, брошенное на произвол судьбы, может стать легкой добычей шахских воинов, Хасар прикусил губу. Может быть, в лагере и наберется с тысячу калек да стариков, но он сильно сомневался, что безрукие и безногие дадут достойный отпор решительно настроенному врагу. Если тот нападет, лагерь будет сожжен. Хасар горько вздохнул, но его позвал брат, и послушаться он не мог. Три жены и одиннадцать ребятишек Хасара остались где-то там, в гуще юрт, и теперь он сожалел, что не простился с семьей.

Ничего не поделаешь. Солнце было уже высоко, и Хасар должен был исполнить приказ. Полководец оглянулся на своего помощника. Самука, конечно, гордился своим повышением до командира тумена, но вместе с тем сожалел о том, что приходилось покидать лагерь. Прищелкнув языком, чтобы привлечь внимание Самуки, Хасар поднял и резко опустил руку. Его воины ударили пятками лошадей и двинулись в путь, оставляя позади все, чем так дорожили.

Джучи пребывал в приподнятом настроении. Вместе с Джебе они снова двигались через долины на запад, ведя за собой два тумена. Джучи потерял почти тысячу человек. Кого-то сразили в битве у холма, но большинство погибло от вражеских стрел либо от полного изнеможения во время незабываемой гонки. Погибшими в основном были китайцы, но те, кто выжил, ехали с высоко поднятой головой, зная, что заслужили право следовать за своим командиром. Джебе потерял не меньше, но тех, кто лишился жизни, он знал еще со времен службы под началом Арслана. Они погибли достойной смертью, однако, невзирая на это, ни один из них не будет удостоен похорон в поднебесье, никто не вознесет их тела на высочайшие пики, чтобы скормить орлам и священным птицам. У живых не было времени воздать почести мертвым. Среди убитых оказался и шурин Чингиса Палчук. Острый клинок хорезмийца раскроил ему лицо. Джебе не знал, как хан воспримет печальную весть, и оба дня, проведенных на отдыхе возле озера, оставался в молчаливой задумчивости.

Джучи и Джебе вполне отдавали себе отчет в том, что хану грозит опасность, но кони были едва живы. Полководцам пришлось ждать, пока лошади восстановят силы, прежде чем

двинуться в обратный путь. И даже двух дней не хватило. Многие лошади еще не оправились до конца после утомительной скачки и прихрамывали. Военачальникам стоило большого труда отдать приказ убить раненых коней и разделить мясо между людьми. Десятки воинов везли с собой ребра или окорока, другие сами скакали на уцелевших конях хорезмийцев. Для людей, видящих в лошадях единственно ценный военный трофей, битва в долине стала подлинным триумфом, достойным войти в легенды. Каждый всадник вел на привязи еще двух-трех арабских скакунов. Многие из них хропали и страдали одышкой, но и они могли еще сослужить хорошую службу, а потому монголы не бросили их в степи.

Ведя за собой восемнадцать тысяч всадников, Джучи и Джебе оставили большую долину и решили идти дальше кружным путем. Хотя возвращаться по своим следам было удобно, они выбрали новый маршрут, боясь, что в долине шах мог устроить засаду. Людям требовалась передышка перед новой схваткой с врагом.

По крайней мере, все напились вдоволь. Уходя от погони, монголы опорожняли мочевые пузыри, сидя в седле. По мере надобности струя теплой влаги стекала прямо по запыленной шкуре коней. На обратном пути кишечники были полны, и продвижение войска замедлялось потребностью испражняться. Во время остановок десять-двенадцать человек за один раз быстро спускались на землю, присаживались на корточки, подтирались тряпьем и возвращались в седло, стараясь не задерживать движение. Люди дурно пахли, были грязны и худы, но земля, по которой они так долго странствовали, закалила их тела и души.

Возвращавшихся из-за дальней гряды разведчиков первым заметил Джучи. Так же как и Субудай, Джебе хорошо понимал необходимость знания местности, поэтому полководцы всегда высылали разведчиков на многие мили вокруг. Желая привлечь внимание Джебе, Джучи присвистнул, но тот уже увидел воинов и только недоуменно приподнял брови.

– Кажется, я посылал в том направлении двоих, – заметил Джучи.

Однако теперь их было трое, и даже издалека оба ясно видели, что третий всадник ничем не отличается от остальных. Он скакал налегке, без доспехов, и не имел при себе никакого оружия, кроме меча, и ничего такого, что могло бы замедлить движение. Некоторые разведчики не брали даже мечи, целиком полагаясь на скорость.

Внезапно молодые военачальники ударили пятками лошадей и поскакали вперед, сгорая от нетерпения узнать новости.

Разведчик не был воином их туменов, но выглядел таким же усталым и запыленным. Когда Джучи, Джебе и разведчик встретились, тот немедленно спешился и поклонился, не выпуская поводьев. Джебе поднял руку, и войско тоже остановилось. В присутствии сразу двух полководцев разведчик явно замешкался, не зная, к кому из них обратиться раньше.

Затянувшееся молчание нарушил Джучи.

– Ты нашел нас, – сказал он. – Докладывай.

От волнения, что говорит с ханским сыном, разведчик снова склонил голову.

– Я едва не отправился в обратный путь, когда заметил пыль от твоих коней, командир. Меня послал Субудай. Шах двинул на нас большую армию.

Если разведчик ожидал, что его новость вызовет удивление, то был разочарован.

– И?.. – спросил Джебе.

Растерявшись, тот снова потупил взор и замешкался.

– Меня послали, чтобы привести тебя назад как можно быстрее, командир. Наш хан Чингис собирается дать сражение, но мне больше ничего не известно. Я в одиночку проскакал два дня, разыскивая вас повсюду.

– Мы можем ударить с тыла, если вернемся в долину, – предложил Джучи, не обращая внимания на разведчика.

Джебе обернулся и взглянул на свой тумен. Люди были на грани полного изнеможения. Воины степных племен могли проскакать целый день, но и после этого они оставались в состо-

янии воевать. Однако силы лошадей имели очевидный предел. Нападение на арьергард шахского войска не даст результата, если противник развернется и всей своей массой раздавит два монгольских тумена в лепешку. Джебе хмуро кивнул Джучи. Ведь Чингис ожидал бы от них активных действий.

– Войско шаха двинется вперед с того места, где мы оставили его, – сказал Джебе. – Наверное, еще миль сто – и потом битва.

Джучи развернул лошадь, готовясь отправиться в обратный путь.

– Тогда нам нужно спешить, командир, – ответил он.

Разведчик беспокойно следил за их разговором, не зная, должен ли говорить что-то еще. Он с завистью смотрел на лошадей – низкорослых монгольских и статных арабских скакунов, что стояли вместе.

– Если у вас найдется для меня свежая лошадь, я поскачу вперед и доложу хану, что вы скоро придете.

При этих его словах Джебе и Джучи обменялись веселым взглядом.

– Ты видишь тут свежую лошадь? – спросил Джебе. – Если найдешь, возьми ее себе.

Снова оглядев сбившихся в кучки животных, разведчик на этот раз обратил внимание на то, что кони стояли, едва ступая на поврежденные ноги. Затем он взглянул на покрытых пылью суровых воинов. Лишь теперь разглядел он грязные, окровавленные повязки на руках и ногах многих из них. Готовые исполнить любой приказ своих командиров, они безразлично смотрели на разведчика. Бесконечная гонка через долину показала им, на что они способны. И тот, кто выжил, верил в свои силы, как никогда раньше. Они загнали до смерти тридцать тысяч хорезмийцев, и разве теперь на свете осталась такая задача, с которой они не смогли бы справиться?

Разочарованный разведчик бросил последний взгляд на военачальников и сел в седло. Он был совсем еще мальчишкой, и, заметив его нервозность, Джучи улыбнулся, а затем окинул свежим взглядом свое войско. Эти люди были проверены в деле. Они не подведут. На мгновение Джучи испытал удовольствие, которое получал его отец, ведя солдат на войну. Казалось, во всем белом свете не было ничего лучше этого чувства.

Джучи прищелкнул языком, и разведчик обернулся.

– Передай отцу, что мы выступаем. Если у него будут новые распоряжения, пусть шлет гонцов в большую долину, что к северу отсюда. Ты найдешь нас там.

Разведчик серьезно кивнул и помчался назад, преисполнившись гордости от сознания важности порученной миссии.

Глава 13

Восседая в паланкине на спине слона, шах Ала ад-Дин Мухаммед плавно раскачивался из стороны в сторону, точно на палубе корабля. Горькие раздумья легли тяжелым грузом на сердце шаха. Свою конницу он видел в последний раз несколько дней назад, когда всадники, преследуя врага, умчались на восток. Каждое утро после молитвы шах снова и снова оглядывался на восход в надежде увидеть их возвращение, но надежда таяла с каждым днем. Шах не доверял людям пустыни и был уверен, что Калифа решил отсидеться в каком-нибудь дальнем городе. Его предательство сейчас не заботило шаха. Ала ад-Дин Мухаммед поклялся, что воздаст изменнику по заслугам, как только монголы будут отброшены обратно за горы или уничтожены.

Армия шаха неумолимо продвигалась вперед, приближаясь к горным перевалам, которые выведут ее к Отрару и монгольскому хану. Блеск оружия и доспехов огромного войска всегда утешал стареющее сердце хорезмшаха. По правде сказать, вторжение кочевников пришлось как нельзя кстати. Почти двенадцать лет он приводил к покорности царьков и князей, и,

когда те едва не вышли из-под контроля, в северные пределы страны вторглись враги, заставив непокорных вассалов забыть о распрях и мятежах и проявить преданность повелителю.

Под топот движущегося по каменистой земле войска трудно было не думать о Саладине. Великий правитель взял Иерусалим и изгнал крестоносцев. Саладину противостояли враги пострашнее монгольского хана.

Каждую ночь, когда войско вставало лагерем на ночлег, Ала ад-Дин изучал при свете лампы написанную самим Саладином летопись его знаменитых сражений. Прочтя несколько строк перед сном, шах клал рукопись под подушку. Вместе с личным экземпляром Корана летопись составляла бесценное достояние шаха.

Ранним утром в завешенном шторками паланкине было еще прохладно, хотя восходящее солнце обещало палить безжалостно. В нарушение поста Ала ад-Дин Мухаммед начал день с тарелки фиников и кураги, запив все большим глотком холодного йогурта. Слуги принесли вяленую баранину и хлебную лепешку, которая давно зачерствела, но это не имело значения. До Отраара оставалось всего несколько дней пути, и, как только город будет освобожден, недоумок Иналчук попотчует своего двоюродного брата вкуснейшим мясом и лучшими фруктами.

Внезапно за шторками паланкина кашлянул слуга, и Ала ад-Дин Мухаммед вздрогнул.

– Что там еще? – спросил шах.

Шторка отодвинулась, и снаружи показался слуга, который стоял на верхней ступеньке лестницы, закрепленной ремнями на животе слона.

– Остался кофе, господин.

Ала ад-Дин Мухаммед кивнул и протянул руку за чашкой. Войско тронулось в путь почти час назад, и шах был приятно удивлен горячему, еще дымящемуся черному напитку. Поднося чашку к губам, шах наклонял ее осторожно, чтобы не пролить драгоценный напиток себе на бороду.

– Как это он у тебя не остыл? – недоумевал шах.

Видя, что господин доволен, слуга улыбнулся:

– Я поставил горшок в кожаный мешок, господин, вместе с золой, что осталась утром от костра.

Причмокнув, шах Мухаммед сделал глоточек восхитительного горького напитка.

– Молодец, Аббас. Здорово придумал.

Шторка паланкина задернулась, и слуга медленно полез вниз, стуча башмаками по деревянным ступеням под брюхом огромного зверя. Вне всяких сомнений, голову Аббаса уже занимали мысли о том, чем накормить своего господина после полуденной молитвы.

Если бы это было позволено, шах, пожалуй, даровал бы своим воинам освобождение от молитвы, пока войско было на марше. Ежедневно чтение молитв отнимало по три часа драгоценного времени, и постоянные остановки ужасно беспокоили шаха. Но тогда соперники получили бы повод обвинить его в нетвердости веры, и шах в который раз отказался от этой мысли. В конце концов, именно вера делала его людей сильными. Слова пророка убеждали их в необходимости молитвы, и даже шах не в силах был им противиться.

Ала ад-Дин Мухаммед наконец свернул из широкой долины и повел войско на север, к Отраару. Впереди тянулась гряда бурых гор, перевалив через которые армия воинов, закаленных песками южных пустынь, обрушится всей своей мощью на орду диких монголов. Раскачиваясь в паланкине, Ала ад-Дин закрыл глаза и подумал о тех, кого он вел с собой на войну. С потерей конницы Калифы у шаха осталось всего пятьсот всадников – его личная гвардия, составленная исключительно из сыновей знатных семейств. Уже дошло до того, что приходилось использовать их на посылах и отправлять в разведку. Для отпрысков древних родов это было оскорблением, но выбора шах не имел.

Шесть тысяч верблюдов тащили провиант и оружие для всего войска. Верблюды, конечно, не такие быстрые, как лошади, зато могли нести тяжелые грузы. Остальное войско двигалось пешком, лишь командиры ехали верхом. Поэтому теперь шах больше полагался на слонов, которых обожал за их боевую мощь. Каждое животное обладало силой восьмидесяти молодых быков.

Выглядывая из паланкина, шах Мухаммед испытывал гордость за собранное им войско. Такой армией гордился бы сам Саладин. Внизу, на вороном жеребце, скакал старший сын хорезмшаха Джелал ад-Дин. С замиранием сердца смотрел отец на прекрасного юношу, который однажды унаследует трон. Люди любили его, и трудно было удержаться и не помечтать о тех временах, когда его потомки будут править всем мусульманским миром на протяжении столетий.

Снова вспомнился Калифа, и шах едва овладел собой, постаравшись больше не думать о нем, чтобы не портить чудесное утро. Как только окончится битва, Калифу с его людьми разыщут и вырежут всех до одного, как бешеных псов. Шах дал себе клятву воздать изменнику по заслугам, а войско тем временем продвигалось вперед, медленно приближаясь к перевалам в горах.

Разведчики примчались назад, когда Субудай, опустившись на одно колено, выглядывал через край утеса, обозревая раскинутые внизу под холмами равнины. Он наблюдал за растянувшейся на многие мили армией шаха и даже без доклада разведчиков догадался, что войско пройдет через широкий перевал, который он вызвался контролировать. Как только разведчики спешили, Субудай махнул им рукой.

– Знаю! – крикнул он. – Ступайте и доложите остальным темникам. Мы встретим врагов здесь.

Вдалеке показался шахский эскорт. Срезая путь и поднимая клубы пыли, всадники скакали на север по крестьянским полям. Субудай попробовал поставить себя на место шаха, хотя это было непросто. Сам Субудай никогда не повел бы такую армию через перевал. Он вообще повел бы армию в обход гор и не стал бы пытаться защитить Отрар. Чтобы преодолеть такое расстояние, шаху потребовался бы еще месяц, зато монголам пришлось бы вести бой на открытом пространстве, лишившись всех преимуществ.

Шах, напротив, выбрал кратчайший путь, показав тем самым, что дорожит Отраром. Субудай очень внимательно изучал обстановку, примечая все, что могло помочь уничтожить противника. Полководец не хуже других знал, что Чингис прочно обосновался в этой стране. Речь больше не шла о том, чтобы отомстить одному городу. Дело уже касалось выживания их народа. Они разворошили осиное гнездо поопаснее империи Цзинь, и ставки снова были чересчур высоки.

Субудай задумчиво улыбнулся. Кто-то воевал за новые земли, или ради экзотических женщин, или даже ради золота. Но из разговоров с ханом Субудай сделал вывод, что подобные вещи Чингиса, как и его самого, мало интересуют. Отец-небо не дал человеку ничего, кроме жизни. Народ хана бродил по степям, точно одинокий скиталец. Его одиночество было первобытным и диким. Но вот люди сели в седло, и им начали покоряться страны, города и империи. Те, кто шел следом за ханом, возможно, когда-нибудь станут такими же безвольными и кроткими, как жители городов, но для Субудая это не имело значения. Он не был в ответе за выбор внуков и правнуков. Он отвечал лишь за себя. Упираясь коленом в твердую серую гальку и разглядывая облака пыли вдаль, Субудай вновь убедился, что во всех своих действиях и поступках руководствуется только одним правилом.

– Бой до последнего вздоха, до последнего шага, – тихо произнес он слова, ставшие талисманом.

Полководец вполне допускал, что шахское войско не остановить и, возможно, монголов будут преследовать вплоть до равнин их далекой родины. Кто знает? Только Отцу-небу ведомо все. Но, как и Чингис, Субудай не успокоится до тех пор, пока не найдется неведомый враг, который нанесет удар первым. Удар настолько сокрушительный, что трудно даже вообразить. Лишь тогда, в последний миг перед смертью, можно будет оглянуться назад с гордостью и без сожалений о прожитом.

Как только примчались гонцы от Хачиуна и Джелме, Субудай отбросил раздумья. За дни, проведенные у перевала, Субудай выучил имена всех всадников и поприветствовал их. Гонцы спешили и отвесили низкий поклон, польщенные тем, что темник помнит такие детали.

– Тумены скоро придут, командир, – сообщил один из гонцов.

– Для меня есть приказ? – спросил Субудай.

Гонец покачал головой, и Субудай нахмурил лоб, так как был не в восторге оттого, что поступил под командование Хачиуна, хотя никогда не сомневался в его воинском таланте.

– Передайте своим командирам, что нам нельзя тут ждать. Шах еще может пойти в обход. Нужно заставить его идти так, как надо нам.

Едва Субудай замолчал, как в поле зрения показались Хачиун и Джелме. Примчавшись на лошадях, они одним прыжком соскочили на землю и быстро зашагали к краю утеса. Субудай поднялся на ноги и поклонился Хачиуну.

– Хотел увидеть все своими глазами, – объяснил Хачиун, всматриваясь в лежащую внизу равнину.

Всего несколько миль отделяли их от шахского войска, чьи передовые ряды уже просматривались сквозь густую пыльную дымку. Пыль висела в воздухе, словно крепостная стена, внушительные размеры которой любого привели бы в волнение.

– Я не мог уйти, не дождавшись от тебя приказа, Хачиун, – сказал Субудай.

Хачиун обернулся, буравя Субудая пытливым взглядом. Хачиун знал его еще простым воином, но Чингис возвысил юношу, полагая, что из того выйдет толк. Хачиун не забывал, что Субудай неоднократно оправдывал доверие хана.

– Хочешь сказать, что у тебя появились соображения? – спросил Хачиун.

– Этой огромной армией управляет один человек, – кивнув, начал Субудай. – Шах решил идти через этот перевал, а значит, командование его войском осуществляется не так, как у нас. Почему он не разделит войско и не поручил двум хорошим военачальникам провести его части через другие перевалы? Узнай своего врага – и ты узнаешь, как его победить. Нам это совсем не мешало бы.

Хачиун и Джелме переглянулись. Будучи не менее опытным, чем они сами, Субудай славился умением выходить из боя с минимальными потерями и в этом не имел себе равных. Он говорил не спеша, а тем временем армия шаха приближалась.

Заметив, что Джелме заглядывает ему через плечо, Субудай улыбнулся.

– Это их слабое звено, по которому мы и ударим, – продолжил он. – У нас на троих тридцать минганов, каждый под началом командира, который умеет думать и действовать самостоятельно. В этом наша сила. И еще в скорости. – Тут он снова вспомнил об осином гнезде. – Будем нападать всеми минганами, кроме четырех. Осиным роем. Пусть шах попробует поймать и раздавить их своими неуклюжими лапами. Мы для него слишком юркие.

– И что это за четыре тысячи, которые ты хочешь оставить? – поинтересовался Хачиун.

– Лучшие лучники, – ответил Субудай. – Самые лучшие из тех, что у нас есть. Они встанут вдоль перевала, высоко на скалах. Ты показал мощь наших луков на перевале у Барсучьей Пасти, помнишь? Я не мог бы найти лучший пример.

От лестных слов рот Хачиуна чуть изогнулся в улыбке. Когда-то он стоял с девятью тысячами стрелков против конницы цзиньцев, обстреливая врагов до тех пор, пока те не отступили.

– Если я поставлю своих достаточно низко, чтобы стреляли точнее, – возразил Хачиун, – лучники шаха достанут их своими стрелами. И мы до сих пор не знаем, что будут делать эти слоны.

Субудай безразлично кивнул:

– Не существует идеального плана, командир. Разумеется, ты должен сам решить, куда поставить людей, но ведь при стрельбе вниз дальность больше, чем при стрельбе вверх, разве не так? Я высказал свою идею, как задержать продвижение шаха и его войска. Это мое мнение, но я готов следовать твоим приказам.

Хачиун задумался всего на пару секунд.

– Моли Отца-небо, чтобы ты не ошибся, Субудай. Я поставлю людей.

Неожиданно для Хачиуна и Джелме Субудай ухмыльнулся:

– Я никому не молюсь, командир. Если бы я это сделал, Отец-небо сказал бы мне: «Субудай, у тебя лучшее в мире войско, военачальники прислушиваются к твоим словам, твой враг глуп и неповоротлив, и тебе еще нужна моя помощь?» – Подумав об этом, он снова скроил кривую улыбку. – Нет, я буду полагаться на то, что у нас есть. Мы разобьем их.

Хачиун и Джелме взглянули еще раз на огромную армию, идущую к перевалу. Сто шестьдесят тысяч храбро шагали вперед, только теперь, после слов Субудая, они уже не казались такими страшными.

Чтобы скоротать время, Ала ад-Дин Мухаммед развлекал себя игрой в шахматы и уже битый час обдумывал очередную партию, когда громкий шум и крики отвлекли его от игры. От неожиданности шах подскочил, опрокинув со столика шахматную доску, и фигуры рассыпались на полу паланкина. Изрекая проклятия, шах раздвинул передние шторы и всмотрелся в даль. Слабым зрением, он едва смог разглядеть всадников, мчащихся навстречу его войску. Горны трубили сигнал тревоги, и шах стал испуганно озираться в поисках своего слуги. Но Аббас уже спешил к господину. Проворно взобравшись по деревянной лестнице, он устремил свой взор туда, откуда наступали монголы.

– Что скажешь, Аббас?

Слуга нервно сглотнул слюну.

– Это... странно, господин. Как только они выскочили из-за перевала, то тут же разделились и поскакали в разных направлениях. У них полный хаос.

– Сколько их? – спросил шах, сгорая от нетерпения.

Аббас быстро принялся подсчитывать и нервно зашевелил губами:

– Около двадцати тысяч, господин, но они все время в движении. Не могу сказать точнее.

Ала ад-Дин вздохнул с облегчением. Хан монголов, должно быть, сошел с ума, раз послал против него жалкую кучку людей. Монголы быстро приближались, и теперь шах смог разглядеть их получше. Они выступали каким-то необычным порядком, то бросаясь врассыпную, то снова собираясь отдельными группами, и предугадать, откуда будет нанесен первый удар, было трудно. Поскольку приказов пока не последовало, армия шаха стойчески маршировала вперед к перевалу, готовя к бою щиты и широкие сабли. Шах снова подумал о конниках Калифы, но, скорее, лишь для того, чтобы еще раз помянуть их недобрым словом.

Ала ад-Дин Мухаммед подал знак трем родовитым всадникам, что скакали позади слона. Заодно шах взглянул и на Джелал ад-Дина. С пламенем праведной ненависти к врагам юноша скакал подле отца. Когда всадники подъехали ближе, шах Мухаммед поприветствовал их величественным взмахом руки.

– Доставьте мой приказ передовым частям, – объявил он. – Пусть выдвинут фланги широкой линией. Куда бы ни ударили враги, мы возьмем их в кольцо.

– Господин! – взвыл побледневший Аббас. – Они уже атакуют!

– Как? – возмутился шах.

Удивленно прищурился, он будто не верил тому, что монголы подступили так близко. Издали слышались крики людей, пытавшихся укрыться щитами от града летящих стрел.

Колонны монгольских всадников обходили передовые позиции и неслись вдоль беззащитных флангов шахского войска. Ала ад-Дин смотрел, затаив дыхание. Калифа мог бы остановить их, но негодяй предал своего господина. Шах чувствовал на себе буравящий взгляд сына, но пока не мог ввести в бой отряд личной гвардии. Он боялся остаться без защиты, к тому же у него не было других лошадей.

– Передайте командирам, чтобы не останавливались. Пусть двигаются вперед и прикрываются щитами. Если монголы подойдут слишком близко, стрелять, не жалея стрел.

Благородные всадники помчались вперед, а слон, мерно раскачивая паланкин, зашагал дальше, равнодушный к тревогам шаха.

Стоя в стремени и держа в руках натянутый лук, Субудай несся во весь опор вдоль фланга армии хорезмийцев. Стараясь не потерять равновесия, Субудай подчинялся ритму движения. Он чувствовал каждый удар копыт своего скакуна, и, когда конь отрывался от земли всеми четырьмя ногами, наступал момент невесомости. Полет длился не дольше мгновения, но Субудай пользовался кратким мигом, чтобы пустить стрелу. И стрелы метко разили врагов, сбивая их с ног.

Субудай слышал команды шахских военачальников, странные звуки, непонятные слова долетали до него вместе с ветром. Шах был надежно укрыт в самом сердце своего войска. Глядя на столпившихся в центре всадников, Субудай недоуменно покачал головой. Что проку было от этой толпы, запертой со всех сторон и лишенной возможности маневрировать? Слоны тоже находились слишком далеко за рядами пеших воинов и были неуязвимы для стрел. «Возможно, шах дорожит этими зверями сильнее, чем людьми?» – подумал Субудай. Он сделал еще одно наблюдение, которое следовало взять на заметку. Пока Субудай размышлял, тысячи воинов подняли луки и тысячи стрел взмыли в воздух. Следуя инстинкту, Субудай тотчас пригнулся. Усиленные двумя изгибами, луки хорезмийцев стреляли дальше китайских. При первом нападении на фланг Субудай потерял людей, но не мог оставаться вне досягаемости вражеских лучников. Рассчитывать, что на таком расстоянии свои стрелы попадут в цель, было трудно. Поэтому Субудай снова повел колонну в атаку, разя противника на скаку и тут же отступая назад, чтобы уйти от ответного залпа. Этот маневр был сопряжен с риском, но Субудай начинал чувствовать, сколько времени имелось в его распоряжении, чтобы прицелиться. Хорезмийцам приходилось стрелять по цели, которая была в постоянном движении, тогда как лучники Субудая могли просто расстреливать плотные ряды.

Командиры тысяч следовали тактике Субудая. Каждая колонна из тысячи всадников подлетала к противнику, обстреливала его и немедленно уносилась прочь. Армия шаха продолжала движение, и, хотя многие спасались от стрел за щитами, мертвые тела все гуще покрывали путь к горному перевалу.

Уводя свою колонну после третьей атаки по более широкой дуге, чем прежде, Субудай взглянул в сторону перевала. Как только передовые отряды шахского войска доберутся до подножия гор, шанс проскользнуть на перевал и соединиться с Хачиуном будет потерян. Войско шаха закупорит проход в горах, словно пробка бутылку. Времени до того, как перевал будет закрыт, оставалось совсем немного. Не зная, как поступить, Субудай колебался. Если шах продолжит двигаться с такой скоростью, то летучие отряды монголов останутся позади, а войско хорезмийцев прорвется к Отрару. Вряд ли четыре тысячи Хачиуна остановят такую массу. Но Субудая ничто не мешало продолжить атаковать арьергард шахского войска, и полководец подумал, что это верное решение. Его люди могли еще уничтожить тысячи беззащитных пеших воинов, и шах был бы не в силах помочь им. Затем Субудай проведет минганы по любому из двух оставшихся перевалов в обход армии шаха и успеет под стены Отрара на помощь Чингису.

Одного этого было мало. Несмотря на то что монголы положили тысячи хорезмийских воинов, армия шаха практически не пострадала. Ряды живых смыкались над трупами и продолжали идти вперед. И когда они минуют перевал и достигнут равнины у Отрара, перед Чингисом будет стоять все та же задача, для решения которой и послан был Субудай. Шах нанесет удар хану спереди, а гарнизон Отрара, дождавшись своего часа, ударит в спину.

Субудай вновь повел своих людей в бой, пуская тысячу стрел одним залпом, но внезапно путь преградила другая группа из тысячи всадников. Субудая даже пришлось осадить коня, чтобы не столкнуться с дурнем, который тоже вел в атаку свою тысячу. Хорезмийцы воспользовались замешательством среди монголов и окатили их градом стрел. На этот раз стрелы попали в цель, и десятки всадников и лошадей упали на землю. Прежде чем обе тысячи смогли разминуться, Субудай выкрикнул командиру мингана пару бранных слов, и на лице того отразился испуг. Субудай понимал, что командир другой тысячи не виноват. Субудай готовил свой тумен к такой атаке, и, хотя его люди были обучены этому, «оплетать» шахское войско без ошибки было не так-то просто. Однако это обстоятельство не спасало незадачливого командира от публичной выволочки, которую намеревался позже устроить ему Субудай.

Армия шаха достигла перевала, и Субудай окончательно лишился возможности проскочить через горы раньше врагов. Он искал Джелме, который тоже где-то атаковал противника, но не находил его. Хвост неприятельского войска втягивался в проход между горами, следуя за своим шахом туда, где, как ему казалось, он был в безопасности. Удары по флангам уходящего войска теперь наносились чаще, поскольку для маневров монгольских конниц оставалось все меньше места. На глазах у Субудая некоторые командиры безрассудно и яростно обрушивались на врага, кромсая его мечами и врезаясь в ряды бегущих. Те громко кричали, пытались отразить нападение, защищаясь что было сил, но с каждым шагом вперед их число сокращалось. Еще немного – и летучие отряды монголов окажутся в большинстве. Тогда Субудай решил полностью отсечь хвост уползавшей в расщелину армии хорезмийцев.

Полководец послал людей передать приказ, но в этом вряд ли уже была необходимость. Монголы согнали остатки шахского войска в плотную массу, у перевала создавалась давка, так что движение почти остановилось. И по мере того, как продолжалась жестокая резня, земля у подхода к перевалу пропитывалась кровью и покрывалась слоем разрубленных тел, рук, голов.

Около сорока тысяч воинов застряли у перевала, и внезапно их охватило волнение. Субудай поднял голову, прислушался, и ему показалось, что вдали раздаются крики отчаявшихся людей, разносимые эхом по холмам и ущельям. Хачиун вступил в бой. Колчан Субудая опустел, и полководец, полный решимости довести дело до конца, обнажил меч.

Субудай повел своих воинов в лобовую атаку. Наметив для себя цель возле самого перевала, он с трепетом в груди ударил пятками скакуна и помчался вперед. Внезапно тревожные крики сзади привлекли внимание Субудая. Поначалу он не слышал их, но природное чутье не подвело, и он поднял меч, остановив своих людей перед началом атаки, чтобы выяснить, откуда эти крики доносятся.

Увидев всадников, Субудай тихонько выругался. В следующий миг его посетила жуткая мысль, что шах приготовил сюрприз, оставив конницу в арьергарде своего войска, чтобы нанести главный удар именно теперь. Но опасения исчезли так же быстро, как и появились. Субудай понял, что это свои, и воспрянул духом. Джучи был жив, Джебе скакал рядом с ним.

Оценивая обстановку, Субудай огляделся. Быть может, тысяч тридцать мусульман, атакуемых со всех сторон, пытались еще достичь перевала. Монгольские минганы кружили над неприятелем, будто осы, что и медведя могут закусать до смерти. Помощи Субудая здесь больше не требовалось, однако надо было еще повидаться с Джелме и согласовать с ним дальнейшие планы.

На его поиски, казалось, ушла целая вечность. Джелме был ранен и истекал кровью, но самозабвенно и воодушевленно готовил своих воинов к новой атаке.

– Вырезать, как баранов! – кричал Джелме, когда Субудай подъехал к нему.

Целиком отдавшись битве, Джелме не видел приближения всадников, пока Субудай не обратил на них внимание темника, подав ему знак кивком.

Джелме нахмурил брови и только теперь схватился рукой за длинное древко стрелы, поразившей его в плечо. Стрела пробила доспехи и вонзилась острием в мясо. Джелме отчаянно пытался вытащить ее, но стрела не поддавалась. Другу помог Субудай. Подъехав ближе, он выдернул стрелу, сломал и бросил обломки на землю.

– Спасибо, – поблагодарил Джелме. – Кажется, это наши потерянные полководцы?

– А кто еще мог бы оказаться здесь с двумя туменами? – ответил Субудай. – Думаю, им тут нечего делать. Отправлю их другими путями в обход армии шаха, пусть встречают его, когда он перевалит через горы.

– Не нужно, – возразил Джелме. – Мы с тобой можем сделать это сами. Пусть опоздавшие займут наше место и идут за шахом на перевал. У меня достаточно сил, Субудай. Сегодня меня ждет еще одна битва.

Субудай улыбнулся и потрепал Джелме по плечу. Отправив двоих гонцов с приказом для Джебе и Джучи, Субудай окликнул своих людей и тронулся в путь. До соседнего перевала было чуть больше мили.

Несколько мгновений спустя яростная атака в тылу шахской армии прекратилась, и последние израненные и окровавленные хорезмийцы скрылись в горах. Их лица были мрачны, они в страхе оборачивались, глядя вслед уносящейся неизвестно куда монгольской коннице. Они выжили, но причин для радости не было. Недоброе предчувствие овладело сердцами людей, и, оглядываясь на тела павших, воины шаха видели стремительное приближение еще одной армии, готовой начать новую бойню.

Поднимаясь по склону, Субудай гнал коня по ухабам и кочкам. Второй перевал представлял собой узкий проход через горы, и шах разумно отказался от этого маршрута, учитывая размеры своего войска. Однако этот путь вполне подходил для колонны по десять всадников в ряд. Забираясь все выше, Субудай смотрел вниз на поля и блестящую красную рану, что отметила место кровавого сражения. Местами кровь еще искрилась на солнце, но, быстро высыхая, становилась бурой. И по этому бурому пятну на земле плыли тумены Джучи и Джебе. Даже с огромного расстояния Субудай видел их медленное движение, а также и то, как гонцы передали его приказ и тумены ускорили шаг.

Затем скалы закрыли обзор, и Субудай уже не мог видеть, как тумены Джучи и Джебе помчались на перевал следом за армией шаха. Пусть стрелки Хачиуна истратят на нее весь запас стрел, эта армия едва ли заметит потери, оставаясь по-прежнему слишком опасной для небольшого войска Чингиса, которое он собрал под Оттаром. Тем не менее Субудай был доволен проведенной операцией. Он продемонстрировал силу отрядов, действующих самостоятельно, и показал, как надо воевать с медлительным и неповоротливым врагом. Впереди Джелме торопил своих, и, глядя на него, Субудай улыбнулся неиссякаемому энтузиазму и энергии старшего товарища. Все сознавали, что получают еще один шанс наброситься на врага, если успеют пройти через горы раньше, чем шах окажется на открытой равнине. И Субудай понимал, что уже не сможет применить тактику «осиной» атаки. Если он верно рассчитал время, то правый фланг шахского войска первыми встретят лучшие из двадцати тысяч воинов. Стрелы почти закончились, но щиты и мечи довершат то, что было начато в этот день.

Глава 14

В лучах утреннего солнца Чингис резко повернулся, заставив Хасара вздрогнуть. Когда хан увидел младшего брата, выражение его лица смягчилось, хотя напряжение не ослабевало.

Последние два дня, пока его люди сражались и гибли по ту сторону гор, Чингис пребывал в смятении и расстройстве. Если бы стены Отрара были хоть чуточку тоньше, хан заставил бы катапульты трудиться дено и ночью. Но сейчас это было лишено смысла, и Чингис выжидал. Наступление шахской армии волновало его сильнее, чем взятие города. Но бездействие изводило хана до мозга костей.

– Хочу услышать добрую весть, – произнес Чингис.

Хасар замялся с ответом, и хан снова нахмурил брови.

– Тогда говори, что есть, – сказал он.

– Дозорные сообщили о сражении у перевала. Полководцы сократили число шахских солдат, но армия осталась почти невредимой. Хачиун выставил лучников на высокие склоны. Они убьют много людей, но, если войска не дрогнут и не побегут, шах перевалит через горы. Ты сам это предвидел, брат.

Чингис сжал левую руку в кулак с такой силой, что та задрожала.

– Скажи, как остановить двадцать тысяч солдат, которые могут ударить нам в спину, и я встану на пути шахского войска, как только оно пройдет перевал, – ответил Чингис.

Хасар перевел взгляд на город, который как будто смеялся над приготовлениями своих врагов. Пять полных туменов, отозванных из лагеря, лишь ожидали приказа, и каждая упущенная минута больно ранила Чингиса. Он полностью сознавал риск, на который пошел. Собирая все силы, хан оставил своих жен и сыновей, Угэдэя и Толуя, без защиты. Когда на другой день взошло солнце, говорить с ханом осмеливался только Хасар, но и тот не предложил брату ни одного решения.

Так же как и Чингис, Хасар понимал, что гарнизон Отрара ударит им в спину, как только завидит знамена шаха. Монголы будут раздавлены. Хасар отдавал себе отчет, что не обладает ни талантами Субудая, ни разумностью Хачиуна. Но Хасар видел только одно решение. Они не могли взять Отрар. Единственное, что они могли сделать, – отступить, уведя за собой свои войска. Все же Хасар выжидал, что скажет Чингис.

Серый дым погорелого городского посада рассеялся за последние несколько дней. Воздух был теперь чист и горяч. Чингис смотрел на свое войско, а неприступный город молчаливо ждал освобождения.

– Наступят другие времена, брат, – теряя терпение, произнес Хасар. – У тебя будут другие сражения.

– Предлагаешь мне отступить, Хасар? – ответил Чингис, снова поворачиваясь к брату.

– Это лучше, чем быть убитым, – пожал плечами Хасар. – Если отведешь тумены на десять миль к северу, шах объединит войско с гарнизоном Отрара, и тогда мы наконец встретимся с одной армией и без всякой угрозы с тыла.

– На десять миль в горы и равнины, которые они знают лучше нас? – презрительно фыркнул Чингис. – Они будут преследовать и убивать нас по пути до самого дома, и даже мои военачальники не смогут остановить их. Но если я подойду к перевалу, у шаха не будет возможности для маневра... Поздновато, брат. Вряд ли теперь успею добраться до перевала раньше захода солнца. Время – наш враг. – Внезапно Чингису пришла в голову мысль, и он замолчал. – А что тот человек, который был твоим помощником? Самука? Он предан нам?

Хасар пытливо сощурил глаза, соображая, что задумал Чингис.

– Разумеется, – ответил Хасар.

Чингис резко кивнул. Он принял решение.

– Дай ему пять тысяч бойцов, и пусть стережет город до моего возвращения. Выигрывать сражение не обязательно. Главное – удержать их здесь и не дать ударить с тыла. Скажи ему, что мне требуется время и он должен добыть его.

Хасар ответ дал не сразу. Тумен Чагатая стоял к городу ближе, чем отряды Самуки, но Хасар понимал, что Чингис не пошлет сына на верную смерть, которую, казалось, готовил Самуке.

– Хорошо. Очень хорошо, брат. Я передам ему.

Но Чингис уже вскочил в седло и разворачивал скакуна, намереваясь занять свое место во главе монгольского войска. Разрезая ряды всадников, Хасар помчался напрямик, чтобы разыскать Самуку.

Когда Хасар нашел его, Самука стоял рядом с Хо Са. Командиры обсуждали боевое построение, но, как только увидели Хасара, замолчали, и лица обоих мгновенно просветлели. С волнением в груди Хасар жестом увел их в сторону от других командиров и заговорил тихим голосом:

– Наш повелитель Чингис приказывает тебе остаться здесь, Самука. Возьмешь пять тысяч лучших лучников и будешь удерживать город до нашего возвращения.

Хо Са онемел, точно его хватил удар. Карие глаза Самуки на мгновение встретились с глазами Хасара. Все трое знали, что Самуке вынесен смертный приговор. Гарнизон Отрара будет сражаться отчаянно, чтобы вырваться на свободу.

– Они приложат все силы, чтобы прорваться, – продолжил Хасар. – Предстоит кровавая работенка.

Смирившись со своей участью, Самука кивнул. Пяти тысяч воинов не хватит, чтобы удерживать двое ворот. Вдруг его посетила мысль, и Самука взглянул на Хо Са.

– Я справлюсь тут сам, командир. Возьми его с собой, – устало улыбнулся Самука. – Все равно он здесь бесполезен.

На мгновение Хо Са почувствовал слабость во всем теле. Он не хотел умирать в чужой стране. Самука дал ему шанс спастись. Хасар отвернулся, чтобы не видеть смятения на лице Хо Са.

– Я остаюсь, – ответил Хо Са.

Самука посмотрел на небо и сделал глубокий выдох.

– Ну и дурак, – сказал Самука. Он повернулся к Хасару, глубоко вдохнул и приободрился. – Как долго мне нужно продержаться?

Хасар не подал виду, что заметил мучения Хо Са.

– Хотя бы день. Я сам тебя сменю.

Принимая приказ к исполнению, Хо Са и Самука поклонились. Поддавшись внезапному порыву, Хасар протянул руку и сжал Хо Са плечо. Этого тангутского командира Хасар знал уже много лет, со времен первых походов на Цзинь.

– Береги себя, брат, – сказал Хасар. – Я приду, как только смогу.

– Буду ждать тебя, – твердо ответил Хо Са. Его лицо не выдало ни малейшего признака страха, который сдавил ему грудь.

Чингис уже стоял во главе армии и молча глядел на трех командиров. Он ждал. Самука дал приказ, и пять тысяч воинов отделились от основного войска. Чингис подождал еще немного, пока Хасар собирал по четыре стрелы от каждого воина из тумена Чагатая, передавая стрелы пучками лучникам Самуки. Им понадобится каждая стрела. Если бы они задержали гарнизон Отрара хотя бы до темноты, возможно, Чингис к тому времени доказал бы, что потеря людей не напрасна.

Когда приказ остаться услышали все пять тысяч, головы многих воинов повернулись к Хасару. Они поняли значение слов. Хасар сидел в седле подобно каменному изваянию. Он был доволен, что приказ не вызвал открытого недовольства. Его люди приучились сохранять дисциплину. Даже предчувствуя смерть.

Чингис ударил пятками и пустил лошадь вскачь. Чагатай и Хасар ехали рядом, двигаясь в сторону коричневатых гор, где полководцы бились с армией шаха. А позади горожане ликовали

на стенах Отрара, и только небольшое серое войско во главе с Самукой и Хо Са возвращалось под стены города.

Передовые полки армии шаха покидали перевал. Они выходили на солнечный свет, шумно радуясь жизни. Десятки тысяч стрел сыпались на них со скал ущелья. Щиты были усеяны стрелами, и воины обрезали их древки с помощью ножей, медленно, но верно продвигаясь к Отрару.

Позади еще слышались крики умирающих. Монголы кромсали арьергард шахского войска в расчете на то, что мусульмане дрогнут и в панике разбегутся. Шах Ала ад-Дин Мухаммед лишь печально улыбнулся при этой мысли. Ведь умереть достойно было почетно, а его люди были крепки в своей вере. От кровожадного вражеского меча никто не бежал. По милости Аллаха монголы хотя бы не стреляли им в спину. И в глубине души шах надеялся, что они истратили стрелы на Калифу и его всадников. Для убийцы и вора такой финал был бы лучше предательства.

Переход через горы под дождем стрел занял долгое время. Монголы взгромоздились на скалы, точно стервятники, ни на минуту не прекращая атаки. Солнце клонилось к закату, но шах не знал, ожидать ли от этих монгольских дьяволов продолжения нападений и с наступлением темноты. До Отрара оставалось не больше двадцати миль, и шах намеревался вести свое войско на север до тех пор, пока не увидит стены Отрара. Армия хорезмийцев встанет лагерем так, чтобы его было видно с крепостных стен, и тогда жители города заметят его и поймут, что шах пришел освободить их.

Сзади слышались новые крики. Шах недовольно ворчал. Монголы были повсюду. Его люди сомкнули щиты, но поразить противника трудно, когда не видишь его. Войско шло вперед. Ничто, кроме смерти, не могло остановить его продвижение к городу.

С высоты паланкина на спине боевого слона шах одним из первых заметил тумены Джелме и Субудая. Они перевалили через горы и атаковали правый фланг шахской армии. Изрекая проклятия, шах Мухаммед снова подозревал благородных гонцов. Затем он оглядел свое войско, выбирая, какие силы бросить в бой, и, приняв решение, кивнул всаднику, который подъехал первым:

– Скажи моему сыну, чтобы уничтожил противника на фланге. Пусть возьмет двенадцать слонов и десять тысяч солдат с командиром Фейсалом. Передай, что я буду наблюдать за ним.

Прижав поочередно пальцы к губам и сердцу, всадник умчался с приказом. Проводив его взглядом, Ала ад-Дин отвернулся, едва ли сомневаясь в том, что сын раздавит врагов.

Шах зловеще ухмыльнулся, как только его армия покинула перевал. Ничто не мешает им дойти до Отрара. Где-то впереди мчался Чингис, но он опоздал. Даже если он уже был в пути, гарнизон Иналчука подрежет Чингису крылья. Монголы оказались быстрее и проворнее, чем полагал шах Мухаммед, но его армия все еще численно превосходила их, и мусульмане не дрогнут, не обратятся в бегство, пока он жив.

Битва обещала быть славной, и шах Мухаммед неожиданно для себя обнаружил, что ждет не дождется, когда увидит поражение хана. Шах даже сожалел, что придется убить такого дерзкого смельчака. Нынешний год принес шаху много забот, но усилия окупились сполна. Шах снова вздохнул, припомнив сказку о падишахе, который боялся мрачного уныния почти так же сильно, как и беспредельной самоуверенности. Когда же он попросил своих советников найти решение дилеммы, те изготовили скромное золотое кольцо с незамысловатой надписью: «Все проходит, и это пройдет». За простыми словами скрывалась истина, и шах был доволен. Его слегка потрепанная армия по-прежнему шагала к Отрару.

Спустившись с гор, колонны Субудая выстроились в широкую наступательную линию. Уже показалась голова шахской армии, но Субудай остановил людей, велел передать стрелы

передним рядам. Стрел оставалось очень мало. Их хватало только на три молниеносных залпа пятью тысячами луков. Затем в дело пойдут мечи.

Подгоняя коня, Джелме скакал справа от Субудая.

– Джучи и Джебе наступили на хвост этой змеи! – кричал Джелме. – Посмотрим, сумеем ли мы отсечь ей голову!

– Нет ничего невозможного, – ответил через плечо Субудай. – Просто поразительно, что после стольких атак противник сохраняет строй. Следует учесть еще кое-что, командир: у них превосходная дисциплина, не хуже, чем у нас. Даже если ими руководит дурак, сломить их будет непросто.

До противника оставалось промчаться чуть больше мили. Субудай подсчитывал в уме время. При данной скорости еще двести ударов сердца – и завяжется бой.

Несясь на врага, Субудай видел, что довольно большая часть войска отделилась от главных сил противника и начала встречное движение. Вперед выдвигалась шеренга слонов, подгоняемых кнутами погонщиков. Субудай нахмурился. Боясь, что вид этих необычных животных смутит его людей, он решил приободрить их.

– Голова их защищена! Цельтесь в ноги! – громко кричал он. – Мы можем убить все, что движется!

Приказ передавали дальше, и те, кто слышал его, скалили зубы. Лучники готовили луки, натягивая тетиву.

Слоны неуклюже и тяжело шагали вперед, быстро развивая скорость. Подле слонов шли пешие воины. По мере приближения слоны становились все больше, крупнее и ужаснее на вид. Субудай приготовил меч, легонько размахивая им над ухом коня. Рассекая воздух, меч тихо посвистывал на ветру. Заметив приближение с севера монгольских туменов, Субудай догадался, что это Чингис, но полководцу показалось странным, что хан оставил Отрар за спиной.

– Сначала бейте слонов! – велел Субудай своим лучникам.

Они были готовы, и Субудай почувствовал, как сильно стучит сердце в груди и висках. Солнце клонилось к горизонту. День выдался славный, и хотелось еще пожить.

Самука разделил принятые под командование пять тысяч воинов на две части, поставив их с обоих концов города, напротив ворот. Командование второй половиной войска принял Хо Са. Самука оценил хладнокровие, которому тангут научился за годы жизни среди племен. Командиры заняли позиции, и Самука теперь был спокоен. Чтобы укрыться от стрел неприятеля, воины соорудили заграждение, подперев его камнями. Самука вздохнул. Чингис оставил ему только одно преимущество, и оно будет использовано, насколько возможно. Самука тербил пальцами шелковое знамя, наслаждаясь мягким на ощупь материалом. Видя любопытные смуглые лица в бойницах высоких башен Отрара, Самука не сомневался, что ждать осталось недолго.

Чингис едва ли успел отъехать на несколько миль к югу от города, когда за его стенами прогремело громкое эхо голосов отрарских военачальников. Кивнув, Самука еще раз проверил готовность своих командиров. Они были так же серьезны, как он сам. Никто не надеялся выжить в предстоящей схватке с врагом.

Железные ворота в восточной стене медленно открывались. Одновременно тысячи лучников появились на стенах. Самука равнодушно поднял глаза, оценивая число врагов. За предыдущие дни монголы очистили подступы к городским воротам от обломков сгоревших домов. В то время идея казалась здоровой, но теперь обитатели города встретят на своем пути меньше препятствий. Самука дал приказ, и бойцы приготовили луки. Для удобства и быстроты стрельбы лучники складывали стрелы у ног. Внезапно одно из наспех сколоченных деревянных заграждений повалилось на землю. Послышались грохот и брань командира, пославшего

бойцов поднять загородку и надежнее укрепить ее камнями. Самука нервно улыбнулся. Чингис поставил его сюда, и сдвинуть его с места будет непросто.

Самука не знал, станет ли неприятель прорываться из города только здесь или предпримет попытку прорваться еще и через другие ворота, которые прикрывал Хо Са. Отсюда не было видно. Но это уже не имело значения. Сидя в седле на достаточном расстоянии от стен, Самука следил за открывавшимися воротами. За ними ждали освещенные солнцем отряды хорошо вооруженных всадников на великолепных арабских конях. Самука щурил глаза, чтобы лучше их рассмотреть. Лошадей следовало уничтожить. Для любителей конины это было огорчительно. Но пешее войско не догонит Чингиса.

– Прострелить коней! – прокричал Самука.

Его слова подхватили голоса командиров, хотя в таком малочисленном войске, вероятно, приказ слышали почти все. Монгольские лошади вряд ли могли понадобиться тем, кто не имел права оставить позицию. Однако сидеть в седле было привычнее, к тому же Самука не желал стоять на земле, когда враги начнут приближаться.

Из города донесся рев голосов, и противник начал вырываться наружу. Ворота сдавили войско врагов, одновременно пропуская только пять всадников в ряд. Выжидая момент, Самука поднял левую руку. Сотня луков тотчас появилась в пустых глазницах на баррикадах. Самука понимал, что лучники должны стрелять по очереди через одного, чтобы не растратить запас стрел раньше времени. Но хотелось, чтобы первый залп привел врагов в ужас.

Самука заметил, что гарнизон хорошо спланировал наступление. Выезжая из ворот, всадники строились широкой колонной, быстро увеличивая свое число в кратчайшее время. Самука невозмутимо ждал, когда они пересекут метку, оставленную в ста шагах от него.

– По лошадям! – прокричал Самука снова и опустил руку.

Звон тетивы заставил сердце биться сильнее. Сотня длинных стрел взвизгнула в воздухе и в считанные мгновения поразила наступающих всадников. Передняя шеренга рухнула, точно опрокинутое ведро с водой, кони и люди распластались на пыльной земле. Самука вновь поднял руку и почти сразу опустил ее, зная, что другая сотня луков уже готова. Ничто не могло устоять перед непрерывной стрельбой. Хотя доспехи и щиты защищали хорезмийцев, они падали вместе с лошадьми. Затем новый залп добивал тех, кто находил силы подняться после падения.

Внезапно воздух над головой наполнился жужжанием стрел. Лучники на стенах открыли стрельбу. Самука инстинктивно пригнулся, хотя заграждения защищали его. Лучники, что стреляли со стен, попадали только в щиты монголов. Воины имели достаточно опыта и ловко подставляли щит под стрелу, выдерживая удар.

Всадники еще покидали город. Залпы следовали один за другим, пока перед Оттаром не выросли горы мертвых тел людей и коней. Кое-кого из воинов Самуки тоже сразило стрелой, но таких было мало.

Потом наступило затишье. Под защитой своих деревянных заграждений горожане принялись уносить трупы. Это заняло время, и монголы были рады внезапной передышке, ожидая продолжения кровавой резни. Подсчитав остатки стрел, Самука пришел в отчаяние. Даже если бы каждый выстрел унес жизнь одного врага, в конце концов все равно дошло бы до рукопашной схватки.

Бойня возобновилась. Самука был уверен, что удержит гарнизон, по крайней мере, до темноты, если всадники продолжат бросаться под стрелы. Преисполнившись надежды, Самука все же заметил странное оживление на городских стенах. Он быстро поднял глаза. Возможно, горожане просто меняли лучников или доставили им стрелы. Но, увидев, что происходит, Самука скривился. С городских стен спускались веревки, и воины быстро скользили по ним вниз, обжигая ладони.

Самука произнес несколько крепких слов, хотя и предвидел такую возможность. Его люди ни на минуту не прекращали расстреливать рвущихся из города всадников. А между тем сотни хорезмийцев строились в шеренги под городской стеной, недостижимые для монгольских стрел. Самука подозвал гонца и отправил его на другой конец города, где стоял Хо Са. Если его воины еще не были задействованы, гонец имел распоряжение взять несколько сот и ликвидировать новую угрозу. Вербки одна за другой свешивались со стен. Все больше и больше хорезмийцев спускалось вниз, пополняя и без того уже плотные ряды пеших воинов на земле. Противник становился увереннее и смелее. Наконец враги бросились в атаку, и хорезмийские щиты и мечи заблестели в лучах вечернего солнца. Самука видел приближение противника. Сердце сжалось. Самука снова взмахнул рукой, снова взвизгнула тетива, и стрелы засвистели в сторону всадников, упрямо гнавших коней навстречу смерти. Самука не мог провести маневр, пока не кончатся стрелы.

Если бы отарские военачальники решили обойти его с тыла, Самуке пришлось бы преградить врагам путь и отбросить назад. Он пока еще не мог позволить им уйти на помощь армии шаха. Самука не упускал их из виду. Однако разгневанный наместник явно поручил солдатам устранить монголов. Наступая, враги перешли на бег, и Самука отдал приказ стрелять по ним. Когда противник приблизился, отряд из пятисот лучников встретил их залпом. Стрелы достигли цели, но врагов было много. Все больше и больше их спускалось по веревкам со стен. И вот первые шеренги хорезмийцев вступили в схватку с монголами. От злости и отчаяния Самука крепко сжал зубы.

Его люди сражались отважно и яростно, когда четыреста монгольских всадников обехали город и налетели на всем скаку на пеших защитников Отрара. Осыпав врагов градом стрел, монголы обнажили клинки и врезались в ряды противника, жестоко разя врагов направо и налево. Поначалу стремительная атака принесла монголам успех, но на каждого всадника приходилось по три или даже четыре хорезмийца. На глазах у Самуки монголов убивали одного за другим, и вскоре наступление захлебнулось. Осаждаемые со всех сторон, они бились до последнего вздоха, но мусульмане урезали их число до нескольких десятков. Воины яростно защищались, но наконец пали и они. Почти десять тысяч хорезмийцев снова сомкнули ряды, и Самука громко взревел. Осталось последнее средство, хотя и его было недостаточно.

А за железными воротами уже стояли новые шеренги всадников. Они ликовали и поднимали щиты, зная, что победа идет к ним в руки.

В конце концов Самука вынул из-под седла шелковый стяг и поднял над головой. Он взглянул на холм за спиной, и по его лицу пробежала тень. Затем последовал треск. Катапульти вступили в дело.

Огромные и тяжелые глиняные ядра ворвались в городские ворота Отрара. Вынув стрелу, наконечник которой был обмотан промасленной тканью, Самука протянул ее воину, чтобы поджечь от факела. Как только в ворота влетело еще два ядра, Самука хорошенько прицелился и пустил стрелу.

Выстрел был вознагражден всполохом пламени, охватившим ворота и тех, кто пытался в этот момент выскользнуть через них. Китайский огонь являл жуткое зрелище. Жар чувствовался так далеко, что многие монгольские лошади тревожно попятись, и всадникам пришлось успокаивать их. Катапульти на холме продолжали работать. Ядра с зажигательной смесью летели в ворота, добавляя адского пламени, и вскоре раскаленные железные створы сами начали светиться. Самука понял, что может на какое-то время забыть о воротах. Никто не прошел бы сквозь это пламя живым. Самука намеревался присоединиться к Хо Са у ворот с противоположной стороны города, пока с этой бушевал огонь, но планы были разрушены. Слишком много вражеских воинов спустилось со стен.

Монголы направили на них луки, и, когда враги повалились на землю, Самука встряхнул головой, приводя мысли в порядок. Пешие воины не представляют угрозы Чингису, напомнил

себе Самука. И резкий звук сигнального рога заставил монголов развернуть коней к командиру.

Указав мечом направление, Самука пустил коня вскачь. Самука пронесся вблизи горящих ворот, чувствуя жар огня на щеке. Невзирая на близость врагов, город продолжал изрыгать новые партии солдат. Они скользили по веревкам вниз, чтобы заменить павших, но теперь никто не препятствовал им.

Странно было оставлять поле сражения. Отрар имел немалые размеры, и, объезжая его вокруг, Самука краем глаза замечал размытые очертания людских фигур, скользящих по стенам. Всадники Самуки мчались за ним. Он слышал топот копыт, запах гари и дыма. Он не знал, надолго ли хватит запасов горючих ядер, и корил себя за то, что не придумал способ удержать оба выхода из города.

Самука слышал голоса людей Хо Са раньше, чем увидел их. Одним порывистым движением правой руки он вынул свой лук из чехла. Стены города летели мимо, голоса становились все громче. Наконец взору Самуки открылась сцена кровавой битвы.

Самука с первого взгляда понял, что Хо Са пытается во что бы то ни стало удержать вторые ворота. Не имея поддержки катапульт, командир и его воины были оттеснены назад мощной волной хорезмийцев, которые дико орали, доходя в своем неистовстве до того, что вырывали стрелы из тела и продолжали идти вперед, оставляя кровавые следы на земле.

Последняя тысяча всадников Самуки ударила в спину врага, рассекая его ряды с таким мощным напором, что монголы едва не соединились с воинами Хо Са. Но вскоре атака захлебнулась, кони гибли или застревали в плотном кольце мертвых врагов. Самука потянулся за стрелой, но колчан оказался пуст. Бросив лук, Самука снова обнажил меч.

Хо Са сражался за каждую пядь земли, но его воинов теснили назад. Самука хрипел и рычал, пытаясь из последних сил прорваться к нему, но враги покидали город и неслись следом. Самуке казалось, что его поглотила темная морская пучина.

Солнце клонилось к западному краю неба. Самука понял, что ведет бой уже несколько часов. И все же недостаточно долго. Вторые ворота стояли в ста шагах от него, но не были охвачены пламенем. Самука видел, что всадники выезжают оттуда, но не вступают в бой, а уносятся прочь беспорядочной массой. Самука громко закричал от гнева и отчаяния. Даже небольшое конное войско, ударив в спину Чингису, могло переломить ход сражения.

Сбросив мертвое тело врага с правой ноги, Самука смахнул кровь, брызнувшую в глаза. Из пяти тысяч бойцов, которых дал ему Хасар, в живых оставалось только несколько сот. Потери противника намного превосходили число павших монголов, но теперь все было кончено. И все-таки Самука почему-то еще верил, что выживет, несмотря ни на что. Даже сейчас он едва ли мог представить себе, что его тело останется остывать на этой каменистой земле.

Пытаясь привлечь внимание Хо Са, Самука выкрикивал его имя, невзирая на столпившихся вокруг врагов, которые хватили Самуку за ноги, стараясь стащить с коня. Самука отбивался от них, пуская в ход и ноги, и меч, наконец Хо Са увидел своего командира. В первый миг Хо Са решил, что тот зовет его на подмогу, но Самука показал мечом на уносящихся прочь вражеских всадников. Хо Са едва успел повернуть голову в том направлении, как вражеский клинок рассек ему шею. Хлынула кровь. Хо Са повалился на землю.

С диким воплем Самука отрубил вцепившиеся в его бедро пальцы хорезмийца. Бородастые лица обступили его так тесно, что конь больше не мог сдвинуться с места. Самукой овладело неожиданное чувство умиротворения и покоя. Хасар не вернулся. Все было напрасно. Его воины умирали.

Крепкие руки ухватили его за ремень и доспехи, и, к собственному ужасу, Самука почувствовал, что начинает съезжать с седла. Самука расправился с врагом последним мощным ударом меча, но потом руку схватили, вырвали из пальцев клинок. Конь зашатался от невидимых ран. Враги подступили так близко, что Самука уже видел их оружие красные глотки. Отбиваясь

из последних сил, Самука заскользил вниз. С заходом солнца он упал под ноги беснующейся толпы. Его кололи мечами, били ногами. Он никогда не думал, что боль может быть такой страшной. В последний миг Самука подумал, что сделал все от него зависящее, но смерть все же была напрасной. Гарнизон Отрара получил долгожданную свободу.

Глава 15

Громко стучали копыта коней, но Субудай все равно слышал шуршание перьев у самого уха, когда натягивал тетиву. Привстав в седле, он прицелился в передние ноги слона, надвигавшегося как лавина. Воины с обеих сторон подражали действиям своего командира, и, как только тот отпустил тетиву, черная туча стрел понеслась вдаль. Воины ни на миг не задумывались о том, что им делать. Они усвоили это с тех пор, как в возрасте двух-трех лет их привязывали к спинам баранов и приучали ездить верхом. Еще до того, как первая стрела успевала поразить цель, другая уже была готова к полету. Стальные мускулы правого плеча без устали раздувались, натягивая тетиву.

Слоны ревели, вставали на дыбы, мотали головами. Стрелы больно жалили массивные серые ноги, выбивая из ритма движения. Громадные животные оступались, замедляли ход, но еще продолжали идти вперед. Некоторые высоко поднимали хоботы и грозно выставляли желтоватые бивни. Слоны прибавили шаг, но новая волна стрел заставила этих страшных зверей задрожать от боли. Стрелы, впиваясь им в ноги, наносили глубокие раны.

Субудай потянулся за новой стрелой, но пальцы схватили воздух: колчан опустел. К тому времени до кавалерии шаха осталось совсем чуть-чуть. Субудай вставил лук в тугую складку кожаного седла и занес меч, готовый рубить врагов.

Монголы пустили последние стрелы по линии наступающего противника, и Субудай встал в стременах, видя, как ближайšie к ним слоны, разъяренные болью, поднялись на дыбы. Звери шатались и топтались на месте, отказываясь подчиняться командам. Очумелые погонщики с дикими криками катились вниз. Сердце так и замерло в груди Субудая, когда один из погонщиков сорвался на его глазах с широкой спины и кубарем полетел на землю. Слоны ревели от боли, разворачивались и бежали назад, давя по пути коней и людей.

Субудай ликовал, видя, что огромные туши отступают, круша в бешенстве вражеские ряды. Животные проталкивались сквозь линии наступавших хорезмийцев, разбрасывая бивнями взрослых мужчин, словно косили траву. Ничто не могло остановить разъяренных зверей. Но цепочка передних рядов противника была разорвана бежавшими животными лишь ненадолго. Через пару мгновений уцелевшие мусульмане приходили в себя и стреляли из луков. Стрелы попадали в монгольских всадников и лошадей. Убитые и раненые летели на землю. Но живые лишь скалили зубы и мчались вперед. В последние мгновения перед схваткой Субудай наметил жертву и, подавая команды только коленями, направил коня к хорезмийцу.

Монгольские всадники смешались с передовыми рядами врага, сея хаос. Субудай снес голову хорезмийцу, но затем сам едва не упал с коня, уворачиваясь от удара другого мусульманина. Субудай привстал, выставил клинок, но тут же получил удар в плечо. Невысокий рост и собственный вес позволили ему удержаться в седле, когда еще один хорезмиец упал. Внезапно Субудай понял, что мчится по кровавому коридору, проложенному одним из слонов. Обезумевшие животные по-прежнему бушевали. Слепленные болью, они уносились прочь, равнодушные к разрушениям, которые оставляли после себя. Подыскивая новую жертву, Субудай в душе все же благодарил чудовищных зверей за помощь.

Буйство слонов привело воинов шаха в замешательство. Мусульманские лучники в страхе разбежались и гибли, попадая под мечи монголов, которые безмолвно рубили врагов. Отменные клинки тупились о неприятельские доспехи, но руки поднимались и опускались без

пощады и передышки. Если удар встречал вражеский щит, монголы наносили другой – сверху или снизу, – рассекая ноги и глотки. Монголы действовали быстрее своих противников.

Субудай вступил в поединок с громадным бородачом. Верзила самозабвенно орудовал саблей, но Субудай направил на него своего скакуна и сшиб с ног. Заметив в последний момент, что рукоять его кривой сабли без гарды, Субудай отсек бородачу сразу три пальца, и сабля выпала. Воины шаха были высокими и плечистыми. Может быть, людей в шахскую армию брали за их силу и рост, а не за умение, подумал Субудай между делом. Они неистово молотили саблями, но монголы снова и снова увертывались от клинков, затем наносили ответный удар, если могли, и продвигались вперед. Многие хорезмийцы, получив по три или четыре глубокие раны, истекали кровью и беспомощно валились на землю.

Сотни пехотинцев собрались вокруг всадника на вороном жеребце. Даже на расстоянии было видно, что у этого человека отличный конь. Всадник громко отдавал приказы, и воины выстраивались возле него, образуя клин. Субудай приготовился к контратаке. Но вместо этого мусульмане прикрылись щитами и начали отступление к главному войску.

Монгольскому полководцу не пришлось давать новых приказов. Его командиры минганов действовали самостоятельно. Четверо из них заметили отход вражеского войска и немедленно помчались к нему, организуя атаку. Стрелы сразили бы отступающих, но запасы иссякли. Мусульмане в строгом порядке покидали поле битвы, оставляя за собой горы трупов.

Вдали раздались звуки сигнальных рогов. Услышав их, Субудай поднял голову и увидел тумены Чингиса. Хан наконец-то домчался до места сражения. Субудай вытер пот с глаз, испытывая жуткое наслаждение.

Его люди рассеяли врагов, но Субудай был встревожен. Организованное отступление противника удалось. Монголам не позволили полностью разгромить выдвинутый против них отряд и отсесть голову главного войска шаха. Субудай и несколько сот воинов остановились у передовой, наблюдая за войском противника. Остальные добивали последних хорезмийцев, беспомощно сбившихся в мелкие группы. Субудай думал о том, кем был тот молодой военачальник, предотвративший полный разгром своего отряда. В разгар сражения он смог собрать воинов вокруг себя и сохранить им жизнь. Субудай добавил новое наблюдение к тому, что уже знал о враге. Один толковый военачальник у шаха, кажется, был.

Монгольские минганы начали построение среди разрубленных тел, брошенных доспехов и оружия. Некоторые воины спешили, чтобы вынуть из трупов драгоценные стрелы, но лишь немногие из них можно было использовать снова. Сердце слегка успокоилось, и Субудай окинул взглядом поле боя, ища себе применение. Армия шаха покинула перевал. Ее арьергард жестоко кромсали тумены Джучи и Джебе. Солнце низко повисло над западным краем неба, и Субудай сомневался, что Чингис успеет вступить в сражение до того, как стемнеет.

Субудай задумчиво кивнул. Он видел, что последние из передового отряда присоединились к основному войску шаха и теперь злобно пялились на монголов, выстраивающихся среди разбросанных тел. Почти все слоны скрылись из виду. Несколько огромных туш остались лежать на земле, время от времени дергая ногами в предсмертной агонии. Хорезмийцы добились животных, не позволив им причинить еще больший ущерб своей армии. Субудай чувствовал усталость и боль во всем теле, однако до окончания битвы было еще далеко.

– Встать в строй! – прокричал Субудай, и те, кто слышал его команду, подчинились.

Армия шаха продолжала маршировать как ни в чем не бывало. Субудай едва верил своим глазам, но шахские войска были настроены достигнуть Отрара настолько решительно, что продолжали движение, невзирая на опасность новой атаки.

Субудай покачал головой. Его командиры показали, на что способны отряды, когда действуют на свой страх и риск. Но шахское войско неотступно продвигалось вперед, подчиненное одной воле, что бы ни случилось. И Субудай подумал, что шах, должно быть, так же безжалостен к своим людям, как и Чингис.

Джелме со своими воинами присоединился к минганам Субудая. На лицах шахских солдат был страх. Теперь они хорошо знали, что произойдет, как только монгол даст приказ. Хорезмийцы натягивали луки и готовились отражать нападение.

Субудай потянулся к висевшему на шее сигнальному рогу, но обнаружил, что вражеская сабля рассекла его пополам. Субудай уже не помнил, как это случилось. Он выругался, не обратив внимания на усмешки, вызванные его словами у тех, кто был ближе.

– За мной! – заревел Субудай.

Слева от него всадники Джелме тоже ударили пятками и пустили коней галопом.

Чингис гнал скакуна во весь опор, чтобы добраться до места вовремя. Двадцать миль остались позади. Когда показалось поле битвы, лошадей поменяли. Шахское войско покидало перевал, и ничто не могло этому помешать. Чингис обернулся назад. Следом скакал его сын Чагатай, чуть поодаль мчался Хасар. Они привели все пятьдесят тысяч всадников. За ними тянулся огромный табун запасных лошадей. И все же им по-прежнему противостояла громадная армия, арьергард которой находился так далеко, что уже не хватало глаз. Слева мелькали едва различимые издали стяги Субудая. Он атаковал с фланга. Следом за мусульманами поднимались и клубились в воздухе облака пыли. Чингис почти не сомневался, что Самука и Хо Са уже мертвы, но Отрар остался далеко позади, и его гарнизон сегодня не мог причинить вреда. Чингис сделал все, что было в его силах, а теперь уже как кости лягут. Он пошел на крайние меры, но должен был зажать армию шаха в капкан и нанести ей здесь главный удар. Другого выхода не было.

Чингис велел знаменосцу поднять флаг, и золотое полотнище затрепетало на ветру. Тысячи луков заскрипели вдоль всей линии нападения. Передовые ряды хорезмийцев съежились, готовясь к удару, но их командиры гнали людей вперед. Никому не хотелось встретиться вновь с этими суровыми воинами, но спасения от них не было. Когда золотой стяг взметнулся ввысь, раздался яростный крик и воздух почернел от стрел.

Монголы с ревом налетели на врага подобно лавине, скорость и мощь которой были не менее опасны, чем оружие. Они широкими шупальцами обхватили голову неприятельского войска и мчались вдоль флангов, нанося удар за ударом на всем скаку. Когда оба войска сошлись в бою, солнце уже пряталось за линией горизонта, окутывая землю серыми сумерками. Но вечер выдался ясный, и, круша врага, монголы как будто не желали напрасно терять ни минуты.

Шах Ала ад-Дин Мухаммед ахнул от неожиданности, когда группа монголов едва не прорвалась к нему. Всадники из личной гвардии шаха сразили вражеских воинов. Но шаха окружили со всех сторон, и половина шахской армии долго не могла отбросить противника. Боясь новой опасности, шах лихорадочно оглядывался по сторонам и смотрел во все глаза. Вот-вот должно было стемнеть, но монголы сражались как одержимые. Они не издавали ни звука, даже когда жизнь покидала их. Видя, что происходит вокруг, шах лишь беспомощно качал головой. Монголы будто не чувствовали боли. Его сын Джелал ад-Дин говорил, что они больше похожи на бессловесных тварей, чем на людей, и, видимо, был прав.

Армия все же не останавливала движения, хотя воинам шаха это удавалось с большим трудом. Они из последних сил боролись с желанием отступить и бежать без оглядки от лютого врага. Монголы рубили их на куски с флангов и не прекращали атаковать с тыла, подгоняя вперед.

Все больше и больше гибло воинов хана, пытавшихся пробиться к центру шахского войска. Они еще держали строй, яростно отражая атаки прорывающихся сквозь их ряды всадников. Хорезмийцы уступали монголам в скорости, но щиты хорошо защищали от стрел. Тех, кто проникал внутрь разъяренной массы, били саблями со всех сторон и кромсали на части.

Монголов отбрасывали назад снова и снова. Проплывая на слоне мимо изрубленных врагов, шах Мухаммед ликовал.

Опустилась тьма, и все вокруг походило на ад. Отовсюду раздавались крики людей, ведущих бой в бушующем море теней и кинжалов. Будто свирепый джинн окружил войско шаха, и только топот копыт гремел в ушах. Воины вздрагивали и пятились, с ужасом обнаруживая, что кони мчатся прямо на них. В небе сияли звезды. Медленно поднимался серп луны.

Шах полагал, что монголы могут продолжать атаку до самого рассвета, и постоянно молился, прерываясь лишь ненадолго, чтобы отдать новый приказ. Ала ад-Дин надеялся, что доживет до утра. И снова личной гвардии пришлось потрудиться, отбивая прорвавшуюся далеко к центру колонну. Восьмерых или девятирех монголов убили шахские стражники, остальных отбросили назад, где их прикончили сабли мусульман. Ала ад-Дин заметил, что отпрыски древних родов вполне довольны собой. Сверкая зубами, они похвалялись друг перед другом хорошим ударом. Их армию рвали и резали на куски, но сыновей благородных семейств это не трогало. В конце концов, все в руках Аллаха.

Рассвет обещал обнажить окровавленные лохмотья собранной шахом армии. Лишь мысль о том, что враги пострадали не меньше, приносила ему утешение.

Он не заметил, как умолк шум сражения. Шаху казалось, что он прожил под грохот копыт всю свою жизнь. Когда все вокруг начало стихать, шах потребовал к себе сыновей и ждал от них новостей. Его войско продолжало маршировать, и с рассветом до Отрара останется пройти совсем немного.

Наконец доложили, что монгольский хан отступил. Ала ад-Дин благодарил Аллаха за избавление. Он знал, что всадники не будут атаковать ночью. В призрачном свете луны они не смогли бы наносить удары без риска столкнуться друг с другом. Когда явились разведчики, шах выслушал их доклад, оценивая расстояние до Отрара и расспрашивая о позициях монгольского хана.

Ала ад-Дин приготовился разбить лагерь. На рассвете они тронутся в путь, и проклятые монголы снова будут осыпать стрелами его людей. Теперь, когда Отрар показался на горизонте, войска перегруппируют, расширят шеренги и выставят больше воинов, вооруженных саблями, чтобы отражать атаки монголов. За последний час битвы они потеряли убитыми не меньше, чем хорезмийцы. В этом шах был уверен. Но прежде им удалось выпустить кишки его несметному войску. Оглядываясь по сторонам, шах пытался представить, сколько его воинов уцелело после сражения в горах. Однажды он видел, как охотники преследовали раненого льва, волочившего свое тело подальше от их смертоносных копий. Ему проткнули брюхо, и, ползя по земле, зверь оставлял за собой кровавый след в ширину своего тела. Шах невольно сравнивал с раненым львом свою армию в ее нынешнем положении. Ярко-красная жижa осталась лежать на ее пути. Наконец шах дал приказ остановиться, услышав в ответ многоголосый вздох облегчения тысяч людей, которым позволили долгожданный отдых. Шах начал спускаться вниз, но вспыхнувшие далеко на востоке огни задержали его. Он хорошо знал блестящие точки военных костров и, стоя на спине слона, наблюдал, как все новые и новые огни вспыхивали вдаль, будто звезды на небе.

И люди шаха принялись разводить костры, принося хворост и кизяк, который везли на верблюдах. Утром будет новая битва. Заслышав голоса, призывавшие правоверных к молитве, Ала ад-Дин резко кивнул. Аллах все еще был на его стороне, и хан монголов тоже будет истекать кровью.

Когда месяц показался на небе, Чингис собрал своих военачальников вокруг костра. В угрюмом настроении они ожидали, что скажет хан. Их тумены лишили жизни многих воинов шаха, но и потери монголов были чудовищны. В течение одного часа перед наступлением

темноты погибло четыре тысячи опытных воинов. Они почти подобрались к самому шаху, но хорезмийские клинки обрушивались разом и рубили их.

Джебе и Джучи прибыли в лагерь вместе. Хачиун и Хасар поприветствовали их, однако Чингис только буравил взглядом. Субудай и Желме даже поднялись, чтобы поздравить молодых полководцев стоя. По всему лагерю уже рассказывали историю об их долгой скачке и битве с врагами.

Чагатай тоже слышал новость. С перекошенным от ненависти лицом наблюдал он за тем, как Желме похлопывает по спине его старшего брата. Чагатай просто не понимал, чему они все так рады. Он ведь тоже сражался и выполнял приказы отца, вместо того чтобы пропадать бог знает где в течение нескольких дней. Он-то, по крайней мере, был там, где велел ему Чингис. Чагатай рассчитывал, что Джучи и Джебе устроят хорошую взбучку за долгое отсутствие, но даже их запоздалый удар по тылам шахского войска называли чуть ли не гениальным маневром. Глядя на отца, Чагатай задумчиво обсасывал передние зубы.

Чингис сидел скрестив ноги. Бурдюк арака – на бедре, чашка кислого творога – в ногах. На тыльной стороне левой руки запеклась кровавая корка, на голени правой ноги – тугая повязка, сквозь которую еще сочилась кровь. Чтобы не видеть лица довольного глупой похвалой брата, Чагатай отвернулся. Чингис вычистил чашку, собрав пальцем остатки творога, и сунул их в рот. Тишина наступила, как только хан отставил чашку в сторону и выпрямил спину.

– Самука и Хо Са, должно быть, уже мертвы, – наконец произнес Чингис. – Гарнизон Отрара, возможно, неподалеку от нас, и неизвестно, сколько людей осталось у них в живых.

– Темнота их не остановит, – ответил Хачиун. – Может, они возьмут коней под уздцы и пойдут пешком, но в любом случае доберутся до шаха раньше рассвета.

Хачиун говорил и одновременно вглядывался в темноту в направлении того места, откуда можно было ожидать появления вражеской конницы. Дальше виднелись огни костров шахского лагеря. Даже после стольких потерь костров были сотни. Их огоньки мерцали всего в нескольких милях к западу от монгольского лагеря. Никто не сомневался, что разведчики хорезмийцев уже мчатся навстречу оттарским всадникам, чтобы показать дорогу в лагерь. Ночная мгла служила им надежным прикрытием.

– Я выставил дозоры вокруг лагеря, – продолжил Чингис. – Если посмеют сунуться сюда, то нас не застигнут врасплох.

– Кто станет нападать ночью? – возразил Хасар.

Он все еще думал о Хо Са и Самуке, почти позабыв о полоске вяленой козлятины, которую мял в руках. В бликах красного пламени Чингис посмотрел на брата.

– Мы, – сказал хан.

От неожиданности Хасар чуть не подавился куском мяса, но прежде, чем он успел ответить, Чингис заговорил снова:

– Разве у нас есть выбор? Мы знаем, где враг, а стрелы закончились. Если нападём со всех сторон, то не столкнемся друг с другом.

– Месяц сегодня бледный, брат. Мы не увидим знамен. Каким образом узнаем о том, как идет бой? – хриплым голосом заметил Хасар.

Чингис поднял голову:

– Узнаете об этом, когда они побегут. Или как только начнут убивать вас самих. У нас не осталось выбора. Или хотите, чтобы я дождался, когда войско из двадцати тысяч всадников присоединится к шаху? Двадцать тысяч свежих бойцов, отдохавших, пока мы воевали.

В свете костра Чингис оглядел военачальников. Многие из них передвигались с трудом. Правое предплечье Желме перетягивала окровавленная повязка, еще сырая.

– Если я знаю Самуку, то от прежнего войска Отрара не осталось и половины, – пробурчал Хасар, но Чингис не ответил.

Субудай прочистил горло, и Чингис повернулся к молодому полководцу.

– Повелитель, летучие отряды хорошо справлялись, когда у них были стрелы. Ночью любая атака будет встречена сплоченными рядами щитов. Мы можем потерять всех людей. – Чингис фыркнул, но Субудай продолжал. Его тихий голос успокаивал остальных. – Одна колонна может пробиться вглубь рядов противника, но сегодня мы видели, что из этого получилось. Эти мусульмане не бегут от нас. С ними не так-то просто. С каждым нашим шагом вперед сбегается больше воинов, пока они наконец не получают численное превосходство.

– Можешь предложить что-то другое? – огрызнулся Чингис. Хотя голос хана звучал твердо, он все-таки слушал. Чингис уважал Субудая за его острый ум.

– Нам надо обмануть их, повелитель. Это можно сделать с помощью ложной атаки с противоположной стороны. Они пошлют людей туда, а мы ударим с нашей стороны. – Размышляя, Чингис качал головой. Но Субудай продолжал: – Что, если мы отошлем небольшое число людей с табуном на левый фланг шахского лагеря? Пусть возьмут всех свободных лошадей и поднимут как можно больше шума. Как только шах пошлет солдат туда, мы обрушимся на их правый фланг всеми силами, какие у нас есть. Возможно, это имеет смысл.

Пока хан обдумывал предложение, Субудай ждал, затаив дыхание, хотя сам того даже не замечал.

– Хороший план... – начал было хан, но тут в ночи затрубил сигнальный рог, и все напряглись.

Словно отвечая гудению рога, вдали послышался гул. Он подкатывался к лагерю. Пока полководцы говорили и ели, шах сам напал на их лагерь.

Как по команде все вскочили на ноги, намереваясь разойтись по туменам.

– Все проще, Субудай, – сказал Хасар, проходя мимо.

В ответ на его высокомерный тон Субудай лишь показал зубы. Он предвидел такую атаку, и воины были готовы.

Глава 16

Вглядываясь в огни далеких костров, Джелал ад-Дин пустил коня рысью. Воины бежали рядом с обеих сторон. После битвы люди устали, но Джелал ад-Дин уломал отца разрешить ему провести ночную атаку, полагая, что лучше всего напасть на монголов, пока те спят. Мысль о том, что драгоценные телохранители отца до сих пор получили лишь несколько пустяковых царапин, просто бесила. Именно теперь, когда родовитые бездельники могли бы доказать, что недаром едят свой хлеб, шах отказался отправить их вместе с сыном. Помянув недобрым словом отца, а заодно и Калифу за то, что тот угробил всю кавалерию, Джелал ад-Дин подавил-таки злость и постарался сконцентрироваться. Одного хорошего налета на вражеский лагерь могло бы хватить, чтобы наконец сломить противника. Месяц скрылся за облаками, и принц осторожно скакал по неровной земле, ожидая, что вот-вот поднимется шум и суета.

Но все началось раньше, чем предполагалось. Вражеские часовые подали сигнал прежде, чем их успели убить. Джелал ад-Дин обнажил меч и, рискуя сломать себе шею, пустил скакуна быстрее. Оставив позади бегущих воинов, он направил коня на монгольские костры.

После нескольких дней боев хан оборудовал свой лагерь наспех. Слева от Джелала ад-Дина полыхало множество костров, в зареве которых виднелись многочисленные скопления людей. Ночи были холодными, и люди должны были жаться ближе к огню. На правом фланге костры горели на большем расстоянии друг от друга, заканчиваясь всего несколькими удаленными яркими точками на окраине лагеря. Туда-то и повел шахский сын своих людей, горя желанием отомстить за пролитую кровь хорезмийцев.

Уже слышались гневные и дикие вопли монголов, поднявшихся отразить нападение. Джелал ад-Дин выкрикнул громкий вызов врагам, и его воины вторили ему в темноте. Костры становились все ближе, но вот со всех сторон внезапно возникли люди, и оба войска сошлись.

Джелал ад-Дин едва успел ахнуть от удивления, как вдруг полетел на землю, когда подбили его коня.

Вместе с Джучи, Джебе и Чагатаем Субудай ждал. Ему и принадлежала идея развести костры, чтобы сбить с толку беспечного врага. Там, где ярко полыхали костры, полководец оставил всего нескольких человек, чтобы поддерживали огонь. Но отряды опытных воинов расположились группами возле своих лошадей вдали от костров и тепла. Людям, рожденным в морозных степях, ночной холод был нипочем. Когда войско мусульман подошло ближе, они обрушились на него с громким яростным криком.

Вскоре после того, как завязался бой, мусульман отбросили назад. Их враги дрались и учились воевать с ранних лет. Правая рука у них не уставала, когда наносила удар за ударом, сбивая противника с ног. Под громкие команды Субудая монголы нажимали, продвигаясь вперед плечом к плечу. Их низкорослые лошади осторожно переступали через мертвые тела.

Месяц снова вышел из-за облаков, но атака быстро захлебнулась, и хорезмийцы были вынуждены спасаться бегством. Унося ноги, они оглядывались назад, боясь, что монгольские лошади и клинки настигнут их. Едва ли половина ратников уцелела, но Джелал ад-Дин был среди них, униженный и без коня. Очумевший от хаоса и страха, он с трудом ковылял назад к отцу. А далеко позади монголы прикончили раненых и ждали рассвета.

Меря шатер шагами, шах Ала ад-Дин наконец повернулся и строго взглянул на старшего сына. Боясь гнева отца, принц нервничал.

– Откуда они узнали, что ты нападеешь? – внезапно потребовал ответа шах. – В моей армии нет шпионов. Этого не может быть.

Переживая из-за своей неудачи, Джелал ад-Дин не посмел ничего ответить. В глубине души он догадывался, что монголы попросту предусмотрели возможность нападения, не зная ничего наверняка. Но принц как будто не решался похвалить их перед возмущенным отцом.

– Теперь ты понимаешь, почему я не дал тебе мою личную гвардию?! – негодовал шах.

Джелал ад-Дин сглотнул. Он считал, что монголам не удалось бы разгромить его с такой легкостью, имея он пять сотен всадников, но усилием воли подавил возражение.

– Ты мудр, отец, – ответил он. – Завтра они дадут нам бой.

Принц отступил на шаг, когда отец подлетел к нему так близко, что его колючая борода едва не коснулась лица сына.

– Завтра мы умрем, – огрызнулся шах. – Как только хан узнает, сколько у меня осталось людей, он бросит на нас все силы – и нам конец.

Негромкое покашливание у входа в шатер выручило Джелал ад-Дина. Слуга его отца Аббас стоял в лучах лампы, переводя взгляд с отца на сына, чтобы выяснить обстановку. Джелал ад-Дин нетерпеливо махнул рукой, прогоняя слугу, однако тот не послушал и прошел внутрь шатра, кланяясь шаху. Аббас принес пергамент из телячьей кожи и чернильницу, поэтому Джелал ад-Дин не решился сразу выставить его вон.

Выказывая почтение шаху, Аббас коснулся рукой лба, губ и сердца и только затем поставил письменные принадлежности на маленький столик у стены. Шах кивнул. Гнев долго не сходил с поджатых губ и раскрасневшихся щек старика.

– Что это? – наконец спросил принц.

– Месть за кровь, Джелал ад-Дин. Как только я поставлю свое имя под этим посланием, оно станет приказом ассасинам очистить мои земли от хана.

Принц почувствовал облегчение, но едва сдержал дрожь при одном лишь упоминании их имени. Секта фанатиков-шиитов пользовалась дурной славой, хотя отец поступал мудро, привлекая их на свою сторону.

– Сколько ты им заплатишь? – тихо спросил Джелал ад-Дин.

Отец ответил не сразу. Склонившись над плотным пергаментом, он вычитывал подготовленный Аббасом текст.

– Мне некогда торговаться. Я даю расписку в том, что сто тысяч золотом будут выплачены из моей личной казны. Они не откажутся от такой суммы, даже если речь идет о голове хана.

При мысли о такой куче денег ладони Джелал ад-Дина намокли и похолодели. Этой суммы хватило бы, чтобы купить огромный дворец или заложить крупный город. Но принц хранил молчание. Свой шанс разбить монголов он упустил этой ночью.

Как только шах поставил подпись, Аббас скрутил толстые пергаментные листы и перевязал их кожаной тесьмой, искусно затянув узел. Слуга отвесил шаху низкий поклон и удалился, оставив мужчин наедине.

– Ему можно доверять? – спросил Джелал ад-Дин, как только слуга вышел.

– Кажется, даже больше, чем моим собственным сыновьям, – раздраженно ответил шах. – Аббас знаком с родственниками одного из ассасинов. Он благополучно передаст послание, и тогда уже ничто не спасет этого хана, эту собаку, которая пролила столько крови моих людей.

– А если вдруг хан завтра умрет, деньги вернут? – поинтересовался Джелал ад-Дин, все еще думая о несметном богатстве, с которым его отец расстался одним росчерком пера. Почувствовав, что шах движется к нему, он отвернулся от входа в шатер и посмотрел на отца.

– Завтра он не умрет, Джелал ад-Дин, если только Аллах не покарает его за дерзость. Неужели ты до сих пор не понимаешь? Разве ты не понял, когда прибежал сегодня назад?

Отец говорил с негодованием, причин которого Джелал ад-Дин до конца не понимал, а потому и сказать ему было нечего.

– Не понимаю... Но чего? Я ведь...

– Моей армии конец, – отрезал шах. – После твоего поражения этой ночью у нас едва ли хватит людей, чтобы сдержать утром атаку хотя бы одного из этих поганных военачальников. Их стараниями у нас осталось меньше тридцати тысяч, и даже если сейчас появится гарнизон Отрара, мы все равно проиграли. Теперь ты понимаешь?

От слов отца у Джелал ад-Дина скрутило желудок. Битва растянулась на дни, шло жаркое сражение, но и поле брани было огромным. Он просто не знал, насколько серьезные потери понесла армия хорезмшаха.

– Так много погибло? – наконец спросил он. – Неужели такое возможно?

Отец вскинул руку, и на миг принц подумал, что шах сейчас ударит его. Однако тот только повернулся и взял стопку донесений.

– Хочешь пересчитать заново? – спросил шах. – Шлейф из трупов тянется за нами на сотню миль, а монголы по-прежнему сильны.

Джелал ад-Дин поджал губы, принимая решение.

– Тогда передай командование мне. На завтрашний день. Забирай свою личную гвардию и возвращайся назад в Бухару и Самарканд. Придешь сюда весной с новой армией и отомстишь за меня.

На мгновение грозное выражение шаха смягчилось. Глаза ласково смотрели на старшего сына.

– Я никогда не сомневался в твоей храбрости, Джелал ад-Дин.

Шах протянул руку, обнял сына за шею и заключил его в краткие объятия. Когда отец отпустил сына, тот вздохнул.

– Но я ни за что не отдам твою жизнь. Ты пойдешь со мной, а в следующем году мы приведем войско в четыре раза больше, чем это, и искореним безбожников. Я соберу всех, кто способен держать оружие, и отомщу огнем и кровью. К тому времени ассасины разделяются с их ханом. За такие деньги они будут действовать быстро.

Джелал ад-Дин низко поклонился. Из темноты за стенами шатра доносился лагерный шум и стон раненых.

– Значит, выезжаем сейчас?

Возможно, шах и почувствовал угрызения совести, но виду не подал.

– Собирай своих братьев. Передай командование самому старшему из военачальников, оставшихся в живых. Скажи ему... – Глаза шаха отрешенно скользнули вдаль. – Скажи ему, чтобы воины подороже продали свою жизнь, если хотят попасть в рай. Они испугаются, когда узнают, что меня нет, но должны выстоять.

– Монголы пойдут по нашему следу, отец, – ответил Джелал ад-Дин, уже задумываясь о том, что взять с собой.

Всадников из личной гвардии шаха следовало собрать как можно тише, чтобы не встревожить тех, кого они собирались покинуть. Шах нервно взмахнул рукой:

– Мы двинемся на запад, потом повернем на северо-восток, когда отойдем подальше от Отрара. Земля велика, сынок. О том, что мы ушли, узнают только завтра. Возьми все, что нужно, и возвращайся, когда будешь готов.

– А как же Отрар? – спросил Джелал ад-Дин.

– Отрар уже не вернуть! – отрезал шах. – Мой братец Иналчук сам виноват. Это он навлек на нас это бедствие. Если бы мог, я придушил бы дурака собственными руками.

Склоняя голову, Джелал ад-Дин коснулся лба, губ и сердца. Его мечта возглавить победоносное войско рухнула, но он должен был повиноваться отцу, а с победой можно было пока подождать до лучших времен. Несмотря на унижение и ужас, пережитые во время сражения с монголами, он ни во что не ставил людей, отдавших жизнь за его отца. Ведь они принадлежали шаху, и любой из них умер бы, чтобы защитить своего господина. Как им и надлежало, думал принц.

Он действовал быстро, пока месяц еще плыл над головой. Близился рассвет, и к тому времени, когда станет совсем светло, надо было уйти подальше от поля битвы и монгольских разведчиков.

Чингис ждал. Луна и звезды заливали бледным светом шеренги темных фигур, стоявших за его спиной. Хасар был рядом, но никто из братьев не нарушал молчания. Разведчики доложили, что гарнизон Отрара покинул город. Но и теперь отрарские всадники вряд ли успели бы добраться до лагеря хорезмийцев, чтобы отбить ночную атаку монголов. Оставляя лагерь, Чингис передал командование Субудая, самому талантливому из своих военачальников. Хан вовсе не надеялся, что до утра удастся хоть немного поспать, но его воины привыкли к этому. Мясо, сыр да жгучий черный арак – вот и все, что им требовалось, чтобы поддержать силы.

В ночной мгле послышался шум, и Чингис поднял голову. Он щелкнул языком, чтобы привлечь внимание тех, кто находится рядом с ним, но они тоже слышали звуки. Чингис сожалел о смерти Хо Са и Самуки, но чувство жалости быстро исчезло. Не пожертвуй он ими, то погубил бы и себя, и других. Чингис посмотрел влево и вправо, прислушиваясь к звукам из темноты.

Пора. Чингис обнажил меч, и тотчас воины передовой шеренги приготовили копья. У воинов не было стрел. Субудай провел добрую половину ночи, наполняя колчаны последними стрелами, но они понадобятся, когда наступит рассвет. Впереди слышался топот шагающих лошадей, и свободной рукой Чингис смахнул усталость с глаз. Иногда ему казалось, что он воюет с темнокожими безумцами всю свою жизнь.

Вместе с Джелме он выбрал удобное место под невысоким холмом, где можно было скрыться от глаз врагов. Даже в свете луны никто не заметил бы его. Лишь разведчики, оставив лошадей позади, все время находились в движении. Перемещаясь под покровом ночи, они приносили сведения и были глазами Чингиса. Когда один из разведчиков появился из темноты и подбежал к нему, Чингис наклонил голову и выслушал тихие слова донесения, довольно бормоча что-то в ответ.

Как только разведчик снова растворился во тьме, Чингис подвинул коня ближе к Хасару. – У нас больше людей, чем у них, брат! Самука и Хо Са, наверное, дрались как тигры.

Хасар хмуро кивнул:

– Кажется, пора. Я уже замучился скакать вокруг их необъятных армий. Ты готов?

Чингис фыркнул в ответ:

– Этот гарнизон я жду уже целую вечность, братец. Конечно же я готов.

Братья разъехались в стороны, и вскоре монгольское войско поднялось на вершину холма. Впереди остатки отарского гарнизона двигались на юг, чтобы соединиться с армией шаха. Неожидавшее появление монгольских всадников заставило их остановиться, но, когда всадники опустили острые копыта, спасения ждать уже было неоткуда.

Эхо разнесло далеко по холмам звон и грохот железа. Услышав знакомые звуки, шах крепче схватился за поводья коня. В свете луны Ала ад-Дин мог видеть размытые очертания вступивших в бой людей, но не мог точно знать, что происходит вдали. Возможно, проклятые монголы вновь взяли за свое и напали.

Вместе с четырьмя сотнями уцелевших всадников шах и его сыновья бросили свое войско и умчались прочь, не теряя даром ни минуты. Обернувшись на восток, шах увидел первые проблески утра. Как он ни старался, но отделаться от сожалений и занять голову мыслями о будущем не получалось. Он привел войско, чтобы сокрушить завоевателей, но вместо этого увидел смерть своих лучших людей. Монголы оказались неутомимыми убийцами. Он явно недооценил их. Лишь надежда на то, что Аббас доставит послание ассасинам, приносила утешение. Эти люди тьмы не ведали неудач, и шах только жалел о том, что не увидит лица ненавистного хана в тот самый миг, когда их черные, как копоть, ножи вонзятся ему прямо в сердце.

В теплом ночном воздухе лагеря Кокэчу чувствовал страх. Шаман видел его в мерцании ламп, подвешенных на столбах, что стояли на всех перекрестках внутри лабиринта юрт. Женщины и дети были напуганы: в темноте враги мерещились им повсюду. Расползавшийся ужас пьянил Кокэчу. Вместе с калеками, братом Чингиса Тэмуге и китайцем Яо Шу шаман был в числе очень немногих мужчин среди тысяч и тысяч напуганных женщин. Не так-то просто было скрывать восторг, в который приводили шамана их взволнованные лица. Сначала он наблюдал за тем, как женщины делают все возможное, чтобы уберечься от нападения. Они резали солому, набивали ею одежду, крепили к ней доспехи воинов и привязывали к лошадям. Потом одна за другой женщины потянулись к шаману. Они приходили к нему каждый день и предлагали все, чем владели, за молитву о благополучном возвращении мужей с войны. И тогда шаману приходилось держать себя в руках, постоянно напоминая себе, что их мужчины вернутся и спросят у жен, чем те занимались, пока их не было дома. Когда молоденькие девушки являлись в его юрту, трогательно выкладывали на пыльный пол подношения и становились перед ним на колени, чтобы произнести монотонные слова заклинаний, шаман иногда клал руку им на волосы и пламенел радостным чувством, направляя женщин в их скорбных молитвах.

Тэмулун, сестра хана, стала самым тяжелым его испытанием. У нее были длинные ноги и гибкое тело, в котором ощущалась сила ее брата. Она приходила трижды, чтобы просить у шамана защиты для Палчука, своего мужа. В третий раз от ее тела пахло потом. Невзирая на предостережения внутреннего голоса, шаман настоял на том, что охранительный узор следует нанести на голое тело. Он уверял, что сила оберега перейдет на всех, кто был любим ею. Вопреки дурному предчувствию, стоило Кокэчу вспомнить об этом, как его охватывало возбуждение. С какой надеждой смотрела она в его глаза. А как сильно верила! Подчинив ее своей воле, он сделался безрассудным. Шаман рассказал ей о самом мощном из всех оберегов, который стал бы надежным заслоном от вражеского клинка. Кокэчу отбросил сомнения, и в конце

концов женщина уступила его уговорам и стала умолять о такой защите. С трудом скрывая пылкое чувство, шаман склонился к ее мольбам.

Скинув одежды, обнаженная Тэмулун предстала перед ним, и он принялся читать заклинания. Теперь он вспоминал, как дрожали его пальцы, когда она закрыла глаза, позволив нанести на свое тело рисунок овечьей кровью.

Кокэчу бесцельно бродил, предаваясь воспоминаниям. Внезапно остановился и тихонько выругался. Он понял, что совершил глупость. Вначале Тэмулун стояла исполненная величия и покоя. Она закрыла глаза, а палец шамана чертил красные линии, легонько нажимая на нежную плоть. Шаман выводил кровавый узор, пока линии на ее животе и ногах не скрестились. Желание переполняло шамана, и, возможно, он начал дышать слишком часто и тяжело или Тэмулун просто заметила его похотливый взгляд. Кокэчу вздрогнул при мысли о том, что чувствовала она, когда он, склонившись, прижал палец к ее бедру. Выйдя из транса, она подняла веки и посмотрела на него сквозь курящийся дым. Сомнение вдруг мелькнуло в ее глазах. Вспомнив выражение ее лица, шаман содрогнулся. Его рука подолгу задерживалась на женской груди, оставляя на ней отпечатки блестящей крови, запах которой все еще наполнял его ноздри.

Потом Тэмулун схватила одежду и убежала. Обряд так и остался незавершенным. Шаман возражал, но она не слушала. Он смотрел убегающей женщине вслед, чувствуя, как скрутило желудок от того, что он осмелился сделать. Ее мужа шаман не боялся. Мало кто из мужчин имел дерзость даже говорить с ним, и Кокэчу не сомневался, что мог бы выставить ее мужа за дверь. В конце концов, шаман был духовным наставником самого хана, и именно он, Кокэчу, приносил Чингису одну победу за другой.

Подумав об этом, Кокэчу прикусил губу. Расскажи Тэмулун Чингису о своих подозрениях, о руке, что так неосторожно шарил по ее бедрам и груди, и уже ничто в целом мире не спасло бы его. Шаман пытался убедить себя в том, что она ничего не скажет. Дневной свет охладит ее, и она сама поймет, что ничего не знает об общении с духами. Возможно, следовало разрисовать подобным манером кого-нибудь из калек, и тогда слух о ритуале дошел бы и до нее. Шаман серьезно обдумал новую идею, но потом снова стал клясть свою похоть, понимая, что из-за безрассудной страсти поставил все под удар.

Кокэчу стоял на перекрестке, наблюдая, как две девушки ведут под уздцы низкорослых коней. Проходя мимо, девушки поклонились, и шаман одарил их снисходительным взглядом. Его авторитет непререкаем, подумал он, его тайны не будут раскрыты. Многие женщины в лагере не дождутся мужей с войны. Ему достанутся лучшие, когда он примется утешать их в неизбывном горе.

Глава 17

Рассвет еще не позолотил землю, а те, кто остался в живых из десяти полных туменов, покинули пепелища догоревших костров и собрались вместе. Не было ни одного тумена, который не пострадал бы в боях, а некоторые теперь насчитывали всего по несколько тысяч бойцов. Воинов, получивших слишком тяжелые ранения, оставили в перевозном лагере залечивать раны или тихо умирать рядом с соратниками. Шаманы, которые могли бы зашить их тела и вылечить их, были сейчас далеко. Многие тяжелораненые просили о быстрой смерти. Им даровали ее одним ударом меча, оказав все положенные почести.

В тишине сумерек свежий ветерок с равнины холодил и вызывал дрожь. Чингису слышались голоса мертвых. Он склонял голову перед именами павших командиров, таких как Самука или Хо Са.

Понадобилось бы немало времени, чтобы перечислить их всех. Монголы потеряли двадцать три тысячи убитыми, искалеченными или пропавшими без вести в сражениях с армией шаха. Ужасная потеря для войска и страшный удар для народа. Медленно закипала злоба в

груди, когда Чингис искал взглядом знакомые лица и не находил их в рядах своих воинов. Муж его сестры, Палчук, числился среди мертвых, и Чингис предвидел реки слез по возвращении в лагерь.

Хан внимательно следил за тем, как идет построение. Помимо стяга своего тумена, Чингис видел знамена Хасара и Хачиуна, Джебе и Субудая, Чагатая, Джелме и Джучи. Хан распорядился, чтобы воины неполных туменов заняли места убитых, и восемь новых туменов восстали из пепла. Все, от четырнадцатилетних мальчишек и старше, могли теперь называть себя бывальыми бойцами. Чингис знал, что они не подведут.

Он опустил руку, чтобы пощупать голень, но боль и мокрая повязка на ноге лишь заставили его поморщиться. Наверное, ранили его вчера, но теперь он уже и не помнил, как это произошло. На ногу Чингис встать не мог, поэтому привязал ступню к стремяни, чтобы можно было ехать в седле. Некоторые воины потеряли в боях части доспехов, получив взамен глубокие раны, перевязанные теперь полосками грязной ткани. Другие из-за серьезных ранений страдали от жара и обливались холодным потом, который не остужал их даже на утреннем ветру. С хмурой злобой на лицах они сидели в седле, дожидаясь рассвета и появления врагов. Никто не спал в эту ночь, все ужасно устало, но ничто не выдавало ни их боли, ни слабости. Они потеряли родственников и друзей. Дни сражений выжгли в их душах все, кроме холодной жажды мести за павших.

Когда достаточно рассвело, Чингис увидел войско врагов. Вдали горны затрубили сигналы тревоги. Хорезмийцы заметили поджидавшую их огромную армию и почти прекратили движение. Вид монгольского войска лишил их мужества, от порядка в рядах не осталось следа, хорезмийцы сбились в плотную хаотичную массу.

Чингис объявил наступление, и тумены двинулись следом за ним. Две тысячи всадников передней шеренги выставили копья, чувствуя напряжение в усталых, израненных мышцах. Остальные обнажили мечи. Дистанция между противниками сокращалась.

Вскоре Чингис увидел двух хорезмийцев, бежавших к нему с белыми флагами в руках. Он удивился: неужели они хотят сдаться? Однако это уже не имело значения. Не время было просить о милосердии. Чингис лично знал многих из тех, кто пал в боях, и теперь для врагов у него остался только один ответ – тот, которого от него ждали бы души убитых товарищей, если бы смотрели сейчас с неба на землю. Когда парламентеров с белыми флагами растоптали копыта монгольских коней, тихий стон прокатился над остатками шахского войска. Собираясь с последними силами, они готовились к битве.

Сорок слонов вывели вперед, но Субудай снова велел своим лучникам стрелять по ногам животных, и взбешенные слоны бежали назад, сминая все на своем пути. Даже монгольские всадники не смогли бы причинить шахскому войску больший вред.

Копья почти одновременно вонзились в ряды противника, и Чингис приказал трубить в рог. Чагатай начал молниеносную атаку на правом фланге, Джучи одновременно атаковал слева. В лучах восходящего солнца монголы снова принялись рубить и кромсать врага. Удержать их было нельзя. Как невозможно было отбросить назад.

Тумен Чагатая нажимал справа, скорость и напор его воинов несли их к самому центру вражеского войска. В общей суматохе и шуме уже никто не докричался бы до него, чтобы вернуть назад. Конница Джучи растеклась вдоль левого фланга противника, отсекая мечами мертвых от живых. Сквозь битву Джучи видел, как глубоко внедрился Чагатай в массу перепуганных хорезмийцев. Всего несколько сот шагов разделяло братьев, когда волна мусульман как будто поглотила Чагатая. Джучи закричал. Ударил коня пятками и повел своих воинов за собой, врезаясь, словно копье, в корчащееся тело хорезмийского войска.

Колонны Джебе и Субудая сражались с таким упорством, что передние шеренги врагов отошли далеко назад, по колено утопая в крови. Без командира среди хорезмийцев царил пол-

ный хаос. Чагатай и Джучи крушили их до тех пор, пока не сошлись. Лишь несколько измученных, запыхавшихся воинов разделяли двух братьев.

Всадники монгольского хана посеяли ужас в сердцах хорезмийцев, и они дрогнули. Тысячи бросали оружие и пытались бежать, но монголы не колебались. Повернувшись спиной враги безжалостно получали удар за ударом, и к полудню их войско рассеялось, остались лишь мелкие группы людей, отчаявшихся спасти свою жизнь. Резня продолжалась без передышки. Кое-кто из мусульман падал на колени и, истошно крича, молил о пощаде, пока голову не сносил монгольский клинок. Монголы стали похожи на мясников, но им нравилась эта работа. Они действовали решительно и хладнокровно. В яростной схватке мечи раскалывались на куски, и тогда они подбирали с земли кривые широкие сабли. Точно замороженные, хорезмийцы не смели увернуться ни вправо ни влево, и острые копья пронзали насквозь их тела.

Наконец осталось лишь несколько сотен. Они подняли раскрытые руки вверх, показывая, что безоружны. Чингис прорычал последний приказ, и шеренга всадников с копьями помчалась вперед. Хорезмийцы в ужасе вскрикнули, но быстро умолкли, когда шеренга монголов прокатилась по ним. Монголы вернулись. Спешившись, они рубили мертвые тела на куски, пока не схлынула злорада.

Монголы не праздновали победу. С самого рассвета хорезмийцы едва ли давали противнику достойный отпор. Хотя монголы находили свирепое удовольствие в этой бойне, славы она принесла не больше, чем облавная охота.

Ступая по мягкой от крови земле, монголы рыскали среди трупов ради поживы. Они резали мертвые пальцы, чтобы забрать себе кольца, снимали с трупов хорошие сапоги и теплую одежду. Мухи слетались тучами, так что монголам то и дело приходилось их разгонять, когда назойливые создания садились на глаза и губы. Жужжащие насекомые кишели повсюду. На жаре трупы скоро начали разлагаться.

Чингис созвал своих военачальников. Они подходили один за другим, израненные, с ушибами и царапинами на лице, но с блестящими глазами.

– Где шах? – спрашивал Чингис каждого.

Они нашли верблюдов, груженных шелковыми палатками, а люди Джебе открыли тайник с драгоценными украшениями и уже прибрали к рукам или обменяли половину его содержания на другие трофеи.

Когда Чингис спросил Субудая, тот многозначительно покачал головой.

– Его всадники исчезли, великий хан, – отвечал он. – Я не видел ни одного.

Чингис выругался и оживился:

– Пошлите разведчиков за ними. Я объявляю охоту на шаха.

Услышав волю хана, разведчики немедленно вскочили обратно в седло и умчались. Чингис оживился сильнее, от усталости не осталось и следа.

– Если шах бежал прошлой ночью, значит он уже день как в пути. Он не должен уйти! Их купцы говорят, что у него есть войско в пять раз больше, чем это. Пошли своих людей вместе с разведчиками. Ничего важнее этого нет, ничего.

Всадники разъехались во всех направлениях, и вскоре двое из тумена Джучи спешно примчались назад. Выслушав их донесение, Чингис побледнел.

– Субудай! Кони скачут на восток, – сказал он.

– Но его города на юге. Он обошел нас. – Субудай замер от удивления, а затем произнес: – Государь, разреши мне встать на защиту нашего лагеря.

Чингис недовольно выругался.

– Нет. Ты со своим туменом отправляйся следом за шахом. Если он доберется до города и получит подкрепление, мы покойники.

В этот момент Джебе стоял рядом с ханом и слышал его приказ. Джебе видел шахскую армию во всем ее блеске и силе. Даже мысль о том, чтобы столкнуться снова с таким многочисленным воинством, была невыносима.

– Если позволит хан, – сказал он Субудая, – я поеду с тобой.

Чингис махнул рукой, и Субудай кивнул, вонзая пятки в конские бока. Дав приказ ближайшему командиру, Субудай без остановки поехал вперед, а командир помчался собирать тумен Волчат.

Услышав новость, Джучи прискакал к отцу, остановил лошадь и поклонился в седле.

– Лагерь в опасности? – спросил он.

Чингис пристально посмотрел на сына, а затем перевел взгляд на тигровую шкуру у того под седлом. У всех в лагере были семьи, но хан как будто не думал об этом. Это он отдал приказ оставить женщин и детей без защиты. Но выбора у него не было.

– Я отправил Субудая и Джебе в погоню за шахом, – наконец сказал Чингис.

– Они хорошие воины. Лучше их у тебя никого нет, – ответил Джучи. И хотя отец его был мрачен, он неосторожно продолжил, думая о своей матери: – Позволь мне взять тумен и привезти семьи сюда?

С неохотой Чингис поразмыслил о предложении сына. От Отрара до лагеря было менее одного дня пути. Хан не хотел, чтобы о победе женщинам и детям объявил Джучи. Несомненно, молодой человек уже подумал, как там встретят героя. От этой мысли у Чингиса скрутило желудок.

– Ты нужен мне под Отраром, – ответил он. – Передай приказ Чагатаю.

Чингис увидел, что на мгновение в глазах сына вспыхнул гнев. Хан наклонился вперед, опустив руку на рукоять меча. Даже теперь Чингис сожалел о том, что клинок с рукоятью в виде головы волка висит на бедре у Джучи. Взяв себя в руки, Джучи поклонился и ускакал передать распоряжение отца младшему брату.

Чагатай он нашел в центре шумного сборища молодежи. Смеясь над какой-то шуткой, брат заметил Джучи не сразу, но, как только увидел его, немедленно замолчал, принял серьезный вид и застыл. Юные воины последовали его примеру, и Джучи пришлось вести коня под их неприязненными взглядами.

Братья даже не поприветствовали друг друга. Рука Джучи упала на тигровую шкуру возле эфеса, теребя пальцами жесткий мех. Чагатай ждал, пока брат начнет говорить, и приподнял одну бровь, вызвав усмешку на лицах своих собеседников.

– Бери свой тумен и возвращайся в лагерь. Приведешь всех к Отрару, – наконец сказал Джучи, когда эти игры надоели ему.

Чагатай разозлился. Ему не хотелось нянчиться с бабами и детьми в то время, как Отрар будет трепетать от одного вида врагов.

– Чей это приказ? – поинтересовался он. – Кто велел?

Несмотря на дерзкий тон брата, Джучи сдержался.

– Хан велит тебе собираться в дорогу, – ответил он, поворачивая коня.

– Но это твои слова. А кто станет слушать, что там говорит выродок-полукровка?

Чагатай так сказал, зная, что окружен своими людьми. Они всегда ожидали от него подобной дерзости, чтобы потом всласть потреться о ней у костра. Джучи застыл в седле. Он понимал, что ему не следует связываться с глупыми зубоскалами, но ничто на свете так не злило его, как пустая надменность младшего брата.

– Может, он просто считает тебя подходящей компанией для баб, после того как ты встал передо мной на колени, – ответил Джучи. – Не знаю, что у него на уме.

Растянув губы в улыбке, он пустил коня шагом. Даже сейчас, когда за спиной были вооруженные люди, Джучи не мог доставить им удовольствия своим поспешным бегством.

Внезапно сзади послышался топот копыт, и Джучи инстинктивно схватился за рукоять меча, но потом отвел руку. На глазах у стольких свидетелей Джучи не мог поднять меч на Чагатая, так как понимал, что это стало бы его концом.

Джучи оглянулся, пытаясь сохранить хладнокровие, насколько это было возможно. Чагатай приближался, быстро сокращая разрыв между ними. Ватага молодчиков мчалась следом. Лицо Чагатая было багровым от злобы. Джучи едва успел раскрыть рот, чтобы заговорить вновь, как Чагатай выпрыгнул из седла и яростно набросился на Джучи, сбив его с лошади.

Братья сцепились, покатались по земле, и Джучи дал волю рукам и молотил кулаками, не помня себя. Разнявшись, братья вскочили на ноги и оба выпучили друг на друга глаза, в которых сверкала жажда убийства. Но оба еще держались старых обычаев и не смели касаться мечей. Выставив кулаки, Чагатай полез на Джучи, но тот со всей силы ударил его ногой в пах.

Корчась от боли, Чагатай рухнул на землю, однако ярость его была настолько сильна, что он, к изумлению Джучи, смог подняться и снова заковылял к нему. К этому времени воины Чагатая спешили и растащили братьев в стороны. Утерев кровь под носом, Джучи презрительно плюнул Чагатаю под ноги. Лишь дождавшись, когда Чагатай немного успокоится, Джучи повернулся к Чингису.

От злости хан побледнел. Как только их взгляды пересеклись, он ударил пятками лошадь и подъехал ближе. В присутствии хана воины онемели, никто не посмел поднять на него глаза. Его гнев вошел в легенды монгольских племен, и молодые люди вдруг осознали, что их жизнь зависит от одного его слова, одного жеста.

Лишь Чагатай, казалось, ничего не боялся. Когда отец подъехал ближе, он шагнул вперед и попытался ударить старшего брата слева по лицу. Джучи машинально увернулся, но Чингис пнул его ногой между лопаток, юноша не удержался и мигом распластался на земле.

Падение Джучи даже Чагатая привело в чувство. Он словно остоленел, но глумливая усмешка осталась у него на лице. Чингис слезал с лошади медленно. Его кулаки крепко сжимались до тех пор, пока он не выпустил поводья из рук.

Когда хан повернулся лицом к сыновьям, Чагатай понял, что отец в бешенстве, и попятился назад. Чингису этого показалось мало. Положив пятерню на грудь сыну, он толкнул его, и тот шлепнулся на землю рядом с Джучи.

– Еще не вышли из детства? – прорычал Чингис и покачал головой.

Два малолетних дурня осмелились устроить драку на глазах у людей. Взять бы палку побольше да вдолбить им ума. И хан с удовольствием сделал бы это, но, собрав волю в кулак, он сдержался. Отлупи он сейчас мальчишек, и они навсегда утратят уважение своих воинов. Злая молва будет преследовать их до конца жизни.

Ни Джучи, ни Чагатай ничего не ответили. Осознав наконец всю опасность своего положения, они предпочли молчать.

– Как вы можете командовать?..

Хан не произнес унижительных слов вслух: губы шевелились безмолвно. Хачиун примчался на шум, и его появление немного разрядило обстановку.

– Как ты поступишь с малолетними дураками вроде этих? – спросил Чингис Хачиуна. – Вокруг нас еще полно врагов, смертельная опасность угрожает нашим женам и детям, а эти двое дерутся и ведут себя как мальчишки.

Глаза Чингиса вопрошающе смотрели на Хачиуна в поисках подходящего наказания для сыновей. Если бы зачинщиком ссоры был Джучи, хан предал бы его смерти. Но именно Чагатай стал виновником драки. Он первым набросился на брата и повалил его на землю. Чингис все видел своими глазами.

Лицо Хачиуна оставалось суровым. Он хорошо понимал затруднение брата.

– До Отрара почти двадцать миль, повелитель. Я бы отправил их туда пешком. – Хачиун посмотрел на солнце, чтобы прикинуть время. – Если не прибегут до темноты, то, возможно, они еще недостаточно сильны, чтобы командовать людьми.

Чингис медленно выдохнул. Решение найдено, но чувство облегчения нельзя было показывать на людях. Солнце палило нещадно, и подобная пробежка могла стоить человеку жизни. Но Джучи и Чагатай были молоды и сильны, а такое наказание послужит обоим хорошим уроком.

– Буду ждать вас у Отрара, – сказал он лишившимся дара речи сыновьям.

За предложение Чагатай поблагодарил Хачиуна злобным взглядом, но едва успел раскрыть рот, чтобы возразить, как сильная рука Чингиса схватила его за грудки и одним рывком поставила на ноги. Не разжимая кулака у самого подбородка сына, Чингис заговорил вновь:

– Снимай доспехи и вперед. Если снова увижу, что вы деретесь, сделаю наследником Угэдэя. Ты меня понял?

Оба брата кивнули, и Чингис перевел взгляд на Джучи. Тот сообразил, что слова отца также относятся и к нему, и смотрел возмущенно. Чингис снова вспылil, но именно в этот момент Хачиун объявил сбор войск, приказав готовиться к походу на Отрар, и Чингис отпустил Чагатая.

Чтобы доставить удовольствие тем, кто все слышал и мог пересказывать тысячу раз слова хана, Хачиун заставил себя улыбнуться, когда Джучи с Чагатаем начали бег по ужасной жаре.

– Помнится, в детстве ты как-то выиграл забег.

Чингис раздраженно покачал головой:

– Какое это имеет значение? Это было давно. Пусть Хасар приведет семьи к Отрару. У меня остался там неоплаченный долг.

Шах Ала ад-Дин потянул за поводья, заметив тонкие струйки дыма от очагов монгольского лагеря. С предзакатных сумерек шах медленно скакал на восток, преодолев уже многие мили пути. Когда солнце взошло и иссушило утренний туман, вдали показались грязные юрты кочевников. В первый миг шах испытал жгучее, всепоглощающее желание пройтись по лагерю саблей, рассекая головы женщин и детей. Знай он раньше, что хан оставит их без защиты, то отправил бы сюда двадцать тысяч солдат, чтобы уничтожить в этом лагере всех до последнего человека. Но шах лишь досадливо сжал кулаки, когда стало светлее. На границах лагеря несли дозор монгольские воины. Они сидели в седле, лошади мирно фыркали над пыльной землей в поисках травы. И в кои-то веки часовые проклятых монголов не подали ни одного сигнала тревоги.

Огрызнувшись, шах начал разворачивать коня, чтобы отправиться дальше. Эти монголы расплодились, как вши, а у него было всего-то четыреста воинов. Солнце поднималось все выше, и скоро их могли заметить.

Но кто-то из людей шаха что-то крикнул, и Ала ад-Дин повернулся на крик. Солнечный свет обнажил то, что скрывалось за сумраком раннего утра. Шах ехидно улыбнулся и воспрянул духом. Монгольские стражи оказались вовсе не воинами, а соломенными пугалами, привязанными к лошадям. Шах, как ни щурил глаза, не увидел ни одного вооруженного человека. Новость быстро разлетелась по рядам всадников. Отпрыски благородных родов повеселели, закивали в сторону лагеря, и некоторые уже обнажали сабли. Все эти люди участвовали в карательных рейдах по селам за недоимки. Расправа над мирными жителями хорошо удавалась им, да к тому же велико было и желание отыграться.

Джелал ад-Дин подъехал к отцу. Принц явно не разделял радости остальных.

– Ты хочешь, чтобы мы потеряли тут еще полдня, отец, когда наши враги совсем близко?

В ответ старик обнажил кривую саблю. Шах посмотрел на солнце:

– Этот хан должен дорого заплатить за свою дерзость, Джелал ад-Дин. Убейте детей и подожгите все, что горит.

Глава 18

Медленно, словно исполняя ритуал, Чахэ обернула шелковой лентой руку, привязав к ней рукоять длинного кинжала. Бортэ говорила, что при первом ударе женская рука может дрогнуть или вспотеть и выронить нож. Процесс наматывания шелковой ленты вокруг пальцев и затягивание узла зубами каким-то образом успокаивали Чахэ, пока она посматривала из юрты на всадников шаха. Но затянуть в узел свой страх женщина была не в силах.

Чахэ, Бортэ и Оэлун сделали все, что могли, чтобы защитить лагерь. У них было мало времени, и более хитрые ловушки для неприятеля расставить не успели. Но по крайней мере, у всех было оружие, и Чахэ осталось только прочесть буддистскую предсмертную молитву и подготовить себя духовно. С утра было прохладно, но в воздухе как будто начинала чувствоваться духота, и день снова обещал выдаться жарким. Чахэ постаралась как можно лучше спрятать детей в своей юрте. Точно мышата, они молча лежали под горой одеял. С большим усилием отбросила Чахэ страх, запрягла его подальше, чтобы сохранить ясный ум. Некоторые вещи были предначертаны судьбой, или кармой, как называли ее индийские буддисты. Может быть, все женщины и дети сегодня умрут. Чахэ этого знать не могла. Она желала лишь получить шанс впервые в жизни убить человека, чтобы исполнить долг перед мужем и детьми.

Перевязанная лентой правая рука задрожала, как только Чахэ взялась за клинок, но держать оружие ей нравилось. Она черпала в нем мужество. Чахэ знала, что Чингис отомстит за нее. Если останется жив, Чахэ всеми силами старалась подавить эту мысль, когда та возникала в ее голове. Разве смогли бы мусульмане добраться до лагеря, не переступив через трупы воинов ее народа и ее мужа? Если бы Чингис был жив, он свернул бы горы, чтобы защитить лагерь. Для монгола семья значила все. Но хан до сих пор не появился на горизонте, и Чахэ боролась с отчаянием, тщетно пытаясь обрести душевный покой.

Напоследок она глубоко вздохнула, сердце забилося медленным и тяжелым стуком, руки необычно похолодели, будто в жилах застыла кровь. Всадники подступали все ближе к монгольскому стану. Жизнь казалась лихорадочным кошмаром, лишь мигом перед долгим сном. Чахэ верила, что снова проснется, снова вернется к жизни без мучительных воспоминаний. Это утешало.

Появление шаха и его всадников в лагере всполошило табуны монгольских лошадей. Волнение среди животных и странная тишина вокруг казались шаху недобрым предзнаменованием. Шах огляделся по сторонам, посмотрел на своих воинов. Возможно, и у них появилось дурное предчувствие? Но воины, ослепленные жаждой расправы, как будто ничего такого не замечали и только пригнулись в седле, держа саблю наизготове.

Впереди лениво поднимались струйки дыма. Женщины занимались стряпней. Воздух становился теплее, и ручейки пота уже бежали по спине шаха, когда он достиг первых юрт. Ворвавшись в лабиринт жилищ, всадники рассредоточились, и шах начал нервничать. Монгольские юрты были довольно высоки, за каждой могло скрываться все что угодно. Даже сидя на лошади, человек не видел, что ждет его за следующим домом, и это тревожило.

Лагерь казался покинутым. Если бы не дым очагов, Ала ад-Дин мог бы подумать, что здесь никого нет. Шах планировал прочесать лагерь в один заход, убивая всех, кто попадется на пути. Но улочки и переулки были пусты. Всадники проникали все глубже и глубже к центру, не встречая вокруг ни души. И только высоко в небе кружил орел, выискивая добычу.

Шах недооценил громадные размеры монгольского лагеря. В одном месте стояло тысяч двадцать жилищ, а может, и больше. В глуши поистине возник из пустоты целый город. Мон-

голы обосновались на землях вдоль берегов соседней реки, и на пути шаха часто встречались деревянные рамы, на которых вялилась рыба. Притихли даже мухи. Шах недоумевал, стараясь отбросить мрачные мысли. Кое-кто из его людей начал спешиваться, намереваясь идти по юртам. Чтобы женщины были сговорчивее, вспоминал шах, следовало пригрозить им смертью детей. Он раздраженно вздохнул. Быть может, Джелал ад-Дин был все-таки прав. Если шарить по юртам, можно считать, что утро потеряно. Враги шли по их следу, вероятно, были недалеко, и шаху совсем не хотелось, чтобы его застигли в этом убогом местечке. И он в первый раз пожалел о том, что не прошел мимо лагеря.

На глазах у шаха один из друзей его сына пригнулся, чтобы отворить дверь первой юрты. Вход оказался слишком узок для могучих плеч. Вглядываясь в полумрак жилища, мусульманин просунул бородатое лицо в дверной проем. В следующее мгновение мужчина содрогнулся, ноги судорожно задергались, будто с ним случился припадок. Ала ад-Дин сам оторопел от неожиданности. К его удивлению, воин опустился на колени, затем рухнул внутрь юрты, продолжая дергать ногами.

Едва успев набрать воздуха, чтобы дать команду своим людям, шах заметил уголком глаза движение за спиной и резко махнул саблей назад. К нему кралась женщина, и кончик клинка рассек ей губу и сломал несколько передних зубов. Из рта хлынула кровь. Женщина подалась было назад, но затем, к ужасу шаха, набросилась на него и вонзила кинжал в бедро. Второй удар сабли снес женщине голову. В тот же миг тишина сменилась оглушительным хаосом.

Юрты изверглись, точно маленькие вулканы, и хорезмийцам пришлось биться за свою жизнь. Невзирая на рану и боль, шах развернул лошадь и повалил ее крупом женщину и мальчишку, которые бежали к нему с криками и большими ножами в руках. Воины шаха были опытными кавалеристами, привыкшими защищать своих лошадей от нападения снизу. Но монголки как будто не боялись смерти. Они подбегали совсем близко и били без разбору, лошадь это или нога человека, затем исчезали за ближайшей юртой. Женщин рубили саблями, но многие из них вместе с предсмертным вздохом вонзали клинки в живую плоть всадников.

Несколько мгновений спустя каждый из четырехсот всадников уже отбивался от двух, четырех, а то и пяти женщин сразу. От полученных ран кони вскакивали на дыбы и мчались прочь, сбрасывая седоков под ноги разъяренной толпы. Других всадников женщины стаскивали сами и нещадно били кинжалами и ножами.

Но хорезмийцы не растерялись. Более половины гвардии шаха окружили его кольцом, остальные выстроились плотным кругом, защищая друг друга от нападения. Ножи и камни летели в них со всех сторон, женщины, подобно привидениям, то возникали, то снова исчезали позади юрт. Шаху казалось, что он в западне, но он не мог уйти просто так, позволив монгольскому хану раструбить на весь мир, что шах бежал от баб и детей. Обезумевший конь внезапно врезался в одну из юрт. Жилище обрушилось, и шах увидел, как опрокинулась железная печь. Он тут же дал Аббасу приказ и принялся с нетерпением наблюдать, как слуга оторвал большой кусок войлока с обшивки юрты и поджег его от выпавших из печи головешек.

Нападение женщин стало отчаяннее, но люди шаха завладели к этому времени положением. Двое из них даже слезли с коней и повалили на землю молоденькую монголку с явным намерением изнасиловать ее. Увидев двух забывшихся дураков, шах яростно подскочил к ним, сбив обоих с ног.

– Вы что, лишились рассудка? – закричал он. – А ну, встать! Я приказал жечь юрты! Немедленно исполнять!

На глазах разгневанного шаха оба схватили сопротивлявшуюся девушку и вспороли ей горло. К этому времени Аббас уже подпалил одну юрту. Всадники, что были ближе, схватили куски горящего войлока и понеслись в разные стороны, чтобы рассеять ужас как можно дальше. Отовсюду повалил густой серый дым. Вдыхая его, Ала ад-Дин давился от кашля, но ликовал при мысли, что хан найдет здесь пепелище да холодные трупы.

Бегущих мальчишек первым заметил Джелал ад-Дин. Они ныряли между юртами у реки, петляли, но быстро приближались. Принц видел сотни дьяволят – грудь нараспашку, волосы развеваются на ветру. Но, заметив, что, так же как их отцы, мальчишки готовят луки, Джелал ад-Дин нервно сглотнул. Он успел предупредить своих, всадники прикрылись щитами и двинулись в сторону новой опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.